

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ
(до 1917 г.)**

Сборник статей

**Москва
2009**

Б 042(02)1

Сборник, подготовленный в Центре истории русского феодализма Института российской истории РАН, содержит ряд работ по малоисследованным вопросам источниковедения отечественной истории с XVI до начала XXI в. Подробно рассматриваются проблемы государственного и церковного управления Московского государства XVI-XVII столетий, массовой документации допетровской Руси, процесса становления крепостничества и системы государственного феодализма, а также актуальные аспекты аграрной истории России и другие. Статьи сборника (авторы которых представляют научные и образовательные центры Москвы, Калуги, Твери, Казани, Муромы, Орск и Калининграда) вводят в научный оборот ценный фактический материал; включает важные научные выводы по ключевым проблемам отечественного источниковедения.

Ответственный редактор
д-р ист. наук С.А.Козлов

Редколлегия:
д-р ист. наук С.А.Козлов (*отв. редактор*),
канд. ист. наук А.Г.Гуськов (*отв. секретарь*),
д-р ист. наук А.И.Аксенов, д-р ист. наук, проф. Н.М.Рогожин

Работа подготовлена
в Центре истории русского феодализма
ИРИ РАН

ISBN 978-5-8055-0207-2

© Институт российской истории
РАН, 2009 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск нашего издания содержит статьи по ряду актуальных малоизученных проблем источниковедения отечественной истории в широком хронологическом диапазоне: с XVI до начала XXI в. Открывают сборник работы, посвященные вопросам государственного и церковного управления Московского государства XVI-XVII вв., а также важным аспектам отдельных источников, составляющих массовую документацию допетровской Руси. В статье И.А.Устиновой на основе скрупулезного изучения книг патриарших приказов рассматривается управление церковными владениями в Московском уезде в конце 1620-х – начале 1630-х гг. В центре работы – анализ объектов хозяйственного и культового назначения на территории Московского уезда в их отношении к центральным органам управления патриаршей кафедры – приказам через призму делопроизводственной документации. В работе Д.В.Лисейцева подробно характеризуются нарративные источники второй половины XVI – начала XVII в., свидетельствующие о приказной системе этого периода. Автор акцентирует внимание на особой исторической ценности рассмотренных им источников, принадлежащих иностранцам (Г.Штадена, Дж.Флетчера, А.Олеария и др.), поскольку нарративные источники российского происхождения, по его мнению, не содержат столь целостной картины состояния приказной системы. Анализу копийной книги царских грамот муромской приказной избы XVII в. как исторического источника посвящена статья В.Я.Чернышева. Источниковедческие проблемы более раннего периода затрагивает в своей работе М.Р.Белоусов, который на основе детального изучения отдельных боярских списков столбцовой формы периода царствования Алексея Михайловича емко и содержательно характеризует их в качестве ценнейшего исторического источника.

Обряды рождения и крещения царских детей в России XVI-XVII вв. стали объектом изучения М.Г.Ракитиной, которая

тщательно реконструировала как используемые в царской семье религиозные обряды, общепринятые в Русской Православной Церкви, так и особые церемонии, сопровождавшие рождение царских наследников и не всегда характерные даже для семей высшей знати. Автор отмечает, что эти церемонии должны были способствовать укреплению власти и могущества государя, а также всей правящей династии.

В сборнике посмертно впервые публикуется статья видного российского историка доктора исторических наук В.И.Корецкого, посвященная историографическим и источниковедческим проблемам сложного и противоречивого процесса становления крепостничества и системы государственного феодализма в России в конце XVI – начале XVII в. Автору удалось обнаружить новые материалы, касающиеся Юга России. Работа В.И.Корецкого, а также публикуемая в качестве приложения к ней «Роспись различных денежных доходов и кабацких денег с ряда южных и западных пограничных городов, ведавшихся во Владимирской четверти» 1613-1614 гг., бесспорно, представит большой интерес для исследователей.

В статье Л.Б.Алимовой рассматривается такой исторический источник, как формы финансовой отчетности казенных художественных мануфактур XVIII-XIX вв., а в работе Е.Н.Ефремовой на основе материалов переписной книги 1709 г. подробно анализируются ключевые проблемы формирования тверского купечества в начале XVIII столетия. Источники, позволяющие исследовать малоизученный вопрос о численности состава местных московских учреждений середины XIX в., стали объектом фундаментальной работы В.А.Иванова, который воссоздал ценную статистическую информацию по теме исследования, сделал выводы о содержательности и репрезентативности отдельных групп опубликованных и архивных источников.

В статьях, вошедших в сборник, затрагиваются и вопросы аграрной истории России. В концептуальной работе А.Н.Медушевского «Аграрные реформы в России: проекты и реализация» многосторонний опыт российских аграрных преобразований, проводимых с XVIII до начала XXI в., рассматривается в

сравнительном контексте с целью выявления универсальных правовых, социальных и институциональных проблем, с которыми сталкивались отечественные реформаторы; определяются адекватность и эффективность применявшихся ими технологий. Автор существенно расширяет современные научные представления по такому ключевому направлению российской историографии, как изучение попыток реформирования сельского хозяйства в новое и новейшее время; предлагает принципиально новую схему основных моделей аграрных преобразований.

Проблемам аграрной модернизации посвящена и работа С.А.Козлова, в которой характеризуются материалы «Земледельческой газеты» 1834-1917 гг., посвященные усовершенствованию сельского хозяйства Центрально-Нечерноземной России. Автор отмечает роль этого авторитетного издания в пропаганде рационального аграрного опыта; подробно характеризует газету в качестве исторического источника, позволяющего реконструировать как хозяйственные, так и социокультурные направления аграрной модернизации региона.

Неизученные источниковедческие вопросы крестьянских промыслов Петербургской, Псковской и Новгородской губерний во второй половине XIX – начале XX в. рассматриваются в работе В.Н.Никулина, который подробно характеризует хранящиеся в Российском государственном историческом архиве материалы по теме исследования (включая губернаторские отчеты), а также ряд опубликованных источников, подвергая их при этом тщательному критическому анализу.

В статье Л.Н.Жданович анализируются опубликованные и архивные источники, позволяющие охарактеризовать деятельность уездных по крестьянским делам присутствий, функционировавших в северо-западных губерниях России с 1874 по 1889 г. В этой работе сделан ряд интересных источниковедческих и конкретно-исторических выводов: так, отмечается, что большинство уездных и губернских собраний в Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской губерниях выступили против сохранения административной опеки над крестьянами и за создание всесословной волости.

Авторы опубликованных в сборнике статей представляют научные и образовательные учреждения целого ряда российских городов: Москвы, Калуги, Твери, Калининграда, Муром, Орска и Казани, что свидетельствует о растущем интересе отечественных историков к малоизученным источниковедческим проблемам, тесно связанным с такими ключевыми вопросами, как история российской государственности и управления, социокультурная эволюция общества, теория и практика аграрной модернизации и другими.

Таким образом, статьи сборника вводят в научный оборот ценный фактический материал; содержат важные теоретические выводы, касающиеся узловых проблем отечественного источниковедения.

**УПРАВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНЫМИ
ВЛАДЕНИЯМИ В МОСКОВСКОМ УЕЗДЕ
В КОНЦЕ 1620 – НАЧАЛЕ 1630-х гг.
(по книгам Патриарших приказов)**

Истории церковного землевладения, исследованию феодального хозяйства Патриаршей кафедры и отдельных монастырей России в XVII в. посвящено немало работ как дореволюционных, так и современных исследователей¹. В них можно найти подробный анализ системы феодальных отношений, эволюции форм крепостной ренты и церковной дани. Внимание историков, хотя и в меньшей степени, уделялось деятельности Патриарших приказов². Однако целостной картины Патриаршего хозяйства в масштабе всей Патриаршей области до сих пор нет, особенно, если речь идет о первой половине XVII в. Задача данной статьи – рассмотреть объекты хозяйственного и культового назначения на территории Московского уезда в их отношении к центральным органам управления Патриаршей кафедры – приказам через призму делопроизводственной документации.

Книги Патриарших приказов первой половины XVII в. – ценный источник по истории Московского уезда. Здесь располагались основные домовые хозяйственные комплексы, финансирование и управление которых осуществлялось как из келейной казны Патриарха, так и из приказных финансов. Кроме Московского уезда кафедра имела много домовых сел и монастырей в других районах. Так, житницей всего Патриаршего хозяйства служило село Ярымово с деревнями в Муромском уезде, были крупные села и под Владимиром³. Документы Патриарших приказов времен Филарета нечасто упоминают эти села, и получить данные об их управлении очень сложно. В расходных книгах регулярны записи лишь о «ярымовского хлеба провозе», реже встречаются отметки о посылке Патриарших детей боярских в дальние села «по Патриархову делу».

Это обстоятельство не позволяет на данном источниковом материале изучать хозяйство Патриаршей кафедры в целом на всей территории Патриаршей области в конце 1620-х гг. С другой стороны, именно от этого времени до нас дошли первые делопроизводственные документы приказов при Патриархе (более ранние книги погибли⁴).

Иначе обстоит дело с подмосковными вотчинами и домовыми монастырями. Расходные книги Патриаршего Казенного приказа имеют специальную главу «На ржаное и на яровое жнитво и на семена в подмосковные села»⁵. Иногда выделяются и статьи по конкретным вопросам, например «На каменную плотину в село Троицкое»⁶, «На Федоровский монастырь»⁷. Приходные и расходные записи времени Филарета позволяют реконструировать деятельность системы управления на примере Московского уезда. Источниками в данном случае послужили расходные книги 1626, 1627, 1628 гг., приходные книги 1627, 1628, 1629 гг. Патриаршего Казенного приказа и приходная книга Патриаршего Дворцового приказа 1635 г.⁸

Объектами приказного управления в Московском уезде в рассматриваемый период были церкви, домовые монастыри, храмы и села с хозяйственными комплексами, дворы и слободы в Москве, оброчные земли, пустоши, мельницы по рекам Сетуни и Уче.

Уже в XIV-XV вв. митрополия начала приобретать территории в Московском уезде – первыми стали земли по реке Сетуни⁹. В дальнейшем здесь появились рыбные ловли и мельницы, сдававшиеся кафедрой в аренду и на оброк. К сожалению, приходные книги Патриаршего Дворца за рассматриваемый период не сохранились. Однако, в дошедших до нас документах этого типа за 1635/36 и 1640/1641 гг. есть записи о более ранней судьбе этих объектов. Приходная книга 1635/36 г. сообщает, что в 1630-м г. по указу Патриарха четыре «мельницы, что по реке по Сетуни» отданы на оброк двум тяглецам¹⁰. Так же на оброке находились мельницы и рыбные ловли на реке Уче под селом Пушкиным. Сбором оброчных денег с них ведал Патриарший Дворцовый приказ, но поступали они в Казну.

В Патриарший Казенный приказ поступали и денежные платежи с пустовых церковных земель. Патриаршая кафедра сдавала их в аренду. Среди документов Патриарших Дворцового и Казенного приказов сохранились «Оброчные книги пустовых церковных земель» с 1638 г.¹¹ В них имеется доимочная часть с 1633 г. со значительным числом об аренде записей земель и Московского уезда¹².

Среди Патриарших сел Московского уезда самые ранние из сохранившихся книг Казенного приказа упоминают в качестве крупнейших Пушкино, Троицкое, Голенищевое, Хлябово, Озерецкое. При селах находились хозяйственные объекты кафедры – коровники, рыбные ловли, конюшни. Так, в источниках фигурирует коровий двор в селе Голенищеве – здесь служил коровник, получавший жалование из казны, – Куприяшка Кондратьев. Его жалование составляло 2 рубля в год, но кроме этого он, например, получил деньги на избу – 4 рубля¹³. По-видимому, Кондратьев был управляющим коровьим двором в селе Голенищеве, с определенным штатом помощников.

В селах Троицком и Озерецком были рыбные ловли¹⁴. Из казны на их содержание регулярно выдавались деньги: «делать трубу на реке в Озерецком», «взять ужища», «взять лотку в государево Патриархово село Троицкое на пруды для рыбные ловли»¹⁵.

Предметом особых забот кафедры была покупка и содержание лошадей. В селе Пушкине располагались крупные Патриаршие конюшни. В расходной книге находим записи о выдаче Патриаршим конюхам Первушке Трофимову, Мишке Кузьмину и села Пушкина конюху Филке Фролову по 8 алтын 2 деньги (что составляет треть их жалования) за то, «что они у ногайских лошадей в селе Пушкине стряпают»¹⁶. И здесь финансирование шло напрямую из Патриаршего Казенного приказа – выделялись деньги на обиход¹⁷ и пополнение ногайского табуна¹⁸.

Расходы на содержание Патриарших домовых монастырей и храмов являются стабильной статьёй в делопроизводственных документах Патриаршего Казенного приказа. По приходной книге 1627/28 г. в Москве насчитывалось 194 данных

церкви, общая сумма поступлений с которых за год составила 86 руб. 6 алт. с деньгой¹⁹. Сведения по истории этих церквей были тщательно собраны и опубликованы в XIX веке²⁰. Общее количество церквей в Москве и уезде в 1627/28 г. составило 349²¹. Расходы на содержание домовых храмов фиксировались в главе «На церковное» или «На домовое строение» расходных книг. И.И.Шимко указывает в Москве Успенский собор и пять домовых храмов – Ризоположенский, Трехсвятительский, в честь Соловецких чудотворцев, апостола Филиппа и 12 апостолов. Однако в расходных книгах 1626-1629 гг. среди домовых церквей упоминаются только Ризоположенский храм с двумя попами, Трехсвятительский храм и храм Соловецких чудотворцев. В эту же группу входил и домовый Федоровский монастырь и церкви в Патриарших подмосковных селах (например, в селе Пушкине). Под термином «церковное строение» «разумелись не только издержки на постройку церквей вновь и разные поделки в них <...> но и траты на поддержание внутреннего благолепия храмов и снабжение их священнослужительскими облачениями, церковной утварью, богослужебными книгами и всем, что входит в состав церковной ризницы. Отсюда в книгах Казенного приказа находим отметки издержек “на расписание” храмов, с подробным обозначением количества потраченных материалов и платы иконописцам, на работы по чистке и золочению подсвечников, лампад, паникадил, на покупку масла, портным за починку облачений и тому подобное»²². Священники домовых церквей регулярно (раз в месяц) получали от Патриарха «зажилое»²³. В дни своих храмовых праздников попы многих московских церквей приходили к Патриарху и получали «на молебен». В главе «На молебны, понахиды и нищим на милостыню» расходной книги 1628/29 г. упоминаются до 15 московских церквей, регулярно получавших деньги «на молебен»²⁴.

Сына боярского – Терентия Петрова отрядили на строительство и снабжение нового Федоровского домового монастыря. Расходные книги Патриаршего Казенного приказа сохранили записи о выдаче жалования старцам этого монастыря, о покупках на средства казны шапок (этим занимался Терентий

Петров), яств и «на манатъе и на ряски и на свитки и на клобуки и на сапоги» для братьи²⁵. Дряхлому старцу Федоровского монастыря Ионе по указу Патриарха куплена «псалтыря печатная литовская ветчана в полдестъ». Обеспечение домового Федоровского монастыря осуществлялось в равных долях «из казны», «а другая половина дана из Дворца, из келейных доходов»²⁶. Ежемесячно кафедра посылала человека и в Новодевичий монастырь «к игуменье с ествою»²⁷. Выезды Патриарха в монастыри также сопровождались крупными денежными подачками, которые в равных долях оплачивались из Казны приказа и келейной Патриаршей казны. Например, в расходной книге 1628/29 г. под 28 апреля (четвертая неделя по Пасхе) читаем: «...патриарх... ходил молитца в Новый Девичь монастырь, пожаловал государь Патриарх на молебен попом полполтину, да милостыни игуменье, да келарю по полтине, да осьмидесяти четверем старицам по 2 алтына старице. Итого 5 рублей 8 денег. Да на два крылоса крылошанкам по рублю на крылос, да двум конархистом по 2 гривны конархисту. И всего на молебен и милостыни 8 рублей 31 алтын 2 деньги. И в то число дано на милостыню *половина из домовой казны 4 рубля 15 алтын 4 деньги, а другая половина на молебен и на милостыню из Дворца из келейных доходов* (выделено мной. – И.Л.)»²⁸.

Наконец, еще одним объектом Патриаршего дома в Москве и уезде были дворы и слободы в городе. Таких слобод по более поздним приходным книгам Патриаршего Дворцового приказа мы знаем четыре: 1) Осадный двор; 2) Гавриловская слобода в Белом Цареве городе; 3) Козья болота слобода в Деревянном городе; 4) Патриаршая Берешковская слобода. Всего в Москве было более 200 оброчных дворов²⁹. Видимо, управлением Патриаршими дворами в Москве ведал не только Патриарший Дворцовый приказ, но и Тиунская изба. Так, старосты слободы Козья болота подавали роспись о сошедших крестьянах не в приказ, а «тиуну Киру Патрикееву, да прикащику Федору Иванову»³⁰. Дворы и слободы, судя по сохранившимся документам, являлись лишь единицами обложения и ни в каких расходных статьях Патриарших приказов не фигурируют. Исклю-

чением являются записи о посылке слободских крестьян на работы в подмосковные Патриаршие села. Впрочем, в рассматриваемый период такие записи очень редки.

Управление Патриаршим хозяйством сосредотачивалось в Патриарших Казенном и Дворцовом приказах. *Патриарший Казенный приказ* являлся центральным *органом управления* в Патриаршей области. По сути, его роль подобна функциям Государева Казенного приказа³¹. Здесь сосредотачивались все финансовые операции Патриаршей казны, координировалась деятельность всех органов управления при Патриархе – в рамках Патриаршей области абсолютно, в рамках Церкви по наиболее важным вопросам. Казенный приказ осуществлял и фискальные полномочия – сбор дани с приходских церквей на территории всей Патриаршей области. Деньги с церковью принимал специальный подьячий, оформлявший приходную книгу. Кафедра регулярно проводила переписи своих церквей и уточняла размеры окладов. Такие переписи были проведены в 1620 и 1632 гг. А для Москвы сохранилось упоминание о более раннем письме и дозоре Василия Зиновьева 1617 г., то есть еще до возвращения Патриарха из плена³².

В Москве действовал особый орган управления – Поповская, позднее *Тиунская изба*. Во второй половине века она была преобразована в Приказ церковных дел. Единицей управления на территории Патриаршей области служила десятина, означавшая «не столько известный территориальный округ, сколько совокупность приходов в ведении определенного поповского старосты»³³. На территории Московского уезда было выделено семь десятин: Радонежская, Селецкая, Загороцкая, Пехрянская, Вохонская, Хотунская и собственно Московская. Управление ими сосредотачивалось в Поповской или Тиунской избе в Москве, состоявшей из восьми городских поповских старост³⁴. В задачи этого учреждения входил сбор неокладных доходов с московских церквей: пошлин с выдачи новоявленных, похоронных, почеревых, явочных от обеден, переходных, вечных пошлин³⁵. Эти деньги также поступали в Казенный приказ. Во второй половине 1630-х гг. в приходных книгах

приказа с 1630 г. появляются особые разделы: «Московского сбора венечных пошлин» и «Сбор Московского тиуна»³⁶.

Иной тип учреждения представлял собой *Патриарший Дворцовый приказ*: в его ведении находились лишь домовые хозяйственные объекты Патриаршей кафедры – дворцовые села и слободы в городе. В этом смысле делопроизводственная документация и значение Дворцового приказа вполне сравнимы с функционированием аналогичных учреждений при крупных монастырях или в вотчинах светских феодалов. Его отчетные приходные книги также поступали в Патриаршую Казну. Разделение функций происходило следующим образом: дворцовый дьяк входил во все нюансы хозяйственной жизни и выдавал памяти, по которым в Патриаршей Казне платили деньги. Документы двух центральных Патриарших приказов содержат много записей о подмосковных вотчинах и домовых монастырях Патриарха.

Управление хозяйством в дворовых селах Патриарха осуществлялось приказчиками, назначавшимися из числа Патриарших детей боярских. Они осуществляли постоянную связь с Патриаршими Казенным и Дворцовым приказами, получая от туда деньги на различные нужды, координировал деятельность сам Патриарх. В расходных и приходных книгах 1626 – 1629 гг. регулярно упоминаются имена приказчиков. Селом Пушкиным в 1626-1627 гг. заведовал сын боярский Иван Шевелев, позднее – сын боярский Иван Рагозин, в селе Троицком «сидел» Костентин Ресин³⁷, в селе Голенищеве – Дмитрий Безумов³⁸, рыбные ловли в селе Озерецком организовывал Осип Галасеин³⁹.

В обязанности приказчиков входила организация всего сельскохозяйственного цикла работ, строительство и поддержание основных построек, поставка орудий труда (сох, телег, топоров, хомутов и др.)⁴⁰. Из Москвы регулярно направлялись оброчные слободские крестьяне «к рыбной ловле», «невод чинить», «келью чинить» и др. Приказчики не оставались постоянно на одном месте, им давались новые поручения⁴¹. Деньги на содержание дворцовых сел выдавались практически всегда либо по личному указу Патриарха, либо по памяти за пометой

дворцового дьяка. Многие работы на подмосковные села выполняли люди Патриарха: кузнец Поспел Степанов делал топоры, сошники и иную утварь на все села⁴².

Многие села имели весьма крупный штат служащих, получавших жалование из Патриаршей казны. Мы уже упоминали о коровнике села Голенищева. А в селе Троицком известен весь церковный причт: поп Василий, предельный поп Федор, дьякон Лукьян, дьячок Ивашко Федоров, пономарь Максим Федоров и просвирница Евдотья. Сумма их жалования составляет 21 руб. 28 алт. 1 д. в год. Им же поступали деньги на всякие расходы «на келью», строительные материалы⁴³. Расходные книги неоднократно упоминают в селе Троицком «деловых людей»: Архипка Харитонов (получил деньги на рубашку «для его скудости»), Фетка Иванов⁴⁴ и другие. В селе Троицком работал прудовой сторож, получавший жалование из казны Патриарха, о чем свидетельствует сообщение о выдаче ему Патриаршего жалования в размере одного рубля от 25 октября 1627 г.⁴⁵

В литературе существует полемика относительно сущности понятия «деловые люди» для первой половины XVII в. – кроется ли за ним феодальный или капиталистический наем⁴⁶? А.Н.Сахаров характеризует «деловых людей» как «пришлых, получающих за свою квалифицированную и трудоемкую работу денежную плату»⁴⁷. Подробных данных по этому вопросу за рассматриваемый период книги Патриарших приказов не дают. Однако упоминание о покупке деловым человеком села Троицкого Ивашкой коровы может косвенно свидетельствовать о наличии у него собственного хозяйства⁴⁸.

Таким образом, Патриаршая кафедра располагала большим количеством разнообразных хозяйственных объектов на территории Московского уезда. При этом Московский уезд находился на особом положении в Патриаршем хозяйстве, он финансировался и управлялся непосредственно из Патриаршего Казенного приказа, который курировал и домовые Патриаршие вотчины в Московском уезде. Патриаршие Казенный и Дворцовый приказы для Московского уезда в равной мере выполняли

функции собственно вотчинного масштаба – обеспечение хозяйственной деятельности, сбор платежей.

С другой стороны, на примере церковных владений в Московском уезде можно в миниатюре рассмотреть систему функционирования всего единого Патриаршего хозяйственно-управленческого механизма. Компетенция Патриаршего Казенного приказа была шире вотчинной – он осуществлял контроль за использованием и арендой церковных пустых земель, описанием церквей и сбором церковных платежей в рамках всей Патриаршей области. Он являлся финансовым центром системы Патриаршего управления, куда поступали доходы из всех ведомств.

В заключение отметим, что, несмотря на плохую сохранность, информативные возможности книг Патриарших приказов в вопросах реконструкции домового хозяйства Патриаршей кафедры в конце 1620 – начале 1630-х гг. весьма высоки, но до сих пор не оценены в полной мере.

¹ Горчаков М.И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, Патриархов и св. Синода (988-1738): Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871; Покровский И. Русские епархии в XVI-XIX вв., их открытие, состав и пределы: Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 1. Казань, 1897; Сахаров А.Н. Русская деревня в XVII веке: По материалам Патриаршего хозяйства. М., 1966; Водарский Я.Е. Территориальные владения русской церкви в районе господства крепостного права во второй четверти XVII века // Проблемы исторической географии России. Вып. 2: Формирование экономических районов. М., 1982.

² Кантерев Н.Ф. Светские архиерейские чиновники. М., 1874; Шимко И.И. Патриарший казенный приказ // Россия. Министерство юстиции. Московский архив. Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Т. 9. М., 1894.

³ Сведения об этих владениях можно почерпнуть в приходных книгах Дворцового приказа более позднего времени – 1635, 1641, 1642 гг. См.: РГАДА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 5, 8, 9.

⁴ Путеводитель / ЦГАДА СССР. Т. 3. М., 1991.

⁵ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 1. Л. 508-508 об.; Д. 3. Л. 230 и др.

- ⁶ Там же. Д. 8. Л. 596-603 об., 606-608 об.
- ⁷ Там же. Ф. 235. Оп. 2. Д. 1. Л. 521-521 об.; Д. 3. Л. 236-240, 450-451 об., 477-478.
- ⁸ Там же. Д. 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8; Ф. 236. Оп. 1. Д. 5.
- ⁹ *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 41.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 5. Л. 118.
- ¹¹ Там же. Д. 6; Ф. 235. Оп. 2. Д. 25.
- ¹² Там же. Д. 6. Л. 3-27.
- ¹³ Там же. Д. 3. Л. 132.
- ¹⁴ Там же. Л. 125 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 187 об., 196, 198.
- ¹⁶ Там же. Л. 96 об.– 97, 105 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 187: «Села Пушкина приказчику Ивану Шевелеву на 11 ремней по 4 денги на ремень итого 7 алт. 2 деньги дано. Купил ремни в село Пушкино к ногайским лошадям»; Л. 211 об.: «ноября 15 числа кузнец Поспел Степанов делал подковы в селе Пушкине государевым Патриарховым лошадям».
- ¹⁸ Там же. Л. 259: 1628 г. покупка в табун 23 ногайских лошадей.
- ¹⁹ Там же. Д. 2. Л. 31.
- ²⁰ Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собранные и изданные руководством и трудами Ивана Забелина. Т. 1-2. М., 1884.
- ²¹ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4. См. также: *Шимко И.И.* Указ. соч. С. 119.
- ²² *Шимко И.И.* Указ. соч. С. 236.
- ²³ См., например: РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 3. Л. 99 – 99 об. – выплата «зажилого» соловецкому и трехсвяцкому попам с октября по август 1628/29 г.: до марта включительно по полуполтине человеку, с марта – по 8 алтын 2 деньги человеку.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 3. Л. 65 – 72 об.
- ²⁵ Там же. Л. 181, 182 об., 236.
- ²⁶ Там же. Л. 237 об.
- ²⁷ Там же. Л. 162 об., 168 об., 198 и др.
- ²⁸ Там же. Л. 81 об. – 82.
- ²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 5.
- ³⁰ Там же. Л. 89.
- ³¹ *Шимко И.И.* Указ. соч. С. 123.
- ³² РГАДА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 2. Л. 227.
- ³³ *Шимко И.И.* Указ. соч. С. 115.
- ³⁴ Там же. С. 114.
- ³⁵ Подробнее об истории этих сборов см.: *Знаменский П.В.* Руководство к русской церковной истории. Изд. 2-е. Казань, 1875; *Пе-*

- ров И. Епархиальные учреждения в русской церкви в XVI и XVII вв.: (Историко-канонический очерк). Рязань, 1882; *Шимко И.И.* Указ. соч. С. 190 – 207.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 6. Л. 662-663 об., 666.
- ³⁷ Там же. Ф. 236. Оп. 2. Д. 1. Л. 452 об., 18 об., 33.
- ³⁸ Там же. Ф. 235. Оп. 2. Д. 3. Л. 194 об.
- ³⁹ Там же. Л. 146.
- ⁴⁰ Например, Дмитрий Безумов 23 мая 1627 г. получил от казенного дьяка деньги на «подновление житниц в Голенищеве и Троицком новом»: Там же. Ф. 236. Оп. 2. Д. 3. Л. 194 об.
- ⁴¹ Например, Осип Галасеин 6 февраля 1628 г. был «посылан в Троице-Сергиев монастырь по Патриархову делу»: Там же. Л. 178 об.
- ⁴² Там же. Ф. 235. Оп. 2. Д. 3. Л. 211-211 об.
- ⁴³ Там же. Л. 134 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 200 об., 154.
- ⁴⁵ Там же. Л. 98.
- ⁴⁶ См.: *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 88-90.
- ⁴⁷ Там же. С. 92.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 3. Л. 154.

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – НАЧАЛА XVII в. О ПРИКАЗНОЙ СИСТЕМЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

История приказного строя Московского государства более двух столетий привлекает внимание ученых. За это время на широкой источниковой базе было написано множество работ по истории приказов. К настоящему моменту ученые располагают значительным корпусом актового материала, который является фундаментом для написания исследований о государственной системе Московской державы. Немалое значение для реконструкции истории приказных учреждений имеют также нарративные источники. Спорить об их исторической ценности не приходится, особенно в отношении времени, от которого сохранилось не так много источников документальных. Красочные и подробные описания событий XVI-XVII вв. сразу вызвали значительный интерес исследователей. Привлекались повествовательные источники указанного периода и для изучения системы государственных органов Московского царства – приказного строя.

Наиболее востребованным и часто цитировавшимся было сочинение Г.К.Котошихина, выявление и издание которого в 1841 г. стало настоящим подарком для людей, увлеченных российской историей XVII века. В том же году была опубликована «Записка о царском дворе», содержащая ценные сведения о состоянии приказной системы в начале XVII в. Довольно рано в научный оборот был введен трактат «О государстве Русском» Дж.Флетчера (несмотря на позднее появление его русского перевода). В середине XIX в. для отечественных исследователей стал доступен текст сочинения А.Олеария, в котором был дан, в числе прочего, очерк состояния приказной системы середины XVII в. В меньшей степени повезло труду французского наемника Ж.Маржерета, служившего в России в эпоху Смуты. Его книга была впервые издана на русском языке еще в 1830 г., но

содержащиеся в ней сведения о московских приказах редко привлекали внимание исследователей. Отчасти это связано с тем, что появление русского перевода сочинения Маржерета пришлось на время затишья в изучении приказного строя Московского государства. Наконец, относительно поздно, в XX столетии, были выявлены ценные повествовательные источники по истории приказов второй половины XVI в. – т.н. «Записки немца-опричника» Г.Штадена (изданы в 1925 г.) и «Писанные законы России» (обнаружены в 1980 г., на русском языке частично опубликованы в 1995 г.).

Таков основной круг нарративных источников по истории приказного строя середины XVI – середины XVII в.¹ Необходимо отметить, что многие из перечисленных выше сочинений XVI-XVII вв. стали объектом специального источниковедческого анализа. Трактат Дж.Флетчера был основательно изучен как исторический источник С.М.Середониным²; сочинение Г.Штадена изучали И.И.Полосин и Д.Н.Альшиц³. Новейшее исследование текста «Записок» Ж.Маржерета принадлежит перу Ю.А.Лимонова⁴. Источниковедческая характеристика «Писанных законов России» была дана С.Н.Богатыревым⁵. Среди обобщающих исследований необходимо назвать известную работу В.О.Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве»⁶. Заметим, что в большинстве случаев при анализе перечисленных выше источников исследователи не ставили перед собой специальной задачи рассмотреть отражение в сочинениях XVI-XVII вв. административного устройства Московского государства. Между тем, постановка такой проблемы представляется оправданной и перспективной, поскольку нарративные источники по истории приказного строя XVI-XVII вв. как единый комплекс предметом специального источниковедческого анализа еще не выступали. В этой статье с данных позиций будут рассмотрены «Записки» Г.Штадена, трактат Дж.Флетчера «О государстве Русском», «Писанные законы России», «Записки» Ж.Маржерета. «Записка о царском дворе», ставшая предметом изучения в отдельной статье автора⁷, в этой работе специально рассматриваться не будет.

«Записки» Генриха Штадена. Наиболее ранним повествовательным источником о приказах являются «Записки» немца-опричника Генриха Штадена. Немецкий авантюрист, находившийся некоторое время на службе у Ивана Грозного, после бегства из Московского государства в 1577-1578 гг. написал сочинение, содержащее подробное описание состояния Московской державы во второй половине царствования Ивана Грозного. Со времени первого издания (1925 г.), сочинение Штадена стало незаменимым источником для исследователей опричнины. Меньше внимания уделяется сведениям о приказной системе, содержащимся в «Записках» Штадена. Немецкий наблюдатель перечислил в своем труде «знатнейшие» в его понимании приказы: Казенный двор, приказ Большого дворца (подклетных сел), Поместный, Разрядный, Посольский, Разбойный, Ямской, Челобитный приказы, Земский двор, приказ Казанского дворца, Ямский двор (Jamme). Назван был также приказ Большого прихода (в публикации его название неверно переведено как приказ Большой казны). В числе центральных учреждений упоминается некий Рязанский приказ⁸. Всего, таким образом, Штаден перечислил 12 приказов (Ямский двор был отделением приказа Большого дворца). Возможно, косвенным образом опричник упоминает также и Конюшенный приказ (очерк о приказах начинается с упоминания боярина И.П.Челяднина, носившего при Иване Грозном чин конюшего)⁹. Кроме того, Штаден упомянул «митрополичий двор со всеми его приказами»¹⁰. Это сообщение опричника, к сожалению, не вызвало должного внимания исследователей административных органов Русской православной церкви. Кратко Г.Штаден коснулся и внутреннего распорядка современных ему московских приказов. Он сообщил о том, что в приказы поступали денежные средства с определенных областей; жители этих областей подлежали суду тех же приказов¹¹. Думается, в этих сведениях следует видеть отражение раннего этапа оформления четвертных приказов, первоначально организационно слитых с другими административными учреждениями – приказами. В сочинении Штадена описывается также делопроизводство приказов (книги и столбцы, причем автор описал

даже способ скрепления столбцов дьяком) и штат подьячих (по его сведениям, в приказах сидело от 20-ти до 50-ти подьячих)¹².

Несмотря на краткость описания приказов в сочинении Штадена, следует признать, что немецкий очевидец сумел передать картину состояния системы центральных властных органов Московского государства достаточно обстоятельно. Штаден отметил неполноту своих данных, заявив, что он описал порядки, царившие лишь в «знатнейших» приказах (помимо которых были и другие)¹³. Какие же учреждения Штаден не перечислил? Среди приказов, существовавших к концу XVI в., но не упомянутых в «Записках» Штадена, можно назвать четвертные и судные приказы, а также приказы Стрелецкий, Иноземский, Пушкарский и Холопьевого суда. Но первые упоминания о Стрелецком, Пушкарском и Холопьем приказах относятся лишь к 70-м гг. XVI в.; судные приказы стали оформляться на исходе царствования Ивана Грозного; Иноземский приказ впервые определенно фиксируется источниками только со времени царствования Федора Ивановича; четвертные приказы организационно обособились от других ведомств на исходе XVI в. По всей вероятности, при Штадене все эти приказы еще не существовали.

И все-таки, какие из приказов Г.Штаден не посчитал нужным упомянуть? По моему мнению, за пределом внимания опричника оказались т.н. «областные дворцы» (Тверской и Дмитровский). Один из областных дворцов, Рязанский, Штаден упоминает как «Рязанский приказ» (сразу после приказа Казанского дворца). По данным А.А.Зиминой, ликвидация областных дворцов произошла к 60-м гг. XVI в.¹⁴ Во всяком случае, ко времени бегства Штадена из России (1576 г.) они действительно, уже не существовали. Возможно, именно поэтому опричник не стал их перечислять в своем сочинении, написанном в 1577-1578 гг.: сведения об областных дворцах к этому времени уже явно утратили актуальность.

В таком случае, мы должны ответить на следующий вопрос: какой именно момент в истории приказной системы отразили «Записки» Штадена? В решении этой проблемы помо-

гают упоминания имен приказных судей, стоявших во главе приказов на тот момент. Посольский приказ, по данным источника, возглавлял дьяк Андрей Васильев. Известно, что назначение в этот приказ он получил в 1563 г. Дворецким Большого дворца назван боярин Никита Романович Захарьин-Юрьев, занявший этот пост в конце 1564 г., буквально накануне учреждения опричнины. В числе приказных судей названы также боярин Иван Петрович Челяднин и казначей Хозяин Юрьевич Тютин (оба казнены в 1568 г.)¹⁵. По всей видимости, Штаден описывает приказную систему накануне введения опричнины (повествование о злоупотреблениях приказных людей в «Записках» непосредственно предшествует рассказу о решении Ивана Грозного учредить опричнину).

Таким образом, в сочинении Г.Штадена содержится ценная информация о состоянии приказной системы на 1564 – начало 1565 г. К моменту учреждения опричнины ядро приказной системы вполне оформилось и состояло из дюжины приказов (Большой дворец, Казенный двор, Большой приход, Казанский дворец, Конюшенный, Поместный, Разрядный, Посольский, Разбойный, Ямской, Челобитный приказы, Земский двор). Для одного из приказов, Челобитного, упоминание в «Записках» Штадена является первым бесспорным свидетельством о его существовании. Интересно, что Штаден не считает приказную систему новшеством. Он пишет: «Так управляли они при всех прежних уже умерших великих князьях»¹⁶. Думается, это свидетельствует не в пользу мнения исследователей, связывавших возникновение приказной системы с деятельностью т.н. «Избранной рады». Дополнительную ценность сведениям «Записок» придает то, что Штаден застал в Москве момент, когда отмирали областные дворцы и начинали оформляться приказы-четверти.

Трактат Дж.Флетчера «О государстве Русском». Следующий этап в развитии приказной системы зафиксирован в произведении английского купца и дипломата Дж.Флетчера «О государстве Русском». Посетив во главе посольства Москву в 1588-1589 гг., Флетчер составил под впечатлением об этой поездке объемный трактат, в котором довольно негативно оха-

рактеризовал Московское государство. Сочинение Флетчера было некоторое время под запретом в Англии; по цензурным соображением оно не публиковалось и в России вплоть до 1909 г. Тем не менее, это не стало препятствием для ознакомления российской научной общественности с данной работой. В частности, на нее опирался в описании приказного строя конца XVI в. (в вышедшем в 1821 г. 9-м томе «Истории государства Российского») Н.М.Карамзин¹⁷.

Английский коммерсант поместил данные о приказах в двух главах – 10-й («Об управлении областями и княжествами») и 12-й («О податях и других доходах царских»). Демонстрируя неплохую для иностранца осведомленность об административном устройстве Московского государства, Флетчер перечисляет 12 центральных приказов: Посольский, Разрядный, Поместный, Казанский дворец, Земский двор, приказ Большого дворца, Большой приход, Разбойный, Стрелецкий, Иноземский, Пушкарский, Казенный¹⁸. В отличие от Штадена, прожившего в России несколько лет, Флетчер находился в Москве лишь около года, притом, являясь дипломатом, он был ограничен в свободе передвижения и сбора информации. Поэтому, в отличие от Штадена, он не смог дать исчерпывающий очерк состояния приказов. В трактате Флетчера не упомянуты пять приказов, ко времени его пребывания в России совершенно определенно существовавших, – Конюшенный, Владимирский судный, Челобитный, Ямской, Холопьяго суда. Вместе с тем, значение сочинения Флетчера как источника по истории приказного строя остается чрезвычайно важным. Флетчер фиксирует момент, когда функции сбора четвертных доходов были еще возложены на важнейшие центральные учреждения (Посольский приказ и пр.). Важно отметить и то, что в сочинении Флетчера впервые упоминается Иноземский приказ (этому факту в историографии уделено незаслуженно мало внимания)¹⁹.

«*Писаные законы России*». Состояние приказной системы Московского государства рубежа XVI-XVII вв., в самом начале царствования Бориса Годунова, нашло отражение в источнике, известном как «Писаные законы России». Достоянием науки

этот документ стал совсем недавно. Рукопись «Писаных законов» была приобретена в 1980 г. в Лондоне профессором Ф.Лонгвортом, передавшим ее в библиотеку университета Мак-Гил в Монреале. Первая часть рукописи представляет собой английский перевод Судебника Ивана IV, вторая – очерк социальной структуры Московского государства конца XVI века, третья – перечень приказов и приказных судей начала царствования Бориса Годунова. В 1990 г. канадская исследовательница М.-С.Арел опубликовала на английском языке текст двух последних частей. В 1995 г. перевод этой публикации на русский язык осуществил С.Н.Богатырев, сопроводив его вступительной статьей и комментариями.

Сочинение «Писаные законы России» анонимно. По мнению М.-С.Арел, оно могло принадлежать перу английского врача царя Федора Ивановича – Марка Ридли, либо английского резидента в Москве Джона Меррика. При этом более вероятным она полагала авторство Ридли. С точкой зрения М.-С. Арел вполне согласился С.Н.Богатырев, дополнительно укрепивший аргументацию в пользу авторства Марка Ридли следующими соображениями: в XVI в. в Англии именно врачи, как правило, выступали в качестве авторов трудов по лексикографии, двуязычных словарей и справочников. Ридли, в частности, известен как автор англо-русского словаря²⁰.

Будучи лишь недавно введенным в научный оборот, анонимный англоязычный источник не был еще в достаточной степени подвергнут источниковедческому анализу. Попытаемся раскрыть несколько моментов, связанных с происхождением «Писаных законов». Прежде всего, следует отметить несомненную взаимосвязь «Писаных законов России» с анализированным выше сочинением Джильса Флетчера «О государстве Русском». Первое издание его труда увидело свет уже в 1591 г., но вскоре было запрещено. Причиной тому послужил тон произведения Флетчера, отзывавшегося о Московском государстве крайне негативно. Связано это было, вероятно, с провалом дипломатической миссии Флетчера, и трактат «О государстве Русском» был призван оправдать своего автора в глазах соотечественников²¹. Английский дипломат постоянно

подчеркивает дикость и политическую отсталость страны, которую он посетил²². Почти весь тираж первого издания книги Флетчера был уничтожен. Немало стараний к тому приложили английские купцы – акционеры Московской компании. Негоцианты опасались, что издание подобного памфлета нанесет удар по их позициям в России. У английских купцов были и другие основания противиться распространению точки зрения Флетчера. Создаваемое силой литературного таланта автора впечатление о России могло отвратить от Московской компании новых потенциальных акционеров. Несмотря на усилия торговцев, некоторое количество экземпляров книги Флетчера продолжало обращаться среди читателей. В этой ситуации адекватной контрмерой могло стать написание своеобразного опровержения, которое позволило бы представить заморскую страну в ином свете. Как нам представляется, анонимное сочинение «Писанные законы России» было задумано именно с этой целью.

Обращает на себя внимание название этого произведения. Текст «Писанных законов» начинается с английского перевода Царского судебника, являвшегося основой российского законодательства. По сути, название сочинения – «Писанные законы России» – уже само по себе было контрударом по трактату Флетчера, поместившего в 15-й главе («Об отправлении правосудия и судопроизводства по делам гражданским и уголовным») следующие слова: «Письменных законов у них нет, кроме одной небольшой книги, в коей определяются время и образ заседаний в судебных местах, порядок судопроизводства и другие тому подобные судебные формы и обстоятельства, но нет вовсе правил, какими могли бы руководствоваться судьи, чтобы признать самое дело правым или неправым. Единственный у них закон есть закон изустный, то есть воля царя, судей и других должностных лиц. Все это показывает жалкое состояние народа, который должен признавать источником своих законов и блюстителями правосудия тех, против несправедливости и крайнего угнетения коих ему бы необходимо было иметь значительное количество хороших и строгих законов»²³. Следовательно, уже в самой заглавии анонимного английского

сочинения конца XVI столетия содержится возражение на один из основных доводов Флетчера: письменные («писанные») законы в России имеются, следовательно, произвол властей в Московском государстве не может быть безграничным.

Связь между «Писаными законами» и трактатом Флетчера может быть подтверждена также рядом других наблюдений. Отдельные части «Писанных законов» перекликаются с главами труда «О государстве Русском». Отметим при этом, что сочинение Флетчера является в большинстве случаев более многословным, в то время как «Писанные законы», при своей лаконичности, более детальны. Так, раздел «Писанных законов», озаглавленный «Степени боярские или знати в России...», по своему содержанию очень близок к главе 9 («О дворянстве и средствах, употребляемых для ослабления его согласно с намерениями правительства») книги Флетчера. Большинство должностей, перечисленных в разделах «Личная прислуга императора» и «Главные чиновники», можно обнаружить у Флетчера в 28-й главе «О домашнем или придворном штате царя»; раздел «Военные чиновники» находит аналогии у Флетчера в главе 16 «О военной силе, главных военачальниках и жалованье их», раздел «Чиновники по областям» – в главе 10 «Об управлении областями и княжествами»²⁴. Наиболее явно взаимосвязь двух английских сочинений демонстрируют раздел «Духовенство» «Писанных законов» и глава 22 «О церковном управлении и духовных лицах» трактата Флетчера. Автор «Писанных законов» повторяет вслед за Флетчером ошибки в указании количества высших церковных иерархов Русской Православной церкви после учреждения в 1589 г. патриаршества: два (вместо четырех) митрополита, четыре (вместо шести) архиепископа, шесть (вместо восьми) епископов²⁵.

Прослеживается взаимосвязь между сочинениями и в тех их частях, где речь идет о приказной системе. В «Писанных законах» соответствующая информация сосредоточена в объемном разделе «Суды и чиновники, находящиеся ныне в императорском замке в Москве». Анонимный автор «Писанных законов» перечисляет 22 приказа (не считая четвертой, подчиненных судьям Посольского и Поместного приказов): Большой

дворец, Посольский, Разрядный, Поместный приказы, Казанский дворец, Новая четь, четверть Сибири, Большой приход, Стрелецкий, Пушкарский, Панский, Челобитный, Разбойный, Ямской, Владимирский, Дмитровский, Рязанский судные приказы, Казенный приказ, Земский двор, Холопий, Каменный приказы, Казанская четь (упомянутый в источнике Житничный дворец был отделением Большого дворца)²⁶. Последовательность в перечислении приказов анонимным автором «Писаных законов» близка к той, что имеет место в трактате Флетчера (напомним, однако, что Флетчер перечислил не все существовавшие в Москве ведомства).

Попытаемся теперь определить авторство «Писаных законов России». Есть ряд аргументов, заставляющих усомниться в версии М.-С.Арел и С.Н.Богатырева об авторстве Марка Ридли. Ридли был личным врачом царя Федора, занимая эту должность четыре года, с 1594 по 1598 г. При этом, как ни странно, в «Писаных законах России» нет даже косвенного упоминания Аптекарского приказа, с которым он, как доктор, должен был быть знаком лучше всего. На мой взгляд, искать вероятного автора «Писаных законов» следует среди англичан, свободно владевших русским языком и хорошо знакомых с административной системой Московского государства. Предполагаемый автор должен был иметь доступ к тексту Судебника. Из числа находившихся на рубеже XVI-XVII вв. в Москве англичан перчисленным требованиям лучше всего отвечал переводчик Посольского приказа Джон Элмес, более известный по приказной документации как Иван Фомин.

Иван Фомин происходил из натурализовавшейся в России английской семьи, его дед Ричард Элмес прибыл в Москву в 1557 г. в числе первых англичан. Джон родился около 1574 г., вероятно – в России. В 1589 г., в возрасте 15-ти лет, он поступил на службу в Посольский приказ, успев перед тем послужить толмачом у собственного деда²⁷. Будучи внуком врача, Иван Фомин вращался в юности в той самой среде, которая, как было отмечено С.Н.Богатыревым, предрасполагала к занятиям языками и составлению справочных пособий. В совершенстве владея и английским, и русским языками (а также, как

свидетельствуют источники, немецким и шведским), будучи хорошо знаком со структурой российского общества, Фомин должен был отлично ориентироваться и в приказной системе Московского государства, которую он имел возможность изучать изнутри. В Посольском приказе Иван Фомин мог работать и с Судебником, поскольку экземпляр Судебника имелся в каждом приказном учреждении России.

Гипотеза о службе автора «Писаных законов России» в Посольском приказе подкрепляется тем, что в числе руководителей дипломатического ведомства он упоминает некоего дьяка Ивана Андреева (Ivan Ondree). В комментариях к российскому изданию «Писаных законов» С.Н.Богатырев высказал предположение о том, что в данном случае имеется в виду либо дьяк Иван Андреевич Трифанов, либо дьяк Иван Андреев. Обе версии вызывают серьезные сомнения. Иван Андреевич Трифанов упоминается у «посольского дела» только в 1581-1582 гг., т.е. почти за два десятилетия до составления «Писаных законов». Дьяк Иван Андреев известен только как городской, причем последнее упоминание о нем относится к 1589 г.²⁸ Никого из них источники не показывают в конце XVI в. руководителями Посольского приказа. На мой взгляд, под именем Ivan Ondree скрывается старый подьячий Посольского приказа Андрей Иванов. Отметим, что далее в тексте «Писаных законов» слово «Ondree» использовано именно для обозначения имени (дьяки Андрей Арцыбашев и Андрей Татьяна)²⁹. Подьячий Андрей Иванов служил в Посольском приказе по меньшей мере с 1587 г., в конце XVI – начале XVII в. он неоднократно выполнял задания, поручавшиеся обыкновенно дьякам. Не раз, оставаясь подьячим, он выезжал за рубеж в составе дипломатических миссий «во дьячье место», т.е. официально именуясь дьяком. Иногда, в отсутствие в приказе судьи, на Андрея Иванова возлагалось внутреннее руководство ведомством³⁰. Представляется, что именно его подразумевал автор «Писаных законов» под помощником Василия Щелкалова, «дьяком или клерком Ivan Ondree». Однако, для того, чтобы знать роль старого подьячего Андрея Иванова в Посольском приказе, автор «Писаных законов» должен был быть очень хорошо знаком с внут-

ренной жизнью дипломатического ведомства. Переводчик Посольского приказа Иван Фомин вполне отвечал данному требованию.

С другой стороны, Иван Фомин не мог быть единственным автором «Писаных законов России». Во-первых, поскольку нами установлена взаимосвязь этого источника с сочинением Флетчера, следует ответить на вопрос: от кого Фомин мог получить экземпляр этого трактата, опубликованного в Англии и почти полностью уничтоженного? Во-вторых, кто-то должен был снабдить перечисления русских чинов их английскими аналогами, как, например, дьяк – клерк, недельщик – сержант, наместник – лейтенант, сотник – констебль, староста – бейлиф и т.д. Иван Фомин, с малых лет живший в России, вряд ли мог ориентироваться в английских чинах столь же свободно, как в российских. Следовательно, у истока составления «Писаных законов» должен был стоять кто-либо из коренных англичан. Этот же человек, вероятно, принял участие в редактировании составленного Фоминым текста.

По моему мнению, этим лицом, «вторым автором» «Писаных законов» являлся Джон Меррик. С 1592 г. он был губернатором Московской компании, представляя также экономические и политические интересы английского правительства в Москве. Именно на него руководством компании могла быть возложена задача составления опровержения памфлета Флетчера «О государстве Русском», опубликованного за год до вступления Меррика в должность. Мы совершенно определенно можем утверждать, что Джон Меррик был лично знаком с переводчиком Иваном Фоминым, и их знакомство не исчерпывалось лишь служебными контактами³¹. Служа в Посольском приказе, переводчик Фомин лоббировал интересы своей исторической родины. В частности, именно козням английского переводчика в Москве, намеренно неправильно переведившего его слова, приписывал свое задержание в России подданный испанской короны августинский монах и миссионер Николай де Мелло, возвращавшийся из Персии в Испанию³². Единственным английским переводчиком в Посольском приказе был тогда Иван Фомин. Отметим, что интрига против де Мелло

вряд ли обошлась без участия Джона Меррика, находившегося в первые недели царствования Василия Шуйского, когда был сослан Н. де Мелло, в Москве. Как видно, контакты переводчика Ивана Фомина с его соотечественниками были весьма тесными.

По мнению С.Н.Богатырева, «Писанные законы России» были подготовлены автором в 1599 г.³³ Вероятно, около этого времени Фомин передал Меррику написанный им текст, а Меррик подверг его редакторской правке. В 1600 г. Джон Меррик отбыл в Англию, увозя с собой рукопись «Писанных законов России» (именно таким образом она и оказалась в Англии). Думается, совместный труд Фомина и Меррика должен был послужить основой для написания трактата, призванного опровергнуть мнение Флетчера о Московском государстве. Но эта работа так и не была написана: служебные обязанности уже в январе 1602 г. возвратили Меррика в Москву³⁴, а начавшаяся вскоре после того в России Смута сделала задуманное руководством Московской компании сочинение неактуальным. Рукопись оставалась невостребованной и была введена в научный оборот лишь в конце XX века, став неоценимым источником по истории социальной структуры и государственного устройства России рубежа XVI-XVII столетий.

«Писанные законы России» с фотографической точностью воспроизводят картину состояния приказной системы на 1598/99 г. Как было отмечено выше, источник упоминает 22 (фактически – 24) функционировавших в Москве приказа (по нашим данным, из существовавших на тот момент ведомств не назван только Конюшенный приказ). Каждый из них описывается лаконично и очень точно. В описательную часть всегда включаются имена руководителей ведомства, а также изложение функций приказа, например: «Большой приход или Большое [ведомство] государственных сборов получает пошрины со всех больших и рядовых городов, сборы из всех ведомств, а также излишки поборов из четвертных ведомств, дает корм послам и чужеземцам и платит жалование тем солдатам, которых государь берет на службу. Боярин этого [приказа] князь Иван Васильевич Сицкой, дьяки Андрей Арцыбашев и

Василий Нелюбов»³⁵. Из всех иностранных источников «Писанные законы» ранее прочих упоминают целый ряд приказов – Новую, Сибирскую и Казанскую четверти, Владимирский, Дмитровский и Рязанский судные приказы, приказ Холопьяго суда, Каменный приказ. Это подчеркивает самостоятельное значение данного источника. «Писанные законы» отражают очередной этап в развитии четвертных приказов. Некоторые из них, как и десятью годами ранее, во время пребывания в Москве Флетчера, все еще находятся под управлением руководителей основных центральных ведомств. В тексте сообщается, что по одной из «четей страны» передано под управление судей Посольского, Разрядного и Поместного приказов³⁶. Здесь, впрочем, И.Фоминим допущена неточность, связанная, как представляется, с тем, что он опирался на трактат Флетчера. Если четверти, подчиненные дьякам Посольского и Поместного приказов, действительно существовали в конце XVI в. (четь Василия Щелкалова и четь Елизария Вылузгина)³⁷, то о четвертном приказе, подчиненном думному дьяку Разрядного приказа Сапуну Аврамову, нет никаких сведений. Впрочем, в «Писанных законах» сказано, что всего четвертных приказов насчитывается пять. Помимо названных выше четвертей В.Щелкалова и Е.Вылузгина, это упомянутые И.Фоминим Новая четверть (четь И.Нармацкого), Сибирская четверть (четь И.Важромеева) и Казанская четверть (четь С.Суморокова). Важно отметить, что последние три четвертных приказа на момент составления «Писанных законов» уже выступают как вполне самостоятельные учреждения, обособившиеся от других ведомств. Суммируя сказанное, мы должны констатировать высокую степень ценности «Писанных законов России» как исторического источника по истории приказной системы Московского государства.

«*Записки*» *Ж.Маржерета*. Если «Писанные законы» отражают состояние приказной системы в самом конце XVI в., то в «Записках» капитана Маржерета описывается административное устройство Московского государства начала XVII столетия. Жак Маржерет прожил в России около 6 лет. Он был нанят дьяком Афанасием Власевым в империи Габсбургов, прибыл

вместе с ним в 1600 г. в Россию и служил офицером наемной иноземной гвардии сначала Борису Годунову, а затем Лжедмитрию I. В силу последнего обстоятельства Маржерет оказался весьма осведомлен о делах придворных. В 1606 г., вскоре по вступлении на российский престол Василия Шуйского, французский капитан покинул Россию и отправился на родину. Уже год спустя в Париже торговали его книгой, в которой описывались события начального этапа Смутного времени в Московском государстве.

В числе прочего, Жак Маржерет уделил внимание административному устройству Московского государства и приказам в частности. Французский капитан перечислил следующие приказы: Посольский, Разрядный, Поместный, Казенный, Конюшенный, Стрелецкий, Разбойный, Большой дворец, Большой приход. Кроме этого, Маржерет упоминает о существовании судных приказов («для каждой провинции есть свое ведомство, чтобы судить все споры, которые случаются среди тех, кто служит императору; туда входит один член Думы или окольный с дьяком») ³⁸. Во время царствования Бориса Годунова функционировало четыре судных приказа (Владимирский, Московский, Рязанский, Дмитровский). Маржерет сообщает также и о существовании четвертных приказов, которых, согласно его сведениям, было пять. Из них автор называет только два – Казанскую и Новую четверти ³⁹. Всего, таким образом, Жак Маржерет упомянул по названиям одиннадцать приказов; с учетом косвенно упомянутых судных и четвертных приказов их численность достигает 18-ти.

Описание приказной системы, данное Маржеретом, трудно назвать исчерпывающим. Ряд центральных ведомств (Казанский дворец, Иноземский, Пушкарский, Челобитный, Ямской, Холопий приказы, Новый и Старый Земские дворы) ускользнули от его внимания. В этом отношении сочинение Маржерета в некоторой степени сродни трактату Дж.Флетчера. Напомним, однако, что Маржерет провел в Москве значительно больше времени и имел гораздо больше возможностей для ознакомления с административной системой России. То, что французский наемник не назвал некоторые приказы, вызывает

удивление. Прежде всего, странным представляется, что он не упомянул Панский (Иноземский) приказ, под непосредственным управлением которого, как и прочие иностранные наемники, он находился. Еще сложнее объяснить, почему Маржерет не назвал Галицкую четверть, из которой ему выплачивалось денежное жалование (в кормленной книге Галицкой четверти сохранилась даже его собственноручная расписка в получении денег)⁴⁰.

Именно вопрос о четвертях, на мой взгляд, позволяет пролить свет на один из источников, легших в основу сочинения Маржерета. Напомним, что французский капитан упоминает о существовании пяти приказов – четвертей. Однако на протяжении большей части его пребывания в России четвертных приказов было шесть. К началу XVII в. система четвертей в целом сложилась в том виде, в каком она просуществовала до конца столетия. В это время уже существовали Новгородская, Владимирская, Галицкая, Устюжская, Костромская четверти. Однако уже с февраля 1601 г. в источниках упоминается шестая по счету четверть – Нижегородская, обособленно функционировавшая, как было доказано в работах А.П.Павлова, до конца царствования Бориса Годунова⁴¹. И тем не менее, Маржерет пишет о пяти четвертях. Далее, как было отмечено выше, француз по какой-то причине не сообщил названия той четверти, которая должна была быть ему наиболее знакомой, – Галицкой. Вместе с тем, он сообщает названия двух других четвертных приказов – Казанской и Новой четвертей. Упоминание этих названий четвертных приказов само по себе наводит на размышления. Новая четверть известна по источникам с 1595 г. (периодически она именовалась по имени руководителя – четью Ивана Нармацкого). Однако уже в 1599 г. (за год до прибытия Маржерета в Россию) Новая четверть была расформирована: основные территории этого приказа вошли в состав Новгородской четверти, созданной в том же году. Казанская четверть унаследовала свое название с тех времен, когда она была подчинена приказу Казанского дворца (когда ею руководил дьяк приказа Казанского дворца Дружина Петелин). Сложно сказать, до какого именно времени эта четверть продолжала

именоваться Казанской, но в 1603/04 г. она уже совершенно определенно называлась Костромской четью. Напомним также, что Новая и Казанская четверти (наряду с Сибирской четвертью, упраздненной в 1599 г.) были упомянуты с указанием их названий в «Писаных законах России». То, что Маржерет конкретно упоминает лишь две четверти (причем под названиями, в его время уже вышедшими из употребления), неверно указывает численность четвертных приказов (пять вместо шести), не упоминает Галицкой четверти, где ему выплачивалось жалование, – все это наводит на мысль о том, что данная часть его очерка написана им под влиянием какого-то другого источника. Этим источником, по моему мнению, были «Писаные законы России». В них, как и у Маржерета, упоминается пять четвертных приказов, а также названы Казанская и Новая четверти. Как было отмечено выше, «Писаные законы» составлялись при непосредственном участии английского резидента в России Дж. Меррика. С Мерриком Маржерета связывали довольно тесные деловые контакты⁴². По всей видимости, в 1606 г. Маржерет покинул Россию вместе с Мерриком. Именно тогда он мог ознакомиться с рукописью «Писаных законов» (а возможно, сама мысль написать мемуары о пребывании в России возникла у Маржерета после прочтения «Писаных законов»).

Зависимость «Записок» Маржерета от «Писаных законов» отразилась и в его указании на то, что в Москве бывает по два думных дьяка. Строго говоря, численность думных дьяков не была постоянной и периодически менялась. Ко времени прибытия Маржерета в Россию думными дьяками были С. Аврамов (Разрядный приказ), В. Щелкалов (Посольский приказ), А. Власьев (Казанский дворец). Вероятно, сохранял думный чин и глава Поместного приказа Е. Вылузгин. Впрочем, довольно быстро двое из них отошли от дел: в 1601 г. попал в опалу В. Щелкалов (в Посольском приказе его сменил А. Власьев); после августа 1602 г. исчезают из документов упоминания о Е. Вылузгине. Именно в это время, возможно, сложилась описанная Маржеретом как «обычная» картина: «в Думе держат двух думных дьяков... Один из них – тот, в ведомство к которому направляют всех послов и дела внешней тор-

говли. Другой – тот, в ведомстве которого все дела военных...»⁴³. Но такая ситуация продержалась недолго: по меньшей мере с апреля 1603 г. в Разрядном приказе несли службу сразу по два думных дьяка: наряду с С.Аврамовым там служил сначала Л.Лодыженский (до конца 1603 г.), а затем Г.Клобуков. Возможно, появление в Разрядном приказе второго думного дьяка относится к еще более раннему времени. Во всяком случае, наличие в Разрядном приказе двух структурных подразделений, Большого Московского и Новгородского разрядов (которые традиционно возглавлялись думными дьяками), прослеживается по меньшей мере с сентября 1602 г.⁴⁴ В конце царствования Бориса Годунова думных дьяков было трое, при Лжедмитрии их численность достигла семи – восьми человек. Таким образом, если отмеченная в «Записках» Маржерета ситуация одновременного пребывания в думном чине лишь двух дьяков и имела место, то лишь очень недолго, не более нескольких месяцев.

Почему же в таком случае французский наемник назвал столь малое число думных дьяков, совершенно нехарактерное для того времени, когда он находился в Москве? По моему мнению, как и в случае с четвертными приказами, Маржерет повторил здесь сведения, почерпнутые из «Писанных законов». В этом источнике, действительно, думными дьяками названы лишь два лица: глава Посольского приказа В.Щелкалов и руководитель Разряда С.Аврамов. При этом в английском тексте эти люди именуется следующим образом: «chief diake or secretary of counsell and state»⁴⁵. Любопытно, что и Жак Маржерет в отношении думных дьяков также употребил определение «секретари»: «которых я считаю скорее секретарями, чем канцлерами»⁴⁶.

Позволю себе высказать также предположение о том, что капитан Маржерет был знаком и с сочинением Дж.Флетчера. Об этом свидетельствует то, что по ряду сюжетов показания двух авторов весьма близки друг другу. В частности, утверждение француза о том, что в России «нет ни закона, ни Думы, кроме воли императора, будь она доброй или злой»⁴⁷, вторит заявлению Флетчера: «Единственный у них закон есть закон

изустный, то есть воля царя, судей и других должностных лиц»⁴⁸. Свою аналогию в трактате Дж.Флетчера находит и краткое описание Маржеретом заседаний Боярской думы. Французский наемник пишет: «Спрашивают для вида мнение церковнослужителей, приглашая в Думу патриарха с несколькими епископами»⁴⁹. Флетчер также указывает, что высшее духовенство принимает участие в работе Думы, к нему обращаются с вопросами прежде всего, однако это имеет характер формальный. Духовенство заранее соглашается с мнением царя и покидает заседание, благословив государя⁵⁰. Весьма близким у двух авторов является описание российского дворянства. Флетчер сообщает, что дворянство в России разделяется на четыре степени: удельные князья; бояре; воеводы «или те дворяне, которые в настоящее время или прежде были главными начальниками на войне»; четвертую степень, по Флетчеру, составляют «лица, носящие название князей, но происходящие от младших братьев главных домов» (англичанин явно имеет в виду детей боярских)⁵¹. Маржерет также называет четыре категории российского дворянства (притом делает это с большим знанием дела). Он перечисляет в своих записках князей («герцогов»); «думных бояр»; окольничих (эта третья категория служилых людей определена им как «маршалы», у Флетчера – как военачальники); в четвертую группу у Маржерета объединены думные дворяне и дворяне московские⁵². Интересно, что максимальную численность состава Думы Маржерет оценивает в 32 человека⁵³ (тогда как по подсчетам современных исследователей, при Борисе Годунове в нее входило от 38-ми до 52-х человек, а при Лжедмитрии I – до 72-х)⁵⁴. Но число думцев, указанное Маржеретом, вполне соответствует данным, приведенным Дж.Флетчером, который сообщает о том, что во время его пребывания в Москве в Думе числился 31 человек⁵⁵. Сделанные наблюдения позволяют предположить, что Маржерет был знаком и с текстом трактата Дж.Флетчера. Однако этот французский наемник в начале 90-х гг. XVI в. отправился на Балканы и вплоть до перехода в российскую службу участвовал в военных действиях. Вероятность того, что в его руки могла попасть книга, изданная в Лондоне в 1591 г. (к тому же

почти полностью изъятая из обращения), очень мала. Скорее всего, с сочинением Флетчера Маржерет познакомился уже в России, где эту книгу он мог получить из рук Дж. Меррика. Таким образом, тесно взаимосвязанными оказываются три источника: изданный и запрещенный в Лондоне в 1591 г. трактат Дж. Флетчера; написанный в Москве около 1599 г. И. Фоминным и отредактированный Дж. Мерриком текст «Писанных законов России», задуманный как опровержение трактата Флетчера; изданные в Париже в 1607 г. «Записки» капитана Маржерета, в основу которых, отчасти, легли оба вышеназванных труда.

Впрочем, следует отметить, что труд Маржерета в части описания приказной системы оказался в итоге вполне самостоятельным. Наиболее подробно Маржерет описывает те ведомства, с которыми, по роду службы при дворе, он соприкасался лично, – дворцовые приказы. В частности, им описаны приказ Большого дворца, Конюшенный и Казенный приказы. Кроме того, Маржерет немало внимания уделил Аптекарскому приказу, который был тогда отделением Большого дворца; упоминает он также Денежный (монетный) двор, находившийся в подчинении Казны. Вполне оригинальны сведения, приводимые Маржеретом о Разбойном приказе: в числе прочего он упоминает о том, что в подчинении данного ведомства находились губные учреждения⁵⁶.

Об источнике сведений о приказах А. Олеария. Перечисленными и проанализированными выше сочинениями, в принципе, исчерпывается круг нарративных источников конца XVI – начала XVII в., в которых специально рассматривается приказная система Московского государства. После Маржерета и анонимного автора «Записки о царском дворе» первым к описанию московских приказов в середине XVII в. приступил А. Олеарий. Разумеется, его труд не может считаться источником по истории приказной системы интересующего нас периода. Тем не менее, в ходе его источниковедческого анализа была выявлена связь сочинения Олеария с источниками рубежа XVI–XVII вв. Поэтому автор считает нужным проследить в данной статье этот сюжет.

«Описание путешествия в Московию» было написано секретарем голштинских посольств в Россию и Персию (1634-1639 гг.) Адамом Олеарием, подробно изложившим основные события, имевшие место во время пребывания дипломатических миссий в России. Это сочинение выдержало при жизни автора три издания, соответственно в 1647, 1656 и 1663 гг. Рассмотрению центральных ведомств Московского государства, приказов, посвящена отдельная, 19-я глава («О различных канцеляриях в Москве и о их делопроизводстве») третьей книги труда А.Олеария.

В этой главе перечислено 33 общегосударственных приказа (по какой-то причине не упомянут Стрелецкий, хотя он должен был быть описан седьмым в перечне учреждений, перед Иноземским приказом. Об этом свидетельствует также сбой в нумерации приказов у Олеария). Упомянуты также 3 патриарших приказа. Особенностью описания приказной системы в книге Олеария является указание имен руководителей этих ведомств. Именно это позволяет определить, какому моменту времени соответствует описание центральной администрации Московского государства. Во главе Устюжской чети А.Олеарий называет окольного князя Д.В.Львова⁵⁷. Имеются данные о том, что князь Львов находился во главе Устюжской чети до 15 мая 1654 г., а уже 16 мая этим ведомством руководил окольный князь В.Г.Ромодановский⁵⁸. Следовательно, составление списка не могло иметь место позднее 15 мая 1654 г. В то же время упоминаемый Олеарием приказ Сбора десятой деньги (т.е. приказ Денежного сбора) известен по документам только с марта 1654 г.⁵⁹ Таким образом, составление списка московских приказов, приводимого Олеарием, можно в целом датировать довольно узким хронологическим отрезком – весной 1654 г. Сам Олеарий в последний раз побывал в России в 1643 г.⁶⁰, следовательно, данные о состоянии российской приказной системы, относящиеся к 1654 г., он должен был получить от информатора в России.

По моему мнению, этим информатором был уже упоминавшийся выше переводчик Посольского приказа Иван Фомин (Джон Элмес). Иван Фомин продолжал службу в дипломатиче-

ском ведомстве до середины XVII в. В 1634 г. Фомин обслуживал в Москве переговоры с голштинским посольством и именно тогда познакомился с любознательным секретарем миссии Олеарием. Персоне Джона Элмеса (на немецкий манер Олеарий называл его Гансом Гельмесом) в сочинении голштинца уделено довольно много внимания. Он называл его «знатнейшим» и «тайным» переводчиком царя Михаила, отметив также, что в 1654 г. он был еще жив и служил в Посольском приказе. Голштинский автор отметил, что Иван Фомин скончался около 1655 г., в возрасте 97 лет (здесь явная опечатка, Фомину было тогда около 80-ти лет; вероятно, при наборе число 79 превратилось в 97). Олеарий нашел также необходимым поместить в своем труде сведения о сыне Ивана Фомина (его, также, как отца, звали Иваном), учившемся медицине в Англии, в Оксфордском университете⁶¹. Почему Олеарий уделяет столь значительное место такой второстепенной фигуре, как переводчик Джон Элмес? На мой взгляд, объяснить это можно тем, что Элмес был одним из информаторов Олеария. В «Описании путешествия в Московию» обращает на себя внимание обилие сведений, связанных с жизнью иноземных докторов в России⁶² (а с этой средой переводчик Иван Фомин был очень тесно связан как лично, так и через своего сына).

Представляется, что именно Иван Фомин составил для Адама Олеария справку о московских приказах и лицах, их возглавляющих. В ряде случаев описание функций приказов в сочинении Олеария очень близко к аналогичным сюжетам в «Писанных законах России», автором которых был Фомин. Сопоставим некоторые фрагменты двух текстов. Описание функций Поместного приказа выглядит следующим образом:

«Писанные законы России»	«Описание путешествия в Московию»
«...учитывает все поместья государя, жалуемые его знати и джентри для поддержки существования дома и на войне... Он решает все споры об их владениях и нарушителях границ» ⁶³ .	«записываются наследственные и земельные имения, разбираются тяжбы из-за них и уплачиваются царские пошлины при продаже» ⁶⁴ .

Черты сходства обнаруживаются и в повествовании о приказе Большого прихода:

«Писаные законы России»	«Описание путешествия в Московию»
«...получает пошлыны со всех больших и рядовых городов, сборы из всех ведомств, а также излишки поборов из четвертных ведомств, дает корм послам и чужеземцам и платит жалованье тем солдатам, которых государь берет на службу» ⁶⁵ .	«Большой приход, где все сборщики пошлын, со всей России, должны ежегодно отдавать свой отчет... Из этого же приказа все иностранцы, находящиеся на дворцовой или военной службе его царского величества, аккуратно получают ежемесечное жалованье...» ⁶⁶ .

Подобных примеров можно привести довольно много. Это обстоятельство служит еще одним аргументом в пользу заисимости сочинения Олеария от «Писаных законов».

Разумеется, было бы наивно искать прямых текстологических совпадений в двух сочинениях, написанных на разных языках и разделенных во времени половиной столетия (в течение которого и сама приказная система претерпела значительные изменения). И тем не менее, связь двух источников просматривается достаточно явственно. Дополнительно аргументировать нашу версию о том, что у истоков составления «Писаных законов России» и использованной Олеарием записки о московских приказах лежали черновые тексты одного и того же автора (Джона Элмеса), можно, рассмотрев последовательность в перечислении центральных учреждений. Этим методом мы уже воспользовались, показывая взаимосвязь «Писаных законов» с трактатом Дж.Флетчера. Удалив из списка приказов, перечисляемых «Писаными законами», те ведомства, которые не упомянуты Олеарием, а из списка, приводимого Олеарием, исключив учреждения, возникшие в XVII в. (после составления «Писаных законов»), мы получим очень схожую картину. В обоих источниках выстраивается три компактных блока приказов, следующих почти в одинаковой последовательности. Первый блок составляют приказы Большого дворца,

Посольский, Разрядный, Поместный, Казанский дворец, Большой приход. Второй блок приказов включает в себя Пушкарский, Панский, Челобитный, Разбойный, Ямской и Владимирский судный приказы. Наконец, в третью группу входят Казенный двор, Таможенная изба, Земский, Холопий и Каменный приказы.

Составленную И.Фоминим справку о приказах Олеарий получил, по всей видимости, через переводчика Посольского приказа Иоганна Беккера фон Дельдена (которого голштинский автор также характеризует весьма лестно)⁶⁷. Этот переводчик состоял при российском посольстве И.И. Баклановского и дьяка И.Михайлова, приехавшем в 1654 г. ко двору императора Фердинанда III (Олеарий в своем сочинении упоминает эту дипломатическую миссию). Видимо, с этим посольством И.Фомин переслал к Олеарию записку о приказах 1654 г. Именно этим обстоятельством, скорее всего, объясняется не вполне понятное отступление Олеария от повествования о событиях 1634 г., в котором он сообщает о том, что спустя 20 лет, в 1654 г., переводчик Гельмес был еще жив и служил в Посольском приказе⁶⁸.

Итак, мы можем считать, что при составлении 19-й главы третьей книги, где повествуется о приказах Московского государства, Адам Олеарий опирался на сведения, переданные ему переводчиком Посольского приказа Иваном Фоминим (Джоном Элмесом). Сам же Фомин, возможно, при составлении справки о приказах опирался на свои черновые записи полувековой давности, которые легли в основу «Писаных законов России». Этим объясняются некоторые совпадения в текстах двух столь разных источников – «Писаных законов» и сочинения А.Олеария.

* * *

Анализ текстов источников второй половины XVI – первой половины XVII в. позволяет сделать ряд выводов. В сочинениях указанного периода нашла свое отражение система центрального управления Московского государства – приказной строй. Практически все нарративные источники, в которых

уделялось внимание описанию приказов, имеют иностранное происхождение («Записка о царском дворе» написана русским автором, но для иностранного читателя). Эта особенность проанализированных источников придает им большую историческую ценность: для иностранного наблюдателя приказная система была явлением оригинальным, и потому достойным подробного описания. Ни один нарративный источник российского происхождения столь целостной картины состояния приказной системы не дает. Разумеется, для иностранного наблюдателя далеко не все стороны административного быта Московского государства были открыты и понятны. В этом отношении сочинения Дж.Флетчера и Ж.Маржерета несколько уступают другим проанализированным произведениям. Вместе с тем, иностранные очевидцы событий XVI-XVII вв. сумели зафиксировать немало ценных наблюдений. Так, почти полным может считаться описание приказной системы 60-х гг. XVI в., данное опричником Г.Штаденом. Наиболее же информативными и ценными могут быть признаны сочинения, вышедшие из-под пера россиян или иноземцев – российских подданных. К их числу относятся И.Фомин, А.Власьев (предполагаемые авторы «Писаных законов России» и «Записки о царском дворе»). Эти люди отлично знали приказную систему «изнутри», но излагали ее устройство заинтересованному внешнему наблюдателю. Поэтому в написанных ими сочинениях объединились два важнейших фактора, определяющих информационную ценность данного вида источников, – интерес иностранца и осведомленность коренных жителей. В ходе исследования также удалось установить, что перечисленные сочинения не существовали изолированно друг от друга (исключение составляют, пожалуй, лишь «Записки» Штадена). Публикация трактата Дж.Флетчера способствовала появлению «Писаных законов России»; Ж.Маржерет в своих «Записках» опирался на оба вышеназванных источника. Одним из источников А.Оленина стали «Писаные законы России».

¹ Автор не касается здесь нарративных источников, сведения о приказах в которых занимают относительно небольшой объем и имеют случайный характер.

- ² *Середонин С.М.* Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891.
- ³ *Полосин И.И.* Западная Европа и Московия в XVI веке // *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. М., 1925; *Альшиц Д.Н.* Записки Генриха Штадена о Москве Ивана Грозного как исторический источник // ВИД. Вып. XVI. Л., 1985. С. 134-147.
- ⁴ *Лимонов Ю.А.* Введение // Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982.
- ⁵ «Писанные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI века. // Исторический архив. 1995. № 3.
- ⁶ *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918.
- ⁷ *Лисейцев Д.В.* К вопросу о времени возникновения «Записки о царском дворе» // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 г.: Памяти профессора А.А.Преображенского: Сб. статей / Отв. ред. А.В.Семенова. М., 2007. С. 186-207.
- ⁸ *Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002. С. 36-40. Далее – Штаден, 2002.
- ⁹ Там же. С. 36.
- ¹⁰ Там же. С. 62.
- ¹¹ Там же. С. 40.
- ¹² Там же. С. 40-41.
- ¹³ Там же. С. 40.
- ¹⁴ *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV и XVI в. // Исторические записки. Т. 63. М., 1958. С. 198.
- ¹⁵ *Штаден*, 2002. С. 36-39, 155-162.
- ¹⁶ Там же. С. 43.
- ¹⁷ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 9. Калуга, 1994. С. 179.
- ¹⁸ *Флетчер Дж.* О государстве Русском // Проезжая по Московии: (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 53, 54, 56, 60-63.
- ¹⁹ *Лисейцев Д.В.* Панский (Иноземский) приказ в конце XVI – начале XVII столетий // Иноземцы в России в XV-XVII веках. М., 2006. С. 59-69.
- ²⁰ «Писанные законы России»... С. 183-201.
- ²¹ *Рогожин Н.М.* Иностранцы дипломаты о России XVI-XVII веков // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 7-8, 11.
- ²² *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 43.

- ²³ Там же. С. 76-77.
- ²⁴ Ср.: *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 47-52, 54, 80-81, 132-133; «Писанные законы России»... С. 191-193.
- ²⁵ Ср.: *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 106; «Писанные законы России»... С. 194. См. также: *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 36. (Собрание сочинений: В 2 т.; Т. 2).
- ²⁶ *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 53, 54, 56, 60-63; «Писанные законы России»... С. 195-198.
- ²⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 141. «Приказные дела старых лет». Оп. 1. Д. 8. (1589 г.). Л. 1-2. (Далее – РГАДА).
- ²⁸ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 23; Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке: Справочник / Сост. В.И.Савва. М., 1983. С. 307.
- ²⁹ «Писанные законы России»... С. 195, 196.
- ³⁰ *Лисейцев Д.В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. [Ч.] 2. С. 342-344.
- ³¹ РГАДА. Ф. 35. «Сношения России с Англией». Оп. 1. Кн. 4. Л. 154-154 об.
- ³² Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599-1600 гг. // Проезжая по Московии (Россия XVI – XVII веков глазами дипломатов). М., 1991. С. 182; Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 91, 151.
- ³³ «Писанные законы России»... С. 187-188.
- ³⁴ *Phipps G.M.* Sir John Merrick English Merchant – Diplomat in Seventeenth Century Russia. Newtonville, Mass, 1983. P. 26, 28, 36.
- ³⁵ «Писанные законы России»... С. 196.
- ³⁶ Там же. С. 195-196.
- ³⁷ *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584-1605 гг.) // Исторические записки. Т. 116. М., 1988. С. 198-201.
- ³⁸ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 160.
- ³⁹ Там же. С. 166-167.
- ⁴⁰ *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604-1617 гг.). М., 1912. С. 3. (Смутное время Московского государства, 1604-1613 гг. Материалы, изданные Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете; Вып. 9).
- ⁴¹ *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия... С. 193; *Он же.* Эволюция четвертных приказов в конце XVI – начале XVII века // Архив русской истории. 1993. № 3. С. 225.
- ⁴² *Лимонов Ю.А.* Указ. соч. С. 12-14.
- ⁴³ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 160.
- ⁴⁴ Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. IV, ч. 2. М., 2003. С. 17.

- 45 «Писанные законы России»... С. 195.
- 46 Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 160.
- 47 Там же.
- 48 *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 77.
- 49 Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 160.
- 50 *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 46-47.
- 51 Там же. С. 47-52.
- 52 Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 160.
- 53 Там же.
- 54 *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992. С. 64-66; *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты: очерки социально-политической истории и источниковедения. Ч. 1. Киев, 1993. С. 116-117.
- 55 *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 58 - 59.
- 56 Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. С. 162, 166, 167, 171, 172.
- 57 *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003. С. 249.
- 58 *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 200.
- 59 *Олеарий А.* Указ. соч. С. 249. См. также: *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 43.
- 60 *Ловягин А.М.* Введение // *Олеарий А.* Указ. соч. С. 17, 19.
- 61 *Олеарий А.* Указ. соч. С. 48, 56, 67, 204. См. также: *Мирский М.Б.* Медицина России XVI-XIX веков. М., 1996. С. 10, 25, 26, 30.
- 62 *Олеарий А.* Указ. соч. С. 169, 171, 181, 182, 204.
- 63 «Писанные законы России»... С. 196.
- 64 *Олеарий А.* Указ. соч. С. 246-247.
- 65 «Писанные законы России»... С. 196.
- 66 *Олеарий А.* Указ. соч. С. 247.
- 67 Там же. С. 232.
- 68 Там же. С. 48.

ОБРЯДЫ РОЖДЕНИЯ И КРЕЩЕНИЯ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ XVI-XVII вв.

Церемонии и обряды, связанные с частной жизнью русских царей в XVI-XVII вв., в том числе с рождением и крещением детей, изучены слабо. Между тем, они являются не только источником для понимания мировоззрения и самосознания людей той эпохи, но и важным свидетельством становления системы абсолютной монархии в России.

Еще в XIX в. многие известные историки считали изучение документов, относящихся к детству известных исторических деятелей, праздным любопытством. Единственными трудами на эту тему были работы И.Е.Забелина, в которых были опубликованы и изучены многие архивные документы XVII в., касающиеся разных сторон домашней жизни государей¹. Однако на современном этапе развития исторической науки многие документы, к которым обращался И.Е.Забелин, нуждаются в новом осмыслении.

В советской и постсоветской историографии только небольшая статья О.Г.Агеевой² посвящена исключительно обрядам, связанным с рождением и крещением царских детей, однако в ней речь идет уже о начале XVIII в. Статья М.В.Мартыновой «Частная жизнь русских царей»³ была опубликована на английском языке в каталоге зарубежной выставки Музеев Московского Кремля и осталась практически неизвестной широкому кругу историков. Из зарубежной литературы можно выделить статью американской исследовательницы Изольды Тайрет «“Благословенно чрево царицы“: миф о чудесном рождении и царственном материнстве в Московской Руси»⁴. В ней ставится вопрос о появлении в XV в. и последующем длительном бытовании сказаний о чудесном зачатии и рождении царских детей.

Попробуем рассмотреть проблемы, связанные с рождением царских детей, более детально. Рождение детей было одним из

самых важных событий в жизни не только царской, но и семьи любого сословия. Старинная поговорка гласила: «У кого детей много, тот не забыт от Бога». Однако если в семьях простых людей многочисленное потомство, в первую очередь мужского пола, сулило прежде всего материальное благополучие и обеспеченную старость для родителей, то в семьях знати речь шла о будущем статусе рода: его наследники должны были сделать удачную карьеру и вступить в выгодные браки. В царской же семье речь шла о благополучии династии и тем самым всего государства. Поэтому социальное положение женщины любого сословия было во многом определено ее репродуктивной функцией. Ожидание наследника являлось большой проблемой для всех женщин, но для государынь часто становилось настоящей трагедией.

После 20 лет бездетного брака с Соломонией Сабуровой Василий III отправил жену в монастырь. Вступив во второй брак с Еленой Глинской, в моменты разлуки он вел с ней переписку, которая отражает его беспокойство о состоянии молодой жены. Он настойчиво задает вопросы, как чувствует себя Елена, не больна ли она. Вместе с письмом он отправляет княгине икону Преображения Господня, молитва перед которой должна способствовать преображению самой Елены из «бесчадной» жены в «чадородную»⁵. Из письма становится понятно, в каком состоянии находилась великокняжеская чета все годы ожидания ребенка. Паломничества по дальним монастырям, богатые вклады и различные обеты должны были способствовать рождению долгожданного наследника. В 1528 г. Василий и Елена совершили многомесячное путешествие в Кириллов и Ферапонтов монастыри⁶.

Но даже наступившая беременность Елены не принесла ей спокойствия. Злые языки утверждали, что проблема бездетности великокняжеской семьи заключалась в самом великом князе Василии III, который был уже немолод. Недоброжелатели считали, что после 4 лет брака молодая княгиня убедилась в бесплодии мужа и завела себе любовника. Только исследования царских гробниц, проведенные в середине и в конце XX в. в Архангельском соборе Кремля и в некрополе Вознесенского

монастыря, наконец, восстановили истину и неопровержимо доказали: царь Иван Грозный был, без всякого сомнения, сыном Василия III и прямым потомком Софьи Палеолог⁷.

Постоянно находясь под сильным социальным давлением, великие княгини и царицы, по мнению И.Тайрет, всеми силами противостояли ему, создавая миф о высшем благословении, который предоставлял им роль сосуда божественной милости при зачатии будущего правителя.

Начало этого мифа, видимо, находится в середине XV в., когда Ермолинская и Воскресенская летописи приводят пророчество новгородского юродивого Михаила Клопского, связанное с рождением будущего великого князя Ивана III. Текст с пророчеством, в котором говорится о грозном нраве Ивана и его грядущих победах над Новгородской республикой, содержится и в житии Михаила Клопского⁸. Поскольку академик В.Л.Янин убедительно доказал, что монах-юродивый Михаил, внезапно появившийся в Клопском монастыре недалеко от Новгорода, был на самом деле сыном Анны Ивановны, сестры Дмитрия Донского, и воеводы Дмитрия Боброка-Волынского⁹, то есть двоюродным дедом великого князя Ивана Васильевича, на этом пророчестве надо остановиться подробнее. Житие Михаила Клопского ясно свидетельствует, что позиция, занимаемая святым во всех конфликтах Новгорода и Москвы, была откровенно промосковской. Он неоднократно предсказывает Новгороду и его посадникам различные бедствия, если они не помирятся с Москвой и не покорятся великому князю. Согласно Житию, все обещанное им вскоре точно сбывается. Пророчество 1440 г. о рождении княжича Ивана тоже должно было так или иначе сыграть на руку московским князьям, причем в данном случае ясно, что оно могло быть сделано по прямому указанию великокняжеского дома. Ведь пророчествующий инок Михаил был родственником московских князей, хотя не многим современникам об этом было известно.

Пророчество Михаила Клопского о рождении князя Ивана Васильевича положило начало целому ряду аналогичных предсказаний, которыми сопровождалось рождение детей в великокняжеской и царской семье вплоть до конца XVII в. Эти про-

рочества ясно свидетельствовали о процессе сакрализации великокняжеской и царской власти. Они являются свидетельством весьма активной позиции, которую занимала великокняжеская, а затем царская семья (и особенно ее женская половина) в вопросе о божественном освящении своей власти. Представительницы великокняжеской и царской семьи пользовались любыми возможностями, чтобы убедить всех в том, что рожденные ими наследники – плод явленной свыше особой милости.

Летопись утверждает, что великая княгиня Софья Фоминична после нескольких лет, когда у нее рождались только дочери, родила будущего Василия III только после пешего паломничества в Троице-Сергиев монастырь. В ответ на ее молитвы святой явился ей, держа на руках младенца, которого он затем бросил княгине на колени¹⁰. Рождение будущего наследника трона 25 марта, в праздник Благовещения, также воспринималось как благословение свыше и усиливало династические позиции как его самого, так и его матери: ее зачатие приравнивалось к зачатию Богородицей Иисуса Христа. А вот запись о рождении второго сына Юрия 23 марта 1480 г. никакими чудесными событиями не приукрашена¹¹. Нет никаких особых подробностей в летописных записях и о рождении следующих сыновей.

Рождение будущего царя Ивана Васильевича Еленой Глинской также сопровождалось легендой о том, что оно было предсказано юродивым Дементием: он сказал великой княгине, что у нее родится «Тит – широкий ум»¹². Память апостолов Варфоломея и Тита отмечалась 25 августа, в день, когда родился наследник, которого Василий III ждал более 20 лет. Как бы ни относиться к достоверности предания, несомненно, оно содержит и зерно истины: подтверждает тревогу Елены, которая беспокоится не просто о благополучном рождении ребенка, а именно сына.

Другим святым, который оказал помощь великокняжеской чете в рождении наследника, считался Корнилий Комельский. Направляясь на богомолье в Кириллов монастырь, великий князь Василий Иванович посетил и обитель Корнилия, но не

застал его. Он повелел, чтобы отшельник ждал его на обратном пути. При встрече князь попросил его молиться о даровании ему потомства¹³. Вскоре молитва святого исполнилась.

У самого царя Ивана Васильевича и его первой жены Анастасии Романовой первые два года брака также не было детей. Их свадьба состоялась в феврале 1547 г., а уже в конце года царица совершает пешее паломничество в Троице-Сергиев монастырь, который в XV-XVI вв. был местом крещения великокняжеских детей. Когда после полутора лет брака он все еще оставался бесплодным, Анастасия снова отправляется пешком в монастырь, причем это шествие она совершает без сопровождения царя. Летописи не называют причину паломничества царицы в сентябре 1548 г.¹⁴, но то, что Анастасия шла одна и пешком, подчеркивает ее особое смирение, а не просто почтение дня памяти преподобного Сергия.

Надежды Ивана и Анастасии оправдались: после царевны Анны родилась вторая дочь, Мария, а затем и сын – царевич Дмитрий. Однако смерть Анны и Марии, которая последовала в младенчестве, а затем трагическая гибель царевича Дмитрия во время паломничества в Кириллов монастырь¹⁵, возобновили тревогу царской четы о наследнике. «Житие св. Никиты, столпника Переяславского» рассказывает, что царская семья отправилась в Ростов, чтобы помолиться Ростовским чудотворцам, особенно св. Леонтию, а затем направилась в Переславль. Пятое по счету посмертное чудо св. Никиты озаглавлено «О царском хождении по святым местам и о царских чадах их, и чудо о воде святого Никиты, и о распространении монастыря его»¹⁶. Под тем же названием оно вошло в Степенную книгу¹⁷. Чудо о святой воде из Никитского монастыря повествует, о том, что царь Иван вместе с царицей Анастасией обходил разные монастыри, но только молебен у гроба св. Никиты «отложил скорбь» по царевичу Дмитрию от сердец царствующей четы. В тот же день они «вошли в город Переславль и радостно отдыхали в своем царском доме, и там царица зачала во чреве»¹⁸. Вскоре у них родилось новое дитя – царевич Иван. После этого царь стал способствовать распространению культа святого Ни-

киты. В конце 1557 г. царь Иван вместе с царицей Анастасией и царевичем Иваном отправились в Никитский монастырь еще раз.

Из повествования о Никитском монастыре также становится известным, что в 1564 г. царь приезжал в монастырь снова¹⁹, уже вместе с царицей Марией Темрюковной. У нее не было детей, кроме сына Василия, умершего в младенчестве в 1563 г. В этот раз царская семья присутствовала на освящении храма в честь св. Никиты Столпника. Согласно главе 22 жития Никиты, царица Мария Темрюковна отложила своей отъезд из монастыря, чтобы обратиться к братии. После распределения милостыни среди монахов она попросила игумена молиться о здравии царского семейства и особо о том, чтобы «Бог дал нам плод чрева для наследования нашего царства». Эпизод говорит о том, что царица Мария, приняв православие, познакомилась со сказаниями о русских святых, по молитвам которых происходило зачатие царственных отпрысков. Вероятно, ее внимание к монастырю св. Никиты в Переславле привлек митрополит Афанасий, который готовил ее к крещению перед браком с царем. Следующее паломничество царицы Марии в декабре 1565 г. также включало посещение Переславля и Никитского монастыря. Однако усердные молитвы царицы не были услышаны – после Василия детей у нее не было.

Во второй половине правления Ивана Грозного, несмотря на наличие двух сыновей, проблема царских наследников не потеряла своей актуальности. Двух жен, Анну Колтовскую и Анну Васильчикову, царь постриг в монастырь, ссылаясь на их бесплодие (хотя по канонам православной церкви такой причины среди поводов к разводу нет). Видимо, тогда им был установлен некий официальный срок, в течение которого новая жена должна была подарить ему или его старшему сыну наследника, – три года. Если в течение этого времени детей не было, то очередная жена отправлялась в монастырь. Именно такая участь постигла двух первых жен царевича Ивана Ивановича. Вероятно, только для жены второго сына срок установлен не был, ведь царь не готовил царевича Федора к занятию престола. Поэтому Ирине Годуновой удалось избежать по-

стрижения при жизни грозного свекра. Пока наследником был царевич Иван, в ее бездетности царь мог даже усматривать положительную сторону. Ведь рождение детей у младшего брата раньше появления потомства у старшего создавало серьезные династические проблемы.

Рождение царевича Дмитрия спасло от пострижения последнюю жену царя, Марию Нагую. Интересно, что миф о чудесном зачатии или рождении был применим только к канонически законным бракам, не вызывавшим никаких сомнений, т.е. к первому и второму. Статус шестой жены был совсем иным – она не смела публично появляться вместе с царем во время богомолий, открыто беседовать с монахами, как это делали Анастасия Романовна и Мария Темрюковна, вкладывать в обители покровы, вышитые своими руками. Несмотря на то, что царевич Дмитрий был официально канонизирован, преданий о его чудесном рождении так и не возникло. Это свидетельствует о том, что царевич Дмитрий никогда не мыслился современниками как законный наследник царства.

Царь Федор Иванович в 1584 г. унаследовал престол своего отца, будучи женатым уже достаточно давно (по мнению некоторых историков, с 1577 г., по мнению других, с 1580 г.), но не имеющим наследников. Однако уже в 1586 г. над царицей Ириной нависла угроза пострижения: царю было подано прошение от некоторых придворных кругов о разводе с бесплодной женой. Не имея возможности разбирать здесь сложные политические интриги различных группировок, надо только заметить, что канонического повода к церковному разводу не было. Царице Ирине в 1586 г. было около 26 лет, и бесплодной она не была, так что ее враги явно поспешили. Усердные моления царя Федора и царицы Ирины к различным святым о даровании им наследника могут быть предметом отдельного исследования. 29 мая 1592 г. царица родила дочь, нареченную Феодосией. Крестил царевну в Чудовом монастыре впервые сам патриарх Иов. Нет никаких сомнений, что царь рассматривал ее как наследницу престола, и когда девочке не исполнилось и года, начал обдумывать планы ее замужества с одним из европейских принцев. Но этим планам не суждено было сбыться: в

начале 1594 г. царевна Феодосия умерла. Больше детей у царя Федора и Ирины не было. Ранняя смерть царевны не позволила сформироваться преданиям о ее чудесном рождении.

Современные исследования, проведенные в некрополе Вознесенского монастыря, позволили установить, что у царицы Ирины практически не было шансов родить здорового ребенка. Исследование костных останков Ирины Годуновой показало, что у нее была патология костей таза.

Новый этап развития мифа о чудесном зачатии относится к 17 столетию, когда задача идеологического и сакрального утверждения новой правящей династии встает перед родом Романовых.

После неудачной помолвки и первого недолгого брака царь Михаил Федорович наконец женится по собственному выбору на Евдокии Лукьяновне Стрешневой. Однако проходит три года, а сына еще нет – в 1627 и 1628 гг. у царицы рождаются дочери, Ирина и Пелагея. Казалось бы, особых причин для беспокойства нет – царь и его супруга не страдают бесплодием, а девочки родились вполне здоровыми. Однако царь Михаил Федорович по меркам той эпохи уже немолод, ему более 30 лет, а в то время в этом возрасте, исходя из общей продолжительности жизни и состояния медицины, здоровье начинало стремительно ухудшаться. Так что тревога его самого, его родителей и придворных все время возрастает, ведь отсутствие наследников у царя недавно избранной династии грозит всей стране повторением страшных событий Смутного времени, которые были еще живы в памяти всех современников.

Царская семья обращается за помощью в один из самых почитаемых монастырей – Соловецкий. Однако в статусе царской власти и ее взаимоотношениях с монастырями уже произошли коренные изменения. Если за сто лет до того великий князь Василий III вместе с молодой женой сам отправляется в многомесячное тяжелое путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь, то теперь царь Михаил Федорович вызывает в Москву из Соловецкого монастыря одного из самых почитаемых иноков – Елезара Анзерского. Интересно, что выбор молитвенного предстоятеля за царский род определяется исключи-

тельно известиями о благочестивой жизни и святости основателя Анзерского скита, а не его официальным статусом. В Анзерском скиту было тогда совсем немного иноков, а вот настоятель самого Соловецкого монастыря приглашения прибыть в Москву, видимо, не получил.

В 1628 г. Елеазар Анзерский приезжает в Москву и предсказывает царю Михаилу Федоровичу рождение сына²⁰. Однако обеспокоенный царь не отпускает его обратно, а просит остаться до рождения наследника. Сначала молитвы святого не приносят успеха: царица Евдокия Лукьяновна ждет очередного ребенка, но в январе 1629 г., не дожив до года, умирает маленькая царевна Пелагея. Несомненно, что духовная поддержка святого старца помогла царице пережить горе от потери ребенка. Только весной 1629 г., после рождения долгожданного сына, будущего царя Алексея Михайловича, Елеазар Анзерский получил разрешение покинуть столицу. Царская милость к Анзерскому скиту не замедлила сказаться: вскоре маленький скит получил статус отдельного монастыря, независимого от большой Соловецкой обители.

Однако документы свидетельствуют, что не все верили в чудесное рождение царских детей. Так, в 1633 г. архимандрит Хутынского монастыря Феодорит говорил о царевиче Алексее: «Бог де то ведает, что прямой ли царевич, на удачу де не подметный ли?»²¹

Последнее предсказание о рождении наследника относится к 1672 г., когда некий таинственный старец явился во дворец и сообщил царю Алексею Михайловичу о рождении сына Петра у царицы Натальи, а затем исчез. Но здесь основной акцент сказания несколько смещен по сравнению с приведенными выше преданиями: неведомый старец предсказывает не зачатие будущего государя, а только его благополучное появление на свет и имя.

И.Тайрет подчеркивает важное значение мифа о чудесном зачатии и рождении будущего государя не только в идеологическом, но и в социальном значении. Миф обеспечивал спокойствие царицы в период между беременностями, когда судьба ее и всего царства лежала на весах, или отсрочку в случае,

если беременность долго не наступала, ведь всегда существовала надежда, что Бог и святые могут ниспослать ей потомство. Эта надежда вдохновляла государыню, не позволяя ей впасть в отчаяние, и заставляя предпринимать активные действия, которые позволяли поднять ее статус в глазах придворного окружения, духовенства, да и всех подданных – паломничества, раздачу милостыни, богатые вклады, в число которых могли входить собственноручно выполненные предметы лицевого шитья и т.д.²²

Итак, зачатие детей царской семьи рассматривалось современниками как дело исключительной важности. Нередко оно было связано со сверхъестественным вмешательством и совершалось по молитвам святых монахов и юродивых или же после паломничества царственной четы к почитаемым святыням.

И в простонародной среде, и в царской семье большое внимание уделялось не только самому рождению ребенка, но и всему предшествующему периоду. Документы не сохранили упоминаний о том, какие обычаи и обряды соблюдали русские царицы в это время. Однако этнографические исследования ясно говорят, что в период беременности каждая женщина считалась особенно уязвимой для «дурного глаза». Нет сомнения, что царицу особенно тщательно оберегали от порчи. Кроме того, для нее служили молебны, присылали в ее хоромы чудотворные иконы, раздавали от ее имени милостыню.

Учитывая огромное значение рождения наследников в царской семье, непосредственно перед совершением важного события государь должен был выполнять особые обряды. Документы упоминают, что за несколько дней до ожидаемого рождения ребенка царь посещал по очереди все святыни Кремля: Успенский, Архангельский, Благовещенский соборы, Чудов и Вознесенский монастыри, а также подворья Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле. Не исключено, что в XV в. могла происходить реальная поездка великого князя на богомолье к Троице, однако с того момента, как подворье монастыря было возведено в самой резиденции – Московском

Кремле, ограничивались уже только посещением Троицкого подворья, что также четко характеризует изменения во взаимоотношении царской власти и влиятельных обитателей.

В ритуальном обходе кремлевских святынь была и другая символика: как и перед свадьбой, будущий отец посещал места захоронения предков царского рода. В некоторых случаях его могла сопровождать и царица. Она могла не обходить каждый храм (видимо, это во многом зависело от состояния ее здоровья), однако обязательным было посещение женского Вознесенского монастыря, где молодая государыня просила благословения у своих царственных предшественниц.

И.Е.Забелин приводит интересные известия об обряде, который совершался незадолго до родин уже в самом дворце. Для царицы служили в ее хоромех молебен с водосвятием, а потом она «садилась на место». Сохранились документы о совершении этого обряда царицей Евдокией Лукьяновной в 1628 г. и Натальей Кирилловной в 1673 г.²³ Следовательно, мы можем предположить, что если этот обряд зафиксирован на протяжении трех поколений, то он должен был возникнуть гораздо раньше. Большая часть обрядов XVII в. возникла или во II половине XVI в., или относятся к более раннему времени. Что касается смысла этого обряда, то наиболее плодотворен поиск в области этнографии. Если будут найдены похожие обряды, соблюдавшиеся в быту других сословий, то мы сможем сделать вывод, что он имеет очень древние корни.

30 марта 1628 г., за 18 дней до рождения царевны Пелагеи Михайловны, «у государыни царицы Евдокии Лукьяновны в хоромех пели молебен и воду святили, как она, государыня, села на место. И государыня пожаловала крестовым дьяком Ивану Семенову со товарищи, 6 человек, полтину»²⁴. Более никаких подробностей этот документ не сообщает, так что трудно восстановить сам обряд.

В документе 1673 г., который описывает обряд, совершенный Натальей Кирилловной 14 августа, за 8 дней до рождения царевны Натальи Алексеевны, информации несколько больше. Во-первых, здесь точно указано место проведения обряда: он происходил в Крестовой палате царицыных хором. Поскольку

хоромы царицы были деревянными, то они, естественно, не сохранились. Однако если судить по сохранившимся покоям в каменном Теремном дворце Кремля, то Крестовая палата занимала весьма важное место среди прочих помещений. В отличие от Передней палаты, которая предназначалась для приемов широкого круга служителей двора, раздачи пожалований, именных пирогов и тому подобных многолюдных собраний, Крестовая играла роль, схожую с ролью гостиной в более позднее времена. Здесь собирался значительно более узкий круг приближенных. Уже не все служительницы, а только знатные боярыни имели право входа сюда.

Для обряда Крестовая палата была специально украшена: «лавки наряжены полавощники бархат рытой; взяты полавочники из Истопничей палаты...». Наряд лавок говорит о том, что церемония происходила в присутствии боярынь и прочих высоких чинов царицына двора. Но самое важное свидетельство – о том, что «местом», на котором восседала государыня царица, было в данном случае не кресло, а кровать. Именно наряд этой кровати описан особенно подробно: «ковер кызыл-башский... постеля лебяжья... одеяло отлас золотной на пупках собольих». Был приготовлен и запасной ковер, который лежал «по указу в Казенной избе». Хотя и не уточняется, по чьему указу это было сделано, это говорит о том, что обряд готовился очень тщательно, под личным присмотром посланных царицей боярынь. Весьма многозначительно и упоминание о Казенной избе. Ведь именно в этом помещении хранилась царская сокровищница, в том числе государственные регалии, включая шапку Мономаха. Не исключено, что ковры были те же, которые использовались во время торжественных выходов государя.

Крестовая палата царицы была наряжена заранее: в документе сказано, что наряжать хоромы начали с раннего утра, «за час до света», а сам обряд совершился «того же дни в пятом часу, великая государыня царица изволила сесть на место». Упоминания о восседании на место государя обычно связаны с самыми торжественными церемониями. «Государево место» готовили в Успенском соборе перед венчанием на царство.

Кроме того, в соборе находилось с 1550-х постоянное «моленное место» – Мономахов трон, на котором государь восседал во время торжественных церковных служб. Немало внимания уделяют документы и устройству царского места в Грановитой палате во время приема иностранных послов. Так что «царское место» вызывало стойкие ассоциации именно с тронном – одним из главных символов государственной власти. Так что мы можем сделать интересный вывод, что применительно к государыне «местом» назывались не только трон или кресло, но и кровать.

Ясно, что обряд, во время которого царица восседала на месте-постели, непосредственно связан с предстоящим рождением ребенка. Видимо, это был последний прием царицей приближенных боярынь, после него она уже никого не принимала и всецело была занята только подготовкой к родам. К сожалению, пока не удалось обнаружить точные этнографические параллели этого обычая. Однако из этнографии известно, что даже в крестьянском быту с приближением решающего дня беременные старались сузить круг общения не только с посторонними, но и с близкими – женщина как бы отрешалась от мира²⁵.

О самих родинах, естественно, никаких сообщений в официальных документах не имеется. На некоторые подробности указывает в своем сочинении Г.И.Котошихин: «как приспееет время родиться царевичу, и тогда царица бывает в мыльне, а с нею бабка и иные немногие жены»²⁶. Эта традиция, существовавшая в царском дворце, свято соблюдалась и в народе. Обычно родины не происходили в жилых помещениях, т.к. по церковным канонам они после этого считались бы нечистыми в течение 40 дней. К тому же народное чутье безошибочно указало на то помещение, где возможная опасность для матери и младенца была сведена к минимуму: баня была самым чистым помещением, в ней всегда было необходимое количество горячей воды.

Среди описаний убранства хором различных царских дворцов сохранилось и описание убранства царских мылен. Не следует думать, что государева мыльня напоминала деревянные

сельские бани. Царская мыльня – это комплекс из нескольких помещений, которые по убранству мало чем отличались от других царских покоев. В ней имелись сени с лавками и «мовной постелью». В самой мыльне имелась ценная (изразцовая) печь и т.н. «мыльная посуда», а пол был выложен свинцовыми плитками.

При родах, согласно Котошихину, присутствовал только самый узкий круг приближенных боярынь и повивальная бабка. Опытная повитуха должна была знать не только особые приемы своего ремесла, но и молитвы, и все родильные обряды. Интересно отметить, что получившие европейское образование дипломированные врачи, принимая роды не только в XVII, но даже в первой половине XIX в., часто считали совершенно излишним мыть при этом руки. В то же время повивальные бабки всегда совершали множество очистительных обрядов, в которых обязательно использовалась вода, и, следовательно, не могли приступать к своему делу с невымытыми руками. Это должно заставить исследователей еще раз обдумать вопрос о значении различных «суеверий и предрассудков» средних веков.

Все знающие о происходящем событии остерегались сообщать о нем посторонним, и здесь придворные обычаи полностью совпадали с народными, которые отмечались этнографами в более поздние эпохи. Этим русская придворная традиция решительно отличалась от западноевропейских, где королева нередко была вынуждена рожать в зале в присутствии не только всех представителей королевской семьи, но и придворной знати. Уединенный дворец Малый Трианон в Версале, где часто пребывала королева Мария-Антуанетта, говорил не о капризах или тяге к безудержной роскоши, а имел совершенно другое назначение. Отделанная ситцем скромная комната на втором этаже Трианона носила название «chambre de accoucher». Это небольшое здание давало королеве рожать детей не в огромных покоях всегда многолюдного Версальского дворца, а в уединенной комнате, причем присутствовать в Трианоне в этот момент мог только узкий круг ближайших

родственников. В просвещенной Франции средневековые обычаи, связанные с рождением королевских детей, удалось изменить только в конце XVIII в., перед самой революцией!

Главным действующим лицом всех обрядов, совершаемых при рождении ребенка в царской семье, был «верховой», то есть дворцовый священник. В XVII в. его призывали сразу же после рождения ребенка, он произносил при царице, младенце, повивальной бабке и других женщинах молитву, нарекая новорожденного именем святого, чья память праздновалась в этот день. «И как духовник даст молитву, и потом в мыльню входит царь смотрети новорожденного, а не дав молитвы, в мыльню не входят и не выходит никто»²⁷.

За совершение этой «требы» духовник получал вознаграждение на значительную сумму дорогими тканями, соболями, а иногда еще и серебряными кубками. Так, в 1627 г. после рождения царевны Ирины Михайловны придворный протопоп Максим получил «10 аршин камки кармазину, по рублю аршин, сорок соболей в 50 рублей, всего на 60 рублей»²⁸. Самое большое вознаграждение было получено духовником Петра I в 1714 г.: тогда за «объявление о рождении» царевны Маргариты Петровны священнику было выплачено 2000 рублей из Приказа Большой казны²⁹. Кроме того, в документах упоминается особое вознаграждение «за колыбельную молитву». Таким образом, даже когда новорожденного клали в первую в его жизни колыбель, это носило характер торжественной церемонии, происходившей в присутствии царя. Дошедшая до наших дней колыбель царских детей, выполненная из драгоценных тканей в конце XVII в., ныне хранится в фондах Музеев Московского Кремля. Предположительно она была сделана для царевича Петра Алексеевича, хотя не исключено, что ее могли использовать и для его старших братьев.

После рождения ребенка в царской семье весь день по Москве звонили колокола, в Успенском соборе служили торжественный молебен. Оповещение от имени царя «о радости» патриарха, церковных властей и светских чинов осуществлялось специальными вестниками. Игумены столичных монастырей и жены высокопоставленных чинов оповещались отдельно от

имени самой царицы. Что касается оповещения всего населения страны, то радостное известие расходилось во все города с грамотами от имени великого государя. Одновременно отправлялись из Москвы духовными властями «богомольные грамоты». Эти грамоты зачитывались публично в церквях, после чего во всех городах служились благодарственные молебны. После этого имя новорожденного царевича или царевны должно было поминаться во время церковных служб наряду с именами остальных членов царской семьи.

Сам государь, получив известие о благополучном разрешении царицы от бремени, как и до рождения ребенка, вновь совершал обход кремлевских соборов и монастырей, раздавая при этом милостыню «нищим и убогим». После молебна в Успенском соборе он шел в Архангельский собор, Чудов и Вознесенский монастыри, Троицкое и Кирилловское подворье. Царь, согласно Котошихину, «кормит чернцов и дает милостыню ж. Также и в тюрьмы и в богадельни посылают милостыню большую. Да ис тюрем же виноватых свобождают, кроме самых великих дел».

Потом царь через Благовещенский собор следовал во дворец, в Столовую или Переднюю палату. Здесь он принимал первые поздравления от придворных и московских чинов, а также представителей духовенства, находившихся в Москве. В этот же момент в знак «государевой радости» могла совершаться раздача чинов и должностей, хотя чаще это происходило после «родинного» или «крестинного» стола. И.Е.Забелин указывает, что сразу же после объявления о рождении царевича Петра Алексеевича его деду К.П.Нарышкину и А.С.Матвееву было «сказано окольниковство»³⁰, что говорит об искренней радости царя Алексея Михайловича.

К сожалению, ни один «чин рождения» царских детей не дошел до наших дней целиком. Единственный находящийся в фондах РГАДА документ относится к рождению царевны Феодоры Алексеевны в 1674 г., но его основная часть утрачена, сохранился только первый лист³¹. В описи документов царского архива, составленной в 1626 г., упоминается также запись о рождении и торжественном крещении в 1549 г. царевны Анны

Ивановны. Это говорит о том, что все обряды, связанные с появлением на свет царских детей, уже со времен Ивана Грозного оформлялись в официальный государственный документ. Подобные «чины» составлялись также для церемонии венчания на царство, государевой свадьбы, а также для торжественного «объявления» достигшего совершеннолетия наследника престола.

Одной из первых задач, которая стояла перед царской семьей сразу после рождения ребенка любого пола, был выбор кормилицы. Г.И.Котошихин пишет: «А на воспитание царевича или царевны выбирают всяких чинов из жон жену добрую и чистую, и млеко сладостну, и здорову, и живет та жена у царицы в Верху на воспитание год. А как год отойдет, или ежели та жена дворянска роду, мужа ее пожалует царь на воеводство в город или вотчину даст. А подьяческая или иного служивого чину, прибавят чести дадут жалованья немало. А посадцкого человека, и таким потому ж дано будет жалованье немалое, а тягла и податей на царя с мужа ее не емлют по их живот»³². Из этого можно сделать вывод, что кормилицу могли выбирать из любого сословия, от дворян до тяглых посадских людей. В любом случае, должность кормилицы царского младенца была крайне выгодной: всего через год семья кормилицы могла рассчитывать на все, что было предметом мечтаний каждого сословия. Правда, остается неясным, какой же принцип был положен в основу выбора кормилицы. Вероятно, решающую роль здесь играли рекомендации ближних боярынь или родственниц царицы. Единственная неточность у Котошихина заключается в том, что согласно ему кормилица жила «в Верху», пока ребенку не исполнялся год. На самом деле детей могли кормить грудью до 2 – 2,5 лет. Обычно потом кормилица получала при дворе другую должность, например няньки или прислужницы, так как с первых же дней и до 7 лет царевич был окружен целым штатом женской прислуги, которая оберегала каждый его шаг. У царевен по мере их взросления бывшие кормилицы и няньки назначались на новые должности и занимались обучением своих воспитанниц, их гардеробом и т.д.

Первым торжественным обрядом, когда новорожденного царевича видел широкий круг придворных, было крещение.

Первые достаточно подробные летописные записи о крещении великокняжеских детей относятся к XV в. Одно из самых важных сообщений датируется 1440 г.: 22 января на свет появляется Иван Васильевич (будущий государь всея Руси Иван III), которого крестил игумен Троице-Сергиева монастыря Зиновий. В этот период митрополита в Москве не было: Фотий скончался в 1431 г., а грек Исидор, прибывший в 1437 г., через несколько месяцев отправился в Италию для участия в работе Ферраро-Флорентийского собора. Но обстоятельства, сложившиеся случайно, положили начало традиции, которая существовала до вступления на престол династии Романовых. На протяжении всего времени с середины 15 до конца 16 столетия в крещении великокняжеских и царских детей обязательно принимал участие игумен (или кто-нибудь из высших старцев) Троице-Сергиева монастыря. Постоянное привлечение к обряду крещения представителей монастыря, который уже считался одной из главных святынь Руси, свидетельствовало о новой ступени, на которую поднялась московская княжеская семья к середине XV в. К сожалению, летопись не указывает, где происходило само крещение – в самом Троице-Сергиевом монастыре или в Москве.

О крещении будущего Ивана III сообщают несколько летописных источников³³. Только в Типографской летописи говорится, что младенца крестил некий Питирим. Вероятно, здесь имеется в виду участие Питирима, епископа Пермского. Учитывая, что с 1440 г. традиция крещения детей великокняжеской семьи игуменами Троице-Сергиева монастыря становится постоянной, вероятно, следует все же доверять сообщению большинства летописей. Львовская летопись сообщает, что в 1441 г. следующего сына, Юрия, также крестил троицкий игумен Зиновий. Василия III, Ивана Грозного и его брата Юрия также крестили настоятели Троице-Сергиева монастыря.

Крещению царских детей в XVI в. сопутствовали другие торжественные церемонии – закладка обетных храмов в мона-

стырях, богатые вклады и т.д. По мнению большинства исследователей, церковь Вознесения в Коломенском была возведена по приказу Василия III в 1530 г., после рождения долгожданного наследника Ивана Васильевича.

События, окружающие рождение первого ребенка самого царя Ивана Васильевича и Анастасии, показывают, что царственные родители действительно воспринимали его как чудесное событие. В следующую субботу после рождения девочки царь принимает участие в освящении церкви св. Иоакима и Анны, родителей Богородицы, в Новодевичьем монастыре. Через несколько дней царевна была крещена в этой церкви, получив имя Анны³⁴. Этот церемониальный акт ясно сравнивает рождение царской дочери с чудесным рождением у Анны Девы Марии. Крестил ее не митрополит, а игумен Троице-Сергиева монастыря Серапион. В кумовья царь выбрал старца Андреяна из Андроновой пустыни и старца Геннадия из Сарайской пустыни.

Таким образом, царь основал новую традицию: если великокняжеских сыновей, как и самого царя крестили в Троице-Сергиевом монастыре, то для первой царской дочери был выбран Новодевичий монастырь. Правда, эта традиция продолжалась недолго, и все следующие дети царя, царевичи Иван и Федор, а также царевна Евдокия были крещены в Чудовом монастыре. Царевну Феодосию Федоровну крестил старец Троице-Сергиева монастыря Варсонофий Якимов. При династии Романовых всех царских детей крестили уже без всяких исключений только в Кремле.

Возможно, что и строительство церкви Зачатия св. Анны в Суздальском Покровском монастыре, которое было начато царем в 1551 г., также связано с рождением его первенца – царевны Анны³⁵. О смерти Анны летописи сообщают в марте 1551 г.³⁶, а точная дата закладки храма неизвестна, поэтому может быть, что закладка храма Покровского монастыря была совершена в память о скончавшемся ребенке и одновременно была выражением надежды на рождение новых детей.

Источники содержат весьма противоречивые сведения о том, в какой день после рождения ребенка происходило кре-

щение³⁷. В XIV-XV вв. младенца обычно крестили, когда ему было 5-14 дней. В XVII в. время крещения не было строго определено и, по сведению одних авторов, совершалось на 8 день, других – на 40 день. Официально по церковным канонам крещение должно было совершаться не ранее 40 дня после рождения мальчика и 60 дня после рождения девочки. Но на самом деле очень часто из-за слабого здоровья детей эти сроки нарушались: крестили раньше, через 1-2 недели, а иногда и через 2-3 дня после рождения, так как боялись, что дети могут умереть некрещеными.

При крещении следовало давать имя того святого, чья память приходилась на 8 день после рождения ребенка. Иногда это правило соблюдалось очень точно. Так, царевич Федор Алексеевич родился 30 мая, а крещен был в честь Федора Стратилата, чья память отмечается 8 июня. Выбор имени и святого покровителя для великокняжеских и царских детей может служить объектом отдельного исторического исследования.

Здесь необходимо отметить, что для XIV-XVI вв. еще характерен обычай иметь два имени в честь двух святых – в день которого ребенок был наречен после рождения и в память того, чье имя было дано при крещении. Не случайно юродивый Дементий называет будущего сына Елены Глинской не Иваном, а Титом. С именем святого, в день которого ребенок родился, часто было связано и строительство обетных храмов. Так, младший сын Ивана Грозного царевич Дмитрий родился 19 октября, в день св. мученика Уара, и один из приделов Архангельского собора Кремля посвящен именно святому Уару. В XVII в. этот обычай исчезает, детей царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича дворцовый священник сразу нарекает тем именем, под которым их будут крестить. Однако всю жизнь они продолжали почитать и того святого, в чей день они родились. Не случайно первый собор в Петербурге был заложен в честь апостолов Петра и Павла, в день памяти которых Петр I был крещен, а второй, Исаакиевский – был посвящен преподобному Исаакию Далматскому, в день которого Петр родился.

Восприемниками царских детей в XVII в. обычно были члены рода Романовых – старшие братья, сестры или тетки. Так, крестным отцом старших детей Михаила Федоровича был их дед, патриарх Филарет, крестным царевича Петра Алексеевича был его старший брат Федор Алексеевич. Это позволяло укрепить и родственные связи, и авторитет новой династии, подчеркивая, что подобной чести могут быть удостоены только ближайшие родичи царственного младенца.

Само крещение в XVII в. обычно совершалось или в Успенском соборе Кремля или в главном соборе Чудова монастыря, который, к сожалению, не сохранился до наших дней. Царских детей привозили сюда в богатых санях или повозке с сидением и подушками, обитыми золотой парчой. После крещения у младенца, по православному обычаю, состригали несколько волосиков, завертывали их в кусок воска и клали в сокровенное место храма, чтобы предохранить новорожденного от бед и несчастий.

Везла ребенка к крещению и обратно его «мама» – знатная боярыня, которая отвечала за весь штат нянек и кормилиц непосредственно перед царицей. Должность «мамы» царских детей считалась настолько важной, что ее годовое жалование равнялось жалованию боярина. Это была одна из высших должностей женского царичина чина.

Крестины царских детей сопровождались одариванием духовных лиц от имени царя и поднесением подарков для новорожденного от родственников, представителей различных сословий и должностных лиц. Эти подарки тоже имели свою символику: «Деньги дарили родильнице для ребенка в воспоминание того, что волхвы после рождения Христа подносили ему золото». Специальные дары подносились младенцу в лице его матери-царицы и отца-царя перед родинным или крестинным столами от чинов, гостей, Гостинной и Суконной сотен, столичных слобод и служилых иноземцев. Дарение подарков для новорожденного было строго обязательным и напоминало сбор дани, принимаемой от различных сословий и населенных пунктов всей страны. Особое значение имело угощение во дворце в Передней палате, так же как и в день появления мла-

денца на свет. В такие дни царь на радостях жаловал всех придворных водкой, медами и винами, сладкими коврижками и взварами из своих рук.

На 3-4 день после рождения ребенка устраивался «родинный стол» в Грановитой или Золотой палате – пир для придворных, где подавали в основном ритуальные сладкие блюда. Кроме символического значения, эти блюда были знаком особой милости царя к придворным, что было связано с большой стоимостью сахара. Обычные пиры отличались изобилием всех блюд, за исключением как раз сахарных десертов. Так, после рождения царевича Петра Алексеевича на столе стояли: «коврижка сахарная большая герб государства Московского, голова большая сахара росписана с цветом весом в два пуда 20 фунтов, орел сахарный большой литой белый, другой орел сахарный же большой красный с державами, весом по полтора пуда каждый, лебедь сахарный литой весом 2 пуда, утя сахарное литое же весом 20 фунтов, попугай сахарный литой весом 10 фунтов, голубь сахарный литой весом 8 фунтов, город сахарный Кремль с людьми конными и с пешими, башня большая с орлом, башня средняя с орлом, город четвероуголен с пушками»³⁸ и множество других чудес кулинарского искусства. Интересно, что в крестьянском быту XIX в. родинный стол обычно заключался в угощении чаем с пирогами, т.е. в тех радостях, которые были доступны любой семье³⁹.

Крестинный стол устраивался отдельно для мужского и женского общества – боярыни обычно приглашались в покои царицы. Участие придворных в родинном и крестинном столе было обязательным. Если кто-либо из приглашенных не мог по уважительной причине присутствовать во дворце, то «кубки и ествы» отправлялись ему на дом.

Наконец, последним ритуалом царских крестин было устройство специальных столов для нищих. «Кормление» продолжалось несколько дней, одновременно за стол садилось до 300 бедняков и даже более. Кроме того, по случаю рождения ребенка царь миловал опальных, выпускал из тюрем заключенных и богато одаривал церкви и монастыри. В 1592 г. после

рождения долгожданной дочери Феодосии царь Федор Иванович на радостях послал также богатую милостыню в Иерусалим и «во всю палестинскую землю»⁴⁰.

Кроме общепринятых в православной церкви религиозных обрядов, рождение детей в царской семье сопровождалось особыми церемониями, которые иногда не были характерны даже для семей высшей знати. С новорожденного царевича или царевны снимали мерку, и по ней изготавливали «мерную икону» с изображением того святого, чье имя ребенок получал при крещении. Такая икона оберегала своего владельца всю жизнь, а после его смерти ставилась на гробницу в Архангельском соборе. Из комплекса подобных памятников Архангельского собора Кремля сохранились, к сожалению, всего несколько предметов – оклад на мерную икону царевича Ивана Ивановича 1554 г., где изображен святой Иоанн Лествичник, и мерная икона будущего царя Алексея Михайловича 1629 г. с изображением Алексея Человека Божия. Обе иконы в настоящее время выставлены в экспозиции Оружейной палаты.

Комплекс женских погребений в Вознесенском монастыре не имел мерных икон, так как все царицы были родом из семей небогатого дворянства, а не высшей знати. При рождении детей в дворянских семьях среднего достатка мерных икон, видимо, вообще не писали. До наших дней сохранились мерные иконы царевен, которые были погребены не в Вознесенском монастыре Кремля, а в Новодевичьем монастыре. Там находятся мерные иконы царевен Евдокии Алексеевны и Софьи Алексеевны⁴¹.

Однако позднее обычай писать мерные и родильные иконы распространился на более широкие социальные слои. В Государственном Русском музее в экспозиции Строгановского дворца представлены родильные иконы XVIII-XIX вв., принадлежавшие роду Строгановых, в частности икона «Святая София» 1883 г., очень похожая на царские мерные иконы XVI-XVII вв. Сохранилась также родильная икона Натальи Ивановны Строгановой, жены Сергея Григорьевича Строганова. Она родилась 7 мая 1796 г., поэтому для нее был написан образ мученика Акакия, чья память празднуется в этот день. В качестве

семейных реликвий рода Строгановых также сохранялись «меры роста младенцев из разрезанного шнура». В императорской семье обычай писать мерные иконы, который исчез было во времена Петра I, был возрожден в конце XVIII в. Екатериной II при рождении ее внуков.

После торжественного крещения царских детей, о котором оповещалась вся страна, они вели замкнутый образ жизни в своих покоях. Нередко их имена надолго исчезают со страниц официальных документов. Иногда единственным следующим известием становится запись о смерти маленького царевича или царевны. В царской семье, как было обычно в средние века, рождалось очень много детей, однако большая их часть умирала в детстве. Здесь цари ничем не отличались от простых смертных. Так, из восьми детей царя Ивана Васильевича пережили младенческий возраст только трое, из десяти детей царя Михаила Федоровича – четверо. У царя Алексея Михайловича было шесть сыновей, и Петр Алексеевич был самым последним, и, казалось, не имел никаких шансов занять престол. Однако все пять его братьев умерли молодыми.

Высокая смертность среди детей заставляла царскую семью относиться к рождению наследников с особой торжественностью и оберегать их жизнь и благополучие всеми доступными способами, в число которых входили также различные обряды и церемонии. Одновременно эти церемонии должны были способствовать укреплению власти и могущества государя и всей правящей династии.

¹ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в 16 и 17 столетиях. Т. 1, ч. II. М., 2000.

² *Агеева О.* «Под малиновый звон и пушечный гром» вступали в жизнь царские отпрыски // *Родина*. 1996. № 3. С. 50-52.

³ *Мартынова М.В.* Частная жизнь русских царей: Каталог выставки «Сокровища царей». М., 1994. На англ. яз.

⁴ *Thyret I.* “Blessed is the Tsaritsas Womb”: The Myth of Miraculous Birth and Royal Motherhood in Muscovite Russia // *The Russian Review*. 1994. Vol. 53. October. P. 479-496.

⁵ *Письма русских государей и других особ царского семейства*. М., 1848. С. 3.

⁶ ПСРЛ. Т. 21, ч. 2. С. 606.

- ⁷ *Панова Т.Д.* Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. С. 67.
- ⁸ ПЛДР, вторая половина XV в. М., 1982. С. 340.
- ⁹ *Янин В.Л.* К вопросу о происхождении Михаила Клопского // АЕ за 1978 г. М., 1979. С. 52-61.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. 21, ч. II. С. 554, 582; № 12. С. 190-191.
- ¹¹ Там же. Т. 8. С. 205.
- ¹² Там же. Т. 21, ч. II. С. 629.
- ¹³ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в., ч. 2. Л., 1989. С. 123.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 56.
- ¹⁵ РИБ. Т. 13. С. 282. «Житие св. Никиты Переяславского» утверждает, что царевич Дмитрий не погиб в реке, а умер во время паломничества от болезни.
- ¹⁶ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI вв., 1989, ч. 1. Л., 1988. С. 307.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 21, ч. 2. С. 651-652.
- ¹⁸ *Thyret I.* Op. cit. P. 492.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. Премудрая двоица: Каталог выставки. М., 2005. С. 7.
- ²¹ *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 18.
- ²² *Thyret I.* Op. cit. P. 490.
- ²³ Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1. С. 501 // ЧОИДР. 1882. Кн. 1, 3; 1883. Кн. 2, 4. Материалы исторические. Разд. паг.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Соколова Л., Некрылова А.* Воспитание ребенка в русских традициях. М., 2003. С. 23.
- ²⁶ *Котошихин Г.И.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 37.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1. С. 467 // ЧОИДР. 1882. Кн. 1, 3; 1883. Кн. 2, 4. Материалы исторические. Разд. паг.
- ²⁹ *Агеева О.* Указ. соч. С. 51.
- ³⁰ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей... Т. 1, ч. II. С. 5.
- ³¹ РГАДА. Ф. 135. Оп. 1. Отд. IV. № 35 – церемониал при рождении царевны Феодоры Алексеевны, № 36 – грамота двинскому воеводе о рождении царевны и объявлении царевича Федора Алексеевича.
- ³² *Котошихин Г.И.* Указ. соч. С. 38.
- ³³ ПСРЛ. Т. 4, 18, 23, 39, 24, 12, 8.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 57; Т. 13, ч. I. С. 158; Т. 13, ч. II. С. 459-460.
- ³⁵ *Миловский А.* Суздаль. М., 1981. С. 52.
- ³⁶ ПСРЛ. Т. 13, ч. I. С. 161.
- ³⁷ См.: *Мартынова М.В.* Частная жизнь русских царей. На англ. яз.
- ³⁸ Дополнения к Дворцовым разрядам. Т. 4. Стб. 422.
- ³⁹ *Соколова Л., Некрылова А.* Указ. соч. С. 41.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. 14. С. 45.
- ⁴¹ Царицы-инокини в Новодевичьем монастыре: Каталог выставки. М., 1999.

**ОПИСЬ ЦАРСКИХ ГРАМОТ XVII в.,
ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ КОПИЙНОЙ КНИГИ
МУРОМСКОЙ ЗЕМСКОЙ ПРИКАЗНОЙ ИЗБЫ
(публикация источника)**

В Муромском историко-художественном музее хранится копия книга царских грамот муромской земской приказной избы XVII в.¹ Собранные в ней документы, охватывающие широкий спектр вопросов, являются важным источником по изучению социально-экономической истории Мурома XVII в.

Как следует из текста грамот, оригинал, присланный в Муром, следовало хранить в съезжей избе, а снятая с нее копия передавалась муромскому земскому старосте «пред(ь) для иных ... воевод и приказных людей и губных старост». Таким образом, копия книга была частью муромского делопроизводственного архива.

Всего в сборнике собрано 53 грамоты. Самая ранняя грамота датирована 3 августа 1620 г. (л. 30), а самая поздняя – 8 августа 1692 г. (л. 124 об.). Грамоты переплетены в отдельную книгу, размером 30,2 × 19,5 см. Переплет кожаный. Количество листов – 141. Листы сборника с 28 по 105 об. имеют постраничную нумерацию, выполненную церковно-славянским буквами. Листы 1-11, 18-27 и 125 об.-141 – чистые. На л. 12 вверху находится надпись: «Оглавление грамот в книге сей положенных с них списков», выполненная почерком, идентичным почерку грамот. Каждая запись имеет проставленную дату (год от «сотворения мира», написанный церковно-славянским буквами) и порядковый номер, выполненный церковно-славянским буквами. Оглавление занимает шесть с половиной листов (по л. 17 об. включительно).

В оглавление не включены заголовки двух грамот, вошедших в текст сборника (грамота от июля дня 1681 г. (7189 г.) и 8 августа 1692 г. (7200 г.)). Тексты представляют собой копии с

царских грамот, выполненные двумя почерками скорописью XVII в. Первым почерком выполнены записи на листах 12-16 об., 28-103, 124 об.-125; вторым почерком – л. 17 об., 103-124.

Филиграни (львы, поддерживающие корону и литеры «PR») соответствуют знакам, воспроизведенным Н.П.Лихачевым (№ 70, 71). Исходя из этого, бумагу, имеющую голландское происхождение, следует датировать концом XVII в.

В начале сборника, внизу на полях, имеются пометы более позднего происхождения, нанесенные светло-коричневыми чернилами в XIX в.: «Муромского» (л. 12); «купца» (л. 13); «Гри-» (л. 14); «горья» (л. 15); «Алексе-» (л. 16); «ева» (л. 17); «Ти-» (л. 28); «то-» (л. 29); «ва» (л. 30); «при-» (л. 31); «обретена» (л. 32); «его» (л. 33); «пред-» (л. 34); «ка-» (л. 35); «ми» (л. 36).

На основании помет XIX в. следует, что копия книга принадлежала предку известного муромского купца, краеведа и собирателя древностей А.А.Титова. Сам А.А.Титов неоднократно использовал в своем сочинении выдержки из царских грамот XVII в.² Между тем, в его труде нет прямых ссылок на рукописный сборник, в котором собраны эти важные документы, и подавляющая их часть не была известна членам Владимирской губернской ученой Архивной комиссии, предпринявших в конце XIX – начале XX в. попытку опубликовать первоисточники по истории Владимирской губернии³.

Из 53-х грамот, входящих в состав копия книга, исследователям было известно только 9 документов, опубликованные в Актах археографической экспедиции с последующей перепечаткой в сборнике «Материалы для истории Владимирской губернии».

Ниже публикуем названия грамот, приведенных по оглавлению копия книга. Текст сохраняет орфографию подлинника, вышедшие из употребления буквы заменяются соответствующими знаками современного алфавита, выносные буквы и слоги вносятся в строку. Буквенная цифирь передается арабскими цифрами. В квадратных скобках указан номер страницы грамоты, помещенный в сборнике. Текст разбит на абзацы в

соответствии со структурой рукописи. Каждая грамота снабжена комментарием о скрепах, находившихся на оригинале.

(Л. 12)⁴ Оглавление грамот в книге сей положенных с них списков

7128-го году ноября в 9 день

1. О десяти человеках Гришке Лихонине стоварищи в емьщики да сошнаго окладу денег сих вправил Борис Двореников, а тот год емьщики розбежались гоняли посадом, а грамоты пожалованные во 124 году згорели в воровской казачей Караулков приход стоварищи и после указу велено против строенных книг Михаила Бармосова 124-го году да Микиты Языкова 126-го году держать попеременном на яму дву человек, а денги что исхарчили в гонбе зачесть [лист 1]⁵.

7128-го году августа в 10 день⁶

2. О кормах воевод и приказных людей, архимандриты и игумены и весь освященный собор и дворяня и дети боярские и старосты и целовальники кормов и посулов и поминков посадские и уездные всякие люди с посадов и с уездов не давали б, и лошадей и всякие животины и товаров опричь съеснова непродавать во двory денщиков и водовозов и всяких деловых людей и никакова дела не делат(ь) [лист 3]⁷.

7130-го году ноября в 18 день⁸

3. О посылке писцов как были посыланы, а книг на Москве не положили и для поспешенья указано платить ямским охотникам на жалованья с сохи [лист 5]⁹.

(Л. 12 об.) *7133-го апреля 13 день¹⁰*

4. О губных целовальниках сыщику Василью Текринскому да губным старостам Дружине Осоргину да Лаврентью Аристову да подячему Саве Федосееву брать губных целовальников грамотчиков и с тарханьщиков, а тюремные денги брать с сошнаго окладу [лист 8]¹¹.

*7141-го году сентября 26 день*¹²

5. О перемене целовальников Дружине Осорьину переменять по вся год, а их с выборы высылать к Москве Христному целованью, а под нею отписка [лист 13]¹³.

7142-го году февраля в 14 день

6. О дворянском и детей боярских и посадцких и уездных людей против челобитья велено отписать к Москве Никите Ивановичю Ласкареву по каком указ посадцких и уездных переписывать и для чево посадцких у себя на дворе в денщиках и в сторожах у тюрем держал и для какова дела велел лес готовить и посадцким бы и уездным и проезждим никаким людем продаж и убытков и налог не делал [лист 10]¹⁴.

7145-го году августа в 18 день

7. О Спасове Преображенского монастыря сельце Кудринском, крестьяном торговых людей всякие городовые и отъезжие службы с посадцкими людьми служить вместе почередно [лист 12]¹⁵.

*(Л. 13) 7146-го году сентября в 15 день*¹⁶

8. О денгах губному старосте Борису Ворыпаеву брать целовальником на подмогу и во всякой расход на граматчиках и на тарханщиках [лист 15]¹⁷.

*7146-го году сентября в 18 день*¹⁸

9. О воеводах губному старосте Борису Варыпаеву в татинные и в разбойные тюрьмы в ысцовых и в холопстве и во крестьянстве никаких людей не пускать [лист 16]¹⁹.

*7146-го году декабря в 29 день*²⁰

10. О подводах из губы губному старосте Борису Варыпаеву подводы имать в ысцовых делах на исцех и на ответчиках, а для государевых дел целовальником ездить на своих подводах, потому что они берут подмогу [лист 18]²¹.

*7148-го году генваря в 4 день*²²

11. О площадке сенное трушенье и пищей площади на откупе не быть, а сеном промышлять и на площади писать посадцким тяглым людем [лист 19]²³.

7148-го году генваря в 16 день

12. О Сеченских лугах санные покосы остров Харитонов Яр, Котелки тож, меж Оки реки и Теши на изголове на оброке из казны не отдавать, а по старине по писцовой книге владеть посадцким людем; под тою грамотою о той же пожне выпись за дьячьєю рукою [лист 21]²⁴.

*7148-го году марта в 30 день*²⁵

13. О подводах самим про себя на своих и на наемных лошадех возит(ь) поволно [лист 27]²⁶.

(Л.13 об.) 7155-го году февраля в 9 день

14. О посадцких людах воеводам ни для каких дел в городаы в ыные и в уезды посылать не велено [лист 30]²⁷.

7155-го году апреля 11 день

15. О каменщиках и кирпичниках о обыском посадцких людей Потешки Краснолепова с товарищи 26 человек ныне и впредь к государеву делу не высылать [лист 31]²⁸.

7156-го году октября в 15 день

16. О Сеченьских лугах под Котелковым посторонь посадцких лугов на оброке держать посадцким людем 126-го по 161-й под оброку платить 1 руб. 17 алтын полторы денги на год [лист 45]²⁹.

*7156-го году июля в 31 день*³⁰

17. О гостиной и суконной сотни для Московских и отъезжих служеб взяты были к Москве во 155-м году и им велено жить по прежнему в посаде и службы служить и тягло платить, а в ыные городаы их не посылать [лист 47]³¹.

7156-го году августа в 30 день

18. О конюшенных закосных денгах и ныне и впред(ь) и денежной збор отдавать одного человека целовальника, а к Москве казну отвозить зборщиком уездным, хто теми лугами владеет [лист 50]³².

7157-го году июля в 26 день

(Л. 14) 19. О отписке свощика Савина Овцына и по скаскам 355 человек про Кудриньское селцо и посадцкими дворы стоит вместе с месно, и велено им быть с посадцкими людми подати платить и службы служить вместе и незакладыватца а ни за кого [лист 52]³³.

7158-го году декабря в 18 день

20. О крестьянех Благовещеньскаго монастыря свощик Савин Овцын взял на посад и поручные записи по них взяты, им быть в посаде, а которые учинятца силны чинить наказье [лист 55]³⁴.

7158-го году декабря 21 день

21. О Карачаровских крестьянех, что взяты поручные записи впред(ь) в лавках и в погребях, в рядех не сидеть и лавок и погребов не держать, а Васке Гущину и Сидорке Качелкину поручные записи, кои по них взяты были, выдать приказному [лист 56]³⁵.

*7159-го году декабря в 27 день*³⁶

22. О слободе Спаса Преображенского монастыря сельцо Кудриньское на Москве как была очная ставка у челобитчика Ивана Мормыжа старцом Иосифом Арбузовым, а с очные ставки против Костромьского Благовещенского монастыря лучшим людем (Л. 14 об.) указано быть на посаде, а молотчим за монастыре, а имена тех людей под грамоте роспись, а на земли жить обоих статей посадцким и монастырским где хто живет без сводна [лист 31]³⁷.

7162-го году февраля в 18 день

23. О боярских и монастырских крестьянех с их со всяких торгов и со всяких промыслов иметь в земьскую излу оброк [лист 60]³⁸.

7162-го году (30 апреля. – В. Ч.)

24. О всяких указных статьях уставная печатная грамота за красною печатью [лист 62]³⁹.

7162-го году марта в 10 день

25. О монастырских звонарях и церковных и церковных сторожах буде живут на тяглой посадцкой земле и их с земли свесть [лист 68]⁴⁰.

7163-го году августа в 10 день

26. О платеже стрелецких денег 36 руб. 16 алтын 4 денги дана опись, денги платил целовалник Осташко Лобов [лист 69]⁴¹.

7166-го году октября в 14 день

27. Об Евсее Матвееве сыне Дроводелове с то- (Л. 15) варыщи трех человек Семену Дашкову в Стародубвоцкой в Пу-роцкую волость по ложной скаске Стародубских крестьян не отдавать [лист 70]⁴².

7167-го году марта в 15 день

28. О рыбных ловлях посадцких людей к Семену Дашкову в ловцы на рыбную ловлю не посылать [лист 71]⁴³.

7168-го году апреля в день⁴⁴

29. О посадцком человеке Сергее Синеве, доправить на нем за 10 лет 67 руб. [лист 74]⁴⁵.

7168-го году августа в 17 день

30. О даточных с подводы прошлых лет с моровых с четы-рех сот дворов на 162 и на 163 и на 164 годы править не велено [лист 75]⁴⁶.

7170-го году августа в 30 день

31. О запасу за выморочные дворы в Смоленец з дву сот с трех дворов муки, сухарей и круп 58 чети, 6 пуд, 24 гривенок масла не править, а платит(ь) с живущего с четырех сот з десяти дворов денга и з двора по 16 алтын 4 денги, всего 205 руб⁴⁷.

*7172-го году апреля в 29 день*⁴⁸

32. О Карпунке Елу(м)пьеве сыне Мошенцове Потешкине (Л. 15 об.) жить ему в посаде в тягле, а против челобитья Спасова монастыря келарь старцу Аврамию отказал, потому что отец ево, Потешка, в писцовых книгах написан в Кудринском селце, а то сельцо и с лудми отдано в посад [лист 78]⁴⁹.

7174-го марта в 29 день

33. О кузнецах во всяких государевых делах им помогать, а с них всякие подати и данные розметы имат(ь), а будет в делах им помогать не учнут и им тягла не платить и служеб не служить [лист 86]⁵⁰.

7174-го апреля в 5 день

34. О нововыводных, что взяты из Карачарова и из с. Панфилова 64 двора, полоненешных денег не платить [лист 89]⁵¹.

7174-го году июля в 4 день

35. О рыбных прасолах Гришке Тогунове с товарищи за белозерскую служлу, что посланы из них было два человека для ученья пластового дела белозерских ловцов против иных служеб хлебников и калашников и иных подмоги не давать, а подати на них брать [лист 94]⁵².

*7179-го году октября в 13 день*⁵³

36. О великом государьском жалованье и милостивом похвалении градским и уездным всяких чинов людей как в понизовых городах был изменник казак донской Стенка Разин с товарищи и многую смуту и убивства и кровопролития учинил, а иные ево и послушали, а Муромцы градские и уездные всяких чинов люди нам, великому государю, (Л. 16) служите и за то

великий государь жалуя милостивно похваляя грамота за красною печатью [лист 98]⁵⁴.

7179-го февраля в 17 день

37. О ямской гонбе как гоняли гоняли с ямщиками и с уездными и с монастырскими крестьяны по грамоте из ямского приказу и ныне и впред(ь) ямской гонбы не гонять [лист 100]⁵⁵.

7179-го февраля в 21 день

38. О торговых всяких посадским и уездным и приезжим и служилым торговать против указных статей и соборнаго уложенья как писано в сей грамоте [лист 102]⁵⁶.

7184-го году марта в 14 день

39. О стрелецких денгах вместо отписей в 637 руб. после пожару, как горел стрелецкий приказ [лист 106]⁵⁷.

7186-го году ноября в 24 день

40. О перевозенных недоборных денгах, которые были даны у голов работным людем за работу и правлены на них головах с товарищи 240 руб. 20 алтын пол шести денги и тех денег править не велено [лист 109]⁵⁸.

7186-го февраля в 21 день

41. О семи десяти четырех подводах под послов, что доправил воевода Семен Бекленишев, не послушал грамоты, и ныне в впред(ь) с муромскими ямщиками и с уездными людами не гонять [лист 112]⁵⁹.

7186-го февраля в 28 день

42. О недоборных рыбных ловелных денгах 170 и за 171 годы за медные серебряными 65 руб. 31 алтын 2 денги, да со 177-го году по 184 год 87 руб. 24 алтына 5 денег, всего 153 руб. 22 алтына 5 денег для поминовения блаженныя памяти отца нашего государства великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца, а правит(ь) не велено [лист 114]⁶⁰.

7186-го февраля в 10 (?) день

43. О недоборе таможенного збора против оклада настоящего 175-го со 176-го году по 182 год за семь лет 5 тыс. 36 руб. 31 алтын 4 денги с полуденгой по обыском не правит(ь) [лист 116]⁶¹.

7186-го февраля в 16 день

44. О работных перевозенных людех на перевоз из земские избы не отдавать, а наймовать из перевозенного збору и денги ставить в розходные, а недобранных денег 75 руб. 16 алтын 2 денги по обыском править не велено [лист 129]⁶².

7189-го апреля в 15 день

45. О выморочных за 215 дворов для морового поветрия на 163 и на 164 годы по 1 руб. 6 алтын 4 денги с двора на муромцах посадцких людех правит не велено [лист 128]⁶³.

7189-го апреля в 26 день

46. Об недоборе кружечного двара на голове Федоре Железникове на земских старостах и на посадцких людех недоборных 280 руб. 7 алтын полчетверти денги пожаловали и править не велено, а впред(ь) платить сполна без доимки [лист 133]⁶⁴.

7189 августа в 9 день

47. О всяких розных доимачных денег со 166-го году по (Л. 17) 184 год пожаловал великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич всеа великия и малыя и белыя России самодержец для своего многолетнего здравия и для поминовения государыни царицы и великия княгини Агафьи Семеновны Московских розных чинов и городов посадцких и уездных людей без челобитья занимать не велено [лист 134]⁶⁵.

7190-го году декабря в 27 день

48. Об окладе и о зборе всяких доходов и стрелецких денег против переписных с 344 дворов по 1 руб. 10 алтын с двора,

всего по 447 руб. 6 алтын 4 денги на год, а платить те здоимки на три срока [лист 138]⁶⁶.

*7191-го августа в 8 день*⁶⁷

49. В платеже стрелецких денег во 60 ру(б.) вместо отписи платил Михайло Салтанов⁶⁸.

7192-го году генваря в 17 день

50⁶⁹. О недоборных и росходных перевозенных денгах голowy Иван Леонтьева по обыском 62 руб. 32 алтына 4 денги на земьском старосте и на выборных людех не правит(ь) [лист 146]⁷⁰.

7194-го году апреля в 23 день

51. О городовом карауле посадцким людем по городу не караулить, а караулить по прежнему того же города пушкарям и стрелцом и воротником [лист 149]⁷¹.

(Л. 17 об.)⁷² 52. О тюремных целовалниках и посадцким людем в губных целовальниках в тюремных сторожах ныне и впредь не быть, а брать в губные целовалники в тюремные сторожи и помещиков и у вотчинников крестьян по очереди, за которых дворов по двадцать и больши; сентября 29 [на листе 151]⁷³.

¹ Муромский историко-художественный музей. Инв. № М-9976.

² *Титов А.А.* Историческое обозрение города Мурома // Труды / Владимирская губернская ученая Архивная комиссия. Кн. IV. Владимир, 1902. С. 66-68.

³ См., напр.: Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 2. Владимир, 1903. № 189. С. 63-65; Вып. 3. Владимир, 1904. № 409. С. 237-239; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб., 1838. Т. 3-4 (Далее – Акты археографической экспедиции); Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Т. 2. Владимир, 1878. С. 278-280; Акты Московского государства. Т. 1. № 559 и др.

⁴ Здесь и далее нумерация грамот приводится по оглавлению копийной книги.

- ⁵ На подлинной грамоте скрепа дьяка Андрея Подлесова и подьячего Григория Иванова.
- ⁶ Опубликовано: Акты археографической экспедиции. Т. 3. № 115; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. № 398. С. 197-199.
- ⁷ На подлинной грамоте скрепа дьяка Михайлы Данилова.
- ⁸ Опубликовано: Акты археографической экспедиции. Т. 3. № 121; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. № 400. С. 200-203.
- ⁹ На подлинной грамоте скрепа дьяка Андрея Подлесова и подьячего Григория Иванова.
- ¹⁰ Опубликовано: Акты археографической экспедиции. Т. 3. № 163; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. № 401. С. 203-205.
- ¹¹ На подлинной грамоте скрепа дьяка Семена Головкина и подьячего Петра Самсонова.
- ¹² Опубликовано: Акты археографической экспедиции. Т. 3. № 210; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. № 404. С. 209-211.
- ¹³ В копиях в книге текст этой грамоты помещен за грамотой 7142 г. 14 февраля. На подлинной грамоте скрепа дьяка Григория Терентьева и подьячего Дементия Прокофьева.
- ¹⁴ На подлинной грамоте скрепа дьяка Григория Ларионова (?).
- ¹⁵ На подлинной грамоте скрепа дьяка Василия Прокофьева и подьячего Василия Прокофьева.
- ¹⁶ Опубликовано: Акты археографической экспедиции. Т. 3. № 271; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. № 409. С. 237- 239.
- ¹⁷ На подлинной грамоте скрепа подьячего Петра Михайлова.
- ¹⁸ Опубликовано: Акты археографической экспедиции. Т. 3. № 272; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. № 410. С. 239-240.
- ¹⁹ На подлинной грамоте скрепа подьячего Петра Михайлова.
- ²⁰ Опубликовано: Акты археографической экспедиции. Т. 3. № 276; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. № 411. С. 40.
- ²¹ На подлинной грамоте скрепа подьячего Василия Милахина (Милохин?).
- ²² Опубликовано: Акты археографической экспедиции. Т. 3. № 295; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. № 416. С. 250-251.
- ²³ На подлинной грамоте скрепа дьяка Василия Прокофьева и подьячего Евлампия Шатохина.
- ²⁴ На подлинной грамоте скрепа дьяка Василия Прокофьева и подьячего Евлама Шатохина.
- ²⁵ Опубликовано: Акты Археографической экспедиции. Т. 3. № 297. Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета.

- Т. 3. Владимир, 1878. С. 278-280; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. № 417. С. 252-255.
- 26 На подлинной грамоте скрепа дьяка Василия Прокофьева и подьячего Якова Андреева.
- 27 На подлинной грамоте скрепа дьяка Григория Ларионова и подьячего Петра Аврамова.
- 28 На подлинной грамоте скрепа дьяка Василия Ключарева.
- 29 На подлинной грамоте скрепа дьяка Микифора Вальцова и подьячего Евлама Шатохина.
- 30 Опубликовано: Акты Археографической экспедиции. Т. 4. № 28; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. № 427. С. 278-280.
- 31 На подлинной грамоте скрепа дьяка Федора Степанова и подьячего Сидора Савина.
- 32 На подлинной грамоте скрепа дьяка Томилы Истоминова и подьячего Ивана Парфеньева.
- 33 На подлинной грамоте скрепа дьяка Богдана Обобурова (Обонурова?) и подьячего Ивана Семенова.
- 34 О наличии скреп не указано.
- 35 На подлинной грамоте скрепа дьяка Глеба Патрикеева и подьячего Ивана Семенова.
- 36 В копиях в книге текст этой грамоты помещен за грамотой 7145 г. 11 апреля.
- 37 На подлинной грамоте скрепа дьяка Богдана Обонурова и подьячего Ивана Семенова.
- 38 На подлинной грамоте скрепа дьяка Богдана Силина и подьячего Иван Патрикеева.
- 39 Подлинная грамота напечатана в Москве.
- 40 На подлинной грамоте скрепа подьячего Ивана Патрикеева.
- 41 На подлинной грамоте скрепа подьячего Тимошки Антипина.
- 42 На подлинной грамоте скрепа дьяка Алексея Маркова и подьячего Ивана Третьякова.
- 43 На подлинной грамоте скрепа дьяка Андрея Силина и подьячего Дениса Савлукова.
- 44 Оставлено место для даты.
- 45 На подлинной грамоте скрепа дьяка Ивана Чистого и подьячего Тимофея Шатохина.
- 46 На подлинной грамоте скрепа дьяка Андреяна Ерохова и подьячего Тимофея Литвинова.
- 47 На подлинной грамоте скрепа дьяка Ивана Булыева и подьячего Любима Кишеньского.
- 48 В копиях в книге текст этой грамоты помещен за грамотой 7168 г. 17 августа.
- 49 На подлинной грамоте скрепа дьяка Ивана Чистова и подьячего Тимофея Шатохина.
- 50 На подлинной грамоте скрепа дьяка Ивана Кошеева, писал Кузьма Семенов.

- 51 На подлинной грамоте скрепа дьяка Аврама Кощеева и подьячего Тимофея Шатохина.
- 52 На подлинной грамоте скрепа дьяка Аврама Макошеева (Кошеева), писал Куземка Семенов.
- 53 Опубликовано: Акты, собранные археографической экспедицией. Т. 4. № 179; Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 3. № 432. С. 290-292.
- 54 На подлинной грамоте скрепа дьяка Федора Грибоедова и подьячего Леонтия Меньшева.
- 55 На подлинной грамоте скрепа дьяка Алмаза Чистого и подьячего Семена Молчанова.
- 56 На подлинной грамоте скрепа дьяка Тимофея Литвинова и подьячего Федора Григорьева.
- 57 На подлинной грамоте скрепа дьяка Леонтия Кондратова и подьячего Григория Сандырева.
- 58 На подлинной грамоте скрепа дьяка Ивана Вохромеева и подьячего Ивана Татарина.
- 59 На подлинной грамоте скрепа дьяка Андрея Юдина и подьячего Ивана Татарина.
- 60 На подлинной грамоте скрепа дьяка Федора Тютчева и подьячего Тихона Осипова.
- 61 На подлинной грамоте скрепа дьяка Степана Шарапова и подьячего Ивана Сафонова.
- 62 На подлинной грамоте скрепа дьяка Ивана Волкова и подьячего Семена Молчанова.
- 63 На подлинной грамоте скрепа дьяка Артемия Лобкова и подьячего Захара Вахтина.
- 64 На подлинной грамоте скрепа дьяка Артемия Лобкова и подьячего Ивана Нихнова.
- 65 На подлинной грамоте скрепа дьяка Артемия Лобкова и подьячего Леонтия Уланова.
- 66 На подлинной грамоте скрепа дьяка Федора Кузмищева и подьячего Григория Сандырева.
- 67 В оглавлении эта грамота пропущена. Заголовок грамоты взят из текста.
- 68 На подлинной грамоте скрепа дьяка Ивана Максимова и подьячего Федора Парфеньева.
- 69 Так в рукописи.
- 70 На подлинной грамоте скрепа дьяка Ивана Максимова и подьячего Антона Богданова.
- 71 На подлинной грамоте скрепа дьяка Ивана Негоморского и подьячего Алексея Богданова.
- 72 Далее другим почерком и другими чернилами.
- 73 На подлинной грамоте скрепа дьяка Ивана Карлаинова и подьячего Филиппа Иванова.

**СТАНОВЛЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА
И СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФЕОДАЛИЗМА
НА ЮГЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII в.
(историография и источники)***

Появление элементов государственного феодализма на юге России на рубеже XVI-XVII вв., их развитие на протяжении XVII в. в систему, тесно связано с общими процессами крестьянского закрепощения и колониационного освоения степных окраин. Уже дореволюционные историки (Д.И.Багaley, И.Н.Миклашевский и др.¹), споря о примате правительственной колонизации над крестьянской, отметили наличие на юге «государевой десятиной пашни», обрабатываемой местным населением наряду с исполнением основной ратной службы. Однако классовая ограниченность буржуазных ученых не позволила им даже поставить вопрос о государственном феодализме, а тем более показать, как усиливающийся феодальный гнет, в увеличении которого немалую роль играло феодальное государство со своими все возрастающими потребностями, породил ожесточенную классовую борьбу на окраинах, вылившуюся в XVII в. в две грандиозные Крестьянские войны, потрясшие всю страну.

Только в советской историографии (работы А.А.Новосельского, Л.В.Черепнина, А.И.Яковлева, П.П.Смирнова, Г.А.Новицкого и др.)² в 30-40-х годах было обращено пристальное внимание на специфику положения на юге в XVII в. по сравнению с центром, отмечено активное участие государственной власти, организовавшей сыск беглых на юге с учетом интересов обороны южных границ (короткие «урочные лета», их бытование и после Соборного Уложения 1649 г.), показано сопротивление народных масс усилению феодального гнета и закреп-

* Настоящая статья написана Вадимом Ивановичем Корецким в начале 1980-х гг. Публикуется впервые. Текст приведен в авторском оригинале.

постительным мероприятиям правительства. При этом землевладение служилых людей «по прибору» – стрельцов, пушкаррей, воротников, городских казаков – предлагалось рассматривать, по определению А.А.Новосельского, «как своеобразный вариант крестьянского землевладения», сохранившего общинные черты (жеребьевое уравнительное распределение земли, общее пользование угодьями).

В 1946 г. вышло в свет капитальное исследование академика Н.М.Дружинина о государственных крестьянах³, в котором он пришел к важному выводу об оформлении в России в эпоху петровских реформ системы «государственного феодализма», корни которой уходили в предшествующее время.

Специальную разработку тема о происхождении сословия государственных крестьян в XVII в. на примере стрелецкого населения юга России получила в статье В.А.Александрова 1950 г. (а затем в его работе 1967 г.)⁴. Обратившись к архивным материалам, почерпнутым из фондов Разрядного и Поместного приказов ЦГАДА (столбцы, десятины, писцовые, межевые и разборные книги), он показал источники формирования на юге стрелецкого войска (беглые крестьяне из центра, московские «сведенцы» и др.), способы обеспечения стрельцов (в основном, наделение землей на свободу в целом, «миром», а не индивидуально, как служилых людей «по отечеству»), формы эксплуатации (обработка «государевой десятинной пашни», выплата с 1668 г. «четверикового хлеба», сдаваемого в государевы житницы, по сути – феодальной ренты, «городовое» и «струговое» дело, подводные повинности, разные «поделки»). Исходя из известного положения К.Маркса об обычном следовании крепостничества за барщиной, В.А.Александров справедливо полагал, что «натуральный оброк, обработка десятинной пашни являлись первыми этапами закрепощения». В дальнейшем потеря стрельцами привилегий и включение их в сферу феодальной эксплуатации, установление тяжелого административного надзора приводили их к сближению с тяглыми слоями населения, а затем и переходу в разряд государственных крестьян.

В.А.Александров обратил внимание на то, что во многом сходные процессы формирования государственного феодализма наблюдались в XVII в. и в Сибири.

С 50-х годов по настоящее время появился целый ряд работ (Е.В.Чистяковой, Г.Н.Анпилогова, Е.И.Смагиной, Е.П.Вайнберг, В.П.Загоровского, В.М.Важинского и др.⁵), посвященных выяснению обстановки на юге, ходу колонизации, строительству укрепленных линий, положения различных групп служилых людей «по прибору», подвергавшихся эксплуатации со стороны феодального государства, их участия в восстаниях середины XVII в. и др. Был существенно расширен круг источников за счет привлечения наряду с материалами центральных архивов документов местных архивов (Харькова, Курска, Воронежа и др.). В сфере внимания исследователей попали новые виды источников – переписные и строевые книги, челобитные, воеводские сказки и др. Существенное значение для изучения проблемы имел ввод в научный оборот судных дел, в которых отразились различные стороны жизни служилых людей «по прибору»; в числе этих дел оказались и дела о беглых крестьянах, записывавшихся на юге в стрельцы и казаки.

Малочисленность источников, в основной массе погибших в период крестьянской войны, «смуты» и во время московского пожара 1626 г. затрудняет изучение истоков складывания системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в., когда в стране в общегосударственном масштабе оформлялось крепостное право. И.И.Смирнов, анализируя положение на южных окраинах накануне восстания Болотникова и правильно указывая, что в отношении служилых людей «по прибору» в роли эксплуататора их труда выступали не отдельные представители феодального класса, а само феодальное государство⁶, вынужден был целиком опираться на материалы, опубликованные еще П.Н.Миклашевским.

Новые документы (путивльские «отдельные» книги 1594 г. раздачи земель конным самопальникам) использовал в 1962 г. в своей монографии о России XVI в. академик М.Н.Тихоми-

ров⁷. Существование этих книг было отмечено еще в 1916 г. академиком С.Б.Веселовским⁸.

В 1957 г. автором этой статьи было введено в научный оборот елецкое дело 1592 г., в котором сохранились известия о переходах крестьян с отказом и выплатой пожилого в размерах близких к Судебнику 1550 г. при верстании в елецкие стрельцы и казаки весной 1592 г., а в 1964 г. оно было проанализировано в полном объеме в докладе на аграрном симпозиуме в Кишиневе⁹. Дело это позволяет представить обстановку, при которой происходило верстание; государственные повинности, которые должны были нести «новоприбранные» стрельцы и казаки, правительственную политику в этом районе и др.

В 1964 г. появилась статья Г.Н.Анпилогова о бортных знаменах, в основу которой были положены путивльская книга 1594 г. о раздаче земель конным самопальникам, переписная книга путивльским оброчным бортным урожаям 1628/29 г. и рьльская писцовая книга 1628/29 г. Дополнительные сведения были почерпнуты из книг Посольского приказа, где сохранились т. наз. «польские» [от слова «поле»] дела 1592/93 г. В своей совокупности эти материалы позволяли представить положение севрюков-бортников, казаков, крестьян и служилых людей района, где вскоре должна была вспыхнуть Крестьянская война. Севрюки-бортники, оказывается, были обязана не только военной службой, но и оброком медом и куницами, который они платили в приказ Большого дворца¹⁰.

Елецкое дело о верстании в стрельцы и казаки 1592 г., путивльская книга 1594 г. раздача земель конным самопальникам и «польские» дела 1592/93 г. были опубликованы в 1967 г. Г.Н.Анпиловым в составе сборника «Новые документы о России конца XVI – начала XVII в.» (М., 1967). К сожалению, выборочная публикация Елецкого дела не позволяет использовать ее в научных целях.

Особенности процесса закрепощения на юге России накануне и после первой Крестьянской войны и отдельные стороны становления здесь государственного феодализма были рассмотрены нами в монографии «Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России» (М., 1975). По-

мимо материалов елецкого дела 1592 г., в работе были использованы столбцы Поместного приказа по гг. Болхову, Орлу и Рыльску и Московской Оружейной палаты, калужские сборные книги 1613 г. из ф. Городовых книг и др. источники. Было показано, что в стрельцы и казаки в конце XVI в. записывались довольно состоятельные крестьяне (на материалах XVII в. на это указал А.А.Новосельский). В делах о строительстве Ельца и Воронежа в начале 90-х гг. XVI в. содержатся ценные материалы о привлечении служилых людей «по прибору» к строительным работам, злоупотреблениях местной администрации, побегах стрельцов и казаков и т.п. Сочетание элементов государственного феодализма на юге с закрепостительными устремлениями помещиков создавало на юге особую напряженность, приведшую к взрыву Крестьянской войны. В то же время государственная эксплуатация не достигла в конце XVI – начале XVII в. еще такой степени, чтобы посадские люди в районах, охваченных Крестьянской войной, не стремились избежать тягло и записаться в государевы служилые люди «по прибору». О том, каких широких размеров достиг переход посадских тяглецов во время Крестьянской войны в пушкари, стрельцы и другие категории «государевых служилых людей по прибору», можно судить по обнаруженной нами росписи различных доходов и кабацких денег ряда южных и западных пограничных городов 1613/14 г. В некоторых из них (Михайлове, Пронске, Данкове и Ряжске) к тому времени вообще не осталось черных тяглых посадских людей (см. Приложение). В конце XVII в. во время стрелецких восстаний, как установил В.И.Буганов, этого уже не наблюдалось¹¹.

Крестьянская война, замедлившая темпы закрепощения на юге, нарушила и складывающуюся здесь систему «государственного феодализма» (десятинная пашня начала вновь пахать-ся лишь с 20-х годов XVII в., записавшиеся в «государевы служилые люди» «по прибору» бывшие болотниковцы отказывались отбывать государственные повинности, еще в 20-х годах XVII в. на юге России бытовали пережитки крестьянских переходов).

Объединенными усилиями советских историков доказано, что с конца XVI в. и на протяжении XVII в. с некоторыми колебаниями в период первой Крестьянской войны и городских восстаний середины XVII в. в южных районах России складывалась система «государственного феодализма». Извлечены из архивов и проанализированы разнообразные источники. Однако возможности новых архивных находок как в центральных, так и местных архивах далеко не исчерпаны. Здесь, прежде всего, следует назвать неописанные столбцы Поместного приказа и весьма приблизительно описанные столбцы Разрядного приказов¹². Среди поздних дел в них могут быть обнаружены и ранние дела конца XVI – начала XVII в. по рассматриваемой проблеме. Пример М.Я.Волкова, нашедшего в фонде Городовых книг ЦГАДА в составе сборника первой половины XVII в. самую раннюю книгу по Калуге, датируемую им 90-ми годами XVI в.¹³, показывает, что книги конца XVI в. (писцовые, отказные и др.) могут быть открыты и по другим южным городам и уездам. Введение же в научный оборот новых архивных материалов позволит еще глубже исследовать вопрос о складывании на юге России в конце XVI – начале XVII в. системы «государственного феодализма», отражающей отнюдь не южно-поместные явления социальной истории.

¹ *Багaley Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; *Он же.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI-XVIII столетиях. Т. I-II. Харьков, 1886-1890; *Миклашевский И.Н.* Из истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I: Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. М., 1894.

² *Новосельский А.А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве во второй половине XVII в. // Труды / Институт истории РАНИОН. Вып. I. М., 1926; *Он же.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. Т. 4. М., 1938; *Он же.* К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в. // Там же. Т. 16. М., 1945; *Черепнин Л.В.* Классовая борьба в 1682 г. на юге Мос-

- ковского государства // Там же. Т. 4. М., 1938; *Яковлев А.И.* Холопство и холопы в Московском государстве в XVII в. Т. I. 1943; *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. I. М.; Л., 1947; *Новицкий Г.А.* Восстание в Курске в 1648 г. // Историк-марксист. 1934. №. 6.
- ³ *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. I. М.; Л., 1946.
- ⁴ *Александров В.А.* К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян // Вопросы истории. 1950. № 10; *Он же.* Стрелечье население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти акад. М.Н. Тихомирова. М., 1967.
- ⁵ *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975; *Антилогов Г.Н.* Положение городского и сельского населения Курского уезда накануне восстания 1648 г. // Вестн. МГУ. 1972. № 5; *Смагина Е.И.* Служилое землевладение и землепользование в Чернском уезде в первой половине XVII в. // Новое о прошлом нашей страны: Памяти акад. М.Н.Тихомирова М., 1967; *Вайнберг Е.П.* Борьба крестьян против крепостничества на южной окраине Русского государства в первой половине XVII в. // Там же; *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969; *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины одноворцов в XVII веке: (По материалам южных уездов России). Воронеж, 1974.
- ⁶ *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова, 1606-1607. М., 1951. С. 131. Развивая тезис о государственных интересах в процессе закрепощения, на это обращает внимание и А.М.Сахаров. См.: *Сахаров А.М.* Образование и развитие Российского государства в XVI-XVII вв. 1969. С. 117, 138, 139-142.
- ⁷ *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 412.
- ⁸ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. II. М., 1916. С. 620.
- ⁹ *Корецкий В.И.* Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI – начале XVII в.: (К проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня» // История СССР. 1957. № 1; *Он же.* Крестьянская колонизация и особенности процесса закрепощения на юге России в конце XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г. Кишинев, 1966.
- ¹⁰ *Антилогов Г.Н.* Бортные знамена как исторический источник: (По Путивльским и Рыльским переписным материалам конца XVI и 20-х годов XVII в. // Советская археология. 1964. № 4.
- ¹¹ *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 68 и др.

- ¹² М.Н.Тихомировым готовился сборник документов по истории классово-войсковой борьбы на юге Русского государства в первой половине XVII в., в котором предполагалось поместить специальный раздел о стрельцах, казаках и других ратных людях по материалам столбцов Московского, Владимирского и Белгородского столов Разрядного приказа. См.: *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 398-399.
- ¹³ *Волков М.Я.* Описание калужского посада конца XVI в. // История СССР. 1972. № 4.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1613/14 г. – Роспись различных денежных доходов и кабацких денег с ряда южных и западных пограничных городов, ведавшихся во Владимирской четверти.

А в нынешнем во 122-м писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси из Воротыска Иван Раевский кабацких денег верного бранья прошлого 121-го году 11 рублей.

В Волхове на посаде до литовского разоренья было денежных доходов 118 рублей и 32 алтына, да кабацких откупных денег во 121-м году было 136 рублей и 20 олтын. И всего в Болхове до литовского разоренья было денежных доходов 255 рублей и 18 алтын, 2 деньги.

И в Болхове у них по всеводцким и подъячим отписям денег в расходе 53 рубли и 10 алтын.

До в Болхове у них по воеводцким и подъячим отписям денег в росходе 53 рубли и 10 алтын.

И в нынешнем в 122-м году писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси из Болхова воеводе Степан Волынской, что в прошлом во 121-м году город Волхов литовские люди взяли и острог и слободы и кабацк выжгли и дворян и детей боярских и посадских многих людей побили. А иные посадские люди розбижались розно по иным

городом безвестно. Да и посадские люди государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси били челом, что от литовских людей разорены без остатку.

На Орле на посаде и в уезде до литовского разоренья денежных доходов было 22 рубли и 6 алтын 3 деньгою до кабатцких денег было 28 рублей.

И всего на Орле всяких денежных доходов было 50 рублей и 6 алтын 3 деньгою.

И в прошлом в 121-м году по боярской грамоте кабак и таможенная пошлина отдана за жалованье и за убитые лошади Филату Межакову июля по 21-е число. А июля с 21-го числа 121-го году по октябрь по 2-е число 122-го году кабак ведали на вере целовальники и собрали кабатцких и таможенных доходов 16 рублей 24 алтыны. И тех денег по воеводским ¹отписям¹ на Орле в росходе 14 рублей 26 алтын 4 деньги. Да на Москве тех кабатцких денег в нынешнем в 122-м году взято рубль 30 алтын.

В Колуге на посаде до литовского разоренья всяких денежных доходов и с мельниц и с амбаров было оброку 314 рублей и 29 алтын 4 деньги, да кабатцких денег до литовского разоренья было 873 рубли и 7 алтын 4 деньги.

И всего в Колуге всяких денежных жоходов до литовского разоренья было 1788 рублей и 4 алтына.

И в прошлом во 121-м году денежные всякие доходы и запросные денги збирали в Колуге Мосей Глебов да дьяк Семейка Самсонов. И книги приходные и расходные отдали в Розряд.

Да и в отписке Мосея Глебова да дьяка Семейки Самсонова да Ждана Шипова написано, что им велено деньги збирати и давати на приказные росходы на хлебную поупку, которой велено деньги збирати и давати на приказные росходы на хлебную поупку, которой велено вести к Москве на государев обиход и в Можаяск ратным людем.

¹–¹ Написано по счищенному.

А в нынешнем 122-м году привезено к Москве ис Колуги кабатцких денег прошлого 121-го году 99 рублей и 14 алтын 4 деньги, да мытные и дьячие пошрины 20 рублей и 19 алтын 3 деньгою. И всего ис Колуги привезено 120 рублей 3 деньги.

С Путивля с посаду и с уезду всяких денежных доходов до литовского разоренья было 1210 рублей, и Путивль был за Литвою.

С Чернигова 39 рублем и 30 алтын пол-деньги, и Чернигов запустел.

С Невля всяких денежных доходов до литовского разоренья было 85 рублей и 17 алтын 5 денег, и Невль был за Литвою.

Во Ржеве Пустой до литовского разоренья всяких денежных доходов было 66 рублей и 13 алтын с полуденьгою, запустел.

В Переславле Резанском по сметному списку прошлого 113-го году до тотарского и до литовского разоренья всяких денежных доходов было 1821 рубль и 27 алтын 4 деньги, да с чернослободцов и с пушкарей и з затинщиков ис воротников и с сторожей и с кузнецов и с захребетников до разоренья было 217 рублей и 8 алтын 2 деньги, да сушеного и квасного оброку и с сенные трухи 14 рублей.

И всего в Переславле Резанском всяких денежных доходов было 2053 рубли и 2 алтына и 2 деньги.

И в прошлом во 120-м году писали к бояром ис Переславля Резанского воевода Семен Головин да Семен Ушаков да дьяк Яков Демидов: велено им в Переславле Резанском дати денежное жалованье дворяном и детем боярским и дьяком и подьячим и иноземцом и всяким людям, и в Переславле перед прежними годы таможенных денег збираетца мало, что из городов с торгом приезду нет, и на кабаках питухов нет же, потому что ратных людей в Переславле нет, пити некому, а в уезде иными кабаками завладели казаки.

А в нынешнем во 122-м году писал ко государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси ис Переславля Резанского Тимофей Павлов, что в Переславле Резанском в прошлом в 121-м году сентября с 1-го числа марта по 23-е число збирал всякие денежные доходы воевода Мирон Вельями-

нов да дьяк Алексей Бохин. А марта з 23-го числа по сентябрь по 1-е число 122-го году всяких денежных доходов собрал он, Тимофей, 792 рубли и 21 алтын по-2 деньги. А в Переславль деи торговые люди с товаром приезжают мало и таможенные пошлины взяти не с ково. А на кабаках пьют мало ж – ратных людей в Переславле нет.

И те у него деньги по государевым царевым и великого князя Михаило Федоровича всеа Руси грамотам и по воеводским и по дьячим памятем и по отписям вышли в расход дворяном и детей боярским и казаком в жалованье в корм и государевым лошадям на овес и на всякие расходы, все в расход вышли. А для четвертных всяких денежных доходов посылал он в Переславской уезд детей боярских розсылщиков, и дворяне и дети боярские им отказали, что им по старым книгам платити не мочно. А ныне у них дозорщик, и как дозрит, и оне учнут с своих поместей и с вотчин денежные доходы платити по новому дозору.

И по государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамотам и по боярским велено в Переславле ж дети денежного годового жалованья дворяном и детям боярским и стрельцом и казаком на прошлой на 121-й год 576 рублей и 16 алтын 4 деньги.

У Николы Заразского до литовского и до тотарского разоренья всяких доходов и кабацких денег было 1266 рублей и 19 алтын в прошлом во 120-м году писали от Николы Заразского к бояром воеводы Семен Головин да Степан Ушаков да дьяк Яков Демидов и прислали челобитную за руками Николы Заразскаго посадских людей, что ис Переславля Резанского от воеводы от Ивана Бутурлина велено правити всякие денежные доходы по старым книгам. И у Николы де Заразского город разорен трожды и людей посадских ¹многих¹ побили и посад выжгли.

А в прошлом в 121-м году по книгам собрали у Николы Заразского головы и целовальники кабатцких денег на вере 324 рубли и 11 алтын пол-5 деньги. И те деньги по книгам и по отписям воевод Степана Исленьева да князя Офонасья Гогарина да дьяка Василья Бормосова за их руками ¹написано¹ взяли оне в расход.

¹–¹ Написано над строкой.

На Михайлове кабатцких и таможенных денег до литовского разоренья было 248 рублей и 13 алтын 2 деньги. И в нынешнем во 122-м году октября во 2-ой день писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии с Михайлова ¹воевода¹ Богдан Заболотцкой, что он верных целовальников прошлого 121-го году в кабатцких и в таможенных денгах считал и по счету собрали оне 136 рублей, потому что во 121-м году ратных людей было много, а ныне де служивых людей мало. И по его отдаче кабатцких откупных денег будет 80 рублей 16 алтын 4 деньги.

А кого именем верных целовальников считал, и кому оне то деньги и на какие расходы давали, или к Москве в которой приказ послали, и о том ко государю царю и великому князю Миха(й)Лу Федоровичу всеа Руси Богдан Заболотцкой не отписывал. И о тех денгах послана к нему государева грамота велено ему о тех деньгах отписать вскоре часа того.

Да в нынешнем же в 122-м году писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси Богдан Заболотцкой, что он у откупщика денег взял и Костентину Ивашкину неметцким людям на корм отдал 26 рублей и 27 алтын 4 деньги. А доняти на откупщике откупных денег июля в 1 день нынешнего 122-го году.

Да в нынешнем ж во 122-м году писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси с Михайлова воевода Богдан Заболотцкой, что на Михайлове никаких сошных тяглых людей нет – все служивые люди, а которые были черные люди до разоренья 200 человек, и те в межьюсубье разошлись по слободам и в стрельцы и в казаки, а иные побиты. А чернослободцов на Михайлове нет ни одново человека. А Михайловской уезд в межьюсубье от крымских и от нагайских людей разорен – села к деревни вызжены.

¹–¹ Написано над строкой.

В Пронску до литовского разоренья всяких доходов и кабатцких денег было 180 рублей и 7 алтын с полу-денгою.

И в прошлом в 121-м году в Пронску кабатцких денег верного бранья головы и целовальники собрали 104 рубли и 16 алтын з деньгою. И тех денег по воеводцким отписям и по книгам взяли оне в Пронску у голов и у целовальников на всякие росходы 68 рублей и 18 алтын з деньгою. Да тех же денег в нынешнем во 122-м году к Москве приведено 35 рублей и 30 /ал/тын 2 деньги.

Да в нынешнем же во 122-м году писал ко государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси ис Пронска воевода Юри(й) Вердеревской, что в Пронску посадских тяглых людей нет – все стрельцы и казаки и пушкари и затиники, взятии денежных доходов не на ком.

В донкове намеснича доходу и кабатцких денег до разоренья было 65 рублей и 15 алтын. И в прошлом во 121-м году у голов и у целовальников кабатцких и таможенных денег на веру собрано 33 рубли и 15 алтын 4 деньги.

И тех денег по памятем и по отписям воеводы князя Ивана Никитича Одоевского за приписью дьяка Богдана Ильина взял он на расходы 18 рублей и 27 алтын 4 деньги.

И писал ко государю царю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси из Донкова воевода Борис Есипов, что тяглых людей, oprичь стрельцов и казаков, и в уезде сел и деревень нет, выжжены и вываины.

В Рязском на поезде и в уезде, что было денежных доходов до литовского и до татарского разоренья, и того в Володимерской четверти не ведомо и книги и списки не сысканы.

А в нынешнем во 122-м году писал ко государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси из Рязского воевода Иван Биркин, что в Рязском города и острогу и посаду и посадских черных людей нет, oprичь казаков.

РГАДА. Ф. Оружейной палаты. Стб. № 37921. Л. 1-19.

О БОЯРСКИХ СПИСКАХ СТОЛБЦОВОЙ ФОРМЫ ПЕРИОДА ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА КАК ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ

Государев двор России, его структуру и состав невозможно изучить без обращения к делопроизводственным документам, и в особенности – документам Разрядного приказа. На необходимость исследования приказной документации конца XV – XVII в. – периода образования и развития единого и централизованного Русского государства – при изучении «господствующего класса феодалов» указывал В.И.Буганов, отмечавший, что значение делопроизводственного материала «сильно возрастает... со второй четверти XVII в., так как в ходе иностранной интервенции начала столетия и огромного московского пожара 1626 г. большая часть приказной документации предыдущего времени погибла»¹. Среди богатейшего комплекса делопроизводственных документов Разрядного приказа для изучения истории двора XVII в. особое значение имеют боярские списки. Боярские списки – это ежегодно составлявшиеся в Московском столе Разрядного приказа списки членов Государева двора с регулярно вносившимися сведениями об их пригодности к службе, местонахождении и служебной деятельности. Они позволяют изучить структуру двора и его персональный состав, а также приемы ведения делопроизводства в Разрядном приказе – основном учреждении, регулировавшем назначения на службу.

Будучи документами текущего оперативного учета членов Государева двора, боярские списки составлялись ежегодно, причем по нескольку в течение года. Каждый боярский список активно функционировал в приказном делопроизводстве, пополняясь новыми сведениями, от нескольких месяцев до двух лет. Поэтому в основном (первоначальном) тексте источника множество помет, вставок (приписок) и исправлений. Это де-

дает боярские списки бесценным источником при изучении самых разнообразных вопросов отечественной истории XVII в.

Как особый вид делопроизводственных документов боярские списки появляются в последней четверти XVI в. А.Л.Станиславский, изучивший списки последней четверти XVI – первой трети XVII в., отмечал, что «термины “боярский список” и “боярская книга” в заголовках самих источников обычно не встречаются, но широко используются в их тексте, описях² и других документах Разрядного приказа XVII в. применительно к различным спискам дворовых, начинавшимся с бояря; при этом слова “книга” и “список” первоначально определяли форму документов – книжную или столбцовую»³. Впоследствии же термины эти стали обозначать определенные виды документов. Поэтому, когда в 1667/68 г. боярские списки приобрели книжную делопроизводственную форму, они продолжали называться «списками»⁴.

Предметом исследования данной работы являются боярские списки 1645-1667 гг. – периода складывания абсолютной монархии в России. До настоящего времени они остаются совершенно не исследованными, хотя сохранилось их достаточно много, что позволяет говорить о комплексе данного вида источника (всего боярских списков столбцовой формы времени царствования Алексея Михайловича сохранилось полностью или частично, по нашим подсчетам, не менее 30). Хронологические рамки исследования – 1645-1667 гг. – определяются тем, что боярские списки столбцовой формы периода царствования Михаила Федоровича уже исследовались в источниковедческом плане А.Л.Станиславским и А.П.Павловым, а с 1667 г. начинается новый этап в делопроизводственной практике составления боярских списков – они обретают книжную форму делопроизводства.

Цель настоящей работы – характеристика боярских списков столбцовой формы периода царствования Алексея Михайловича (1645-1667) как исторического источника.

Эта цель достигается через постановку и решение следующих задач:

- 1) выявление и описание боярских списков, в том числе па-леографическое их изучение и систематизация;
- 2). определение типов и состава боярских списков.

Методологической основой исследования является комплексное изучение боярских списков 1645-1667 гг., включающее в себя внешнюю критику источника, основанную на анализе их содержания. Именно такой подход представляется наиболее продуктивным, поскольку исследуемые источники являются расклеенными столбцами, листы которых частью утрачены, а частью перепутаны; сохранившиеся же склейки к настоящему времени в своей массе пришли в ветхость.

Существовало несколько типов боярских списков. А.Л.Станиславский, характеризуя списки 20-х гг. XVII в., выделял «подлинные» списки и «наличные»⁵. «Подлинные» списки фиксируют состав двора полностью: перечисляются думные и дворцовые чины, стольники, стряпчие, дворяне московские и дьяки. В «наличных» же списках 1620-х гг. Государев двор, за исключением Боярской думы, разделялся на три части – «половины»: «московскую», «отпускную» и «служебную» (в последней записывались дворовые люди, находившиеся на службе не в Москве, а в других городах или дальних посылках); при этом каждая половина, в свою очередь, делилась на чиновные перечни стольников, стряпчих, дворян московских и дьяков. За исследованный нами период – 1645-1667 гг. – списков, охарактеризованных А.Л.Станиславским как «наличные», не обнаружено. «Наличные» списки второй половины 40-60-х гг. XVII в. на «половины» не делятся, а включают лишь чиновные перечни. Мы, в соответствии с заголовками боярских списков, называем «наличными» те, которые включают всех дворовых людей, за исключением находившихся на службе вне Москвы, как списки 7154 (Ед. хр. 202. Столп. 3), 7156 (Ед. хр. 1103. Столп. 4) и т.д. (А.Л.Станиславский исследовал один такой список – 7138/1630 г., указав, что он «не совсем обычен по составу» и «близок к московско-отпускной части боярских списков» 7133 и 7134 гг.⁶ (имеются в виду т. н. «половинные» боярские списки, о которых пойдет речь далее).

Наряду с «подлинными» и «наличными» списками, в 50-60-х гг. XVII в. существовал еще один тип боярских списков, представленный списками июня 7161 г. и декабрем 7174 г. Несмотря на то, что заголовки этих списков не сохранились, мы считаем, что они относятся к особому – «половинному» – типу. Об этом свидетельствует сопоставление двух помет, сделанных в «подлинном» и «наличном» боярских списках 7161 г. Согласно первой из них, проставленной при имени дворянина московского кн. А.О.Касаткина-Ростовского в «подлинном» боярском списке 7161 (1652/53) г. (Ед. хр. 1133. Столп. 3. Л. 103; Ед. хр. 245. Л. 109) и «наличном» (см.: Ед. хр. 1131. Столп. 4. Л. 107) списках писалось как «княж Осипов сын», в «половинном» являлся «княж Богдановым сыном». В другой помете – на обороте первого листа перечня дворян московских «наличного» списка 7161 (1652/53) г. – указано, что «161-го февраля в 8 день прислан в Розряд был розных половин списо<к>» (Ед. хр. 1131. Столп. 4. Л. 49 об). Список «розных половин», присланный в Разрядный приказ 8 февраля 1653 г., пока не выявлен⁷, однако к типу «половинных» боярских списков можно отнести список июня 7161/1653 г. (Ед. хр. 233. Л. 240-385)⁸. Июньский список 7161 существенно отличается и от «подлинных», и от «наличных» списков 40-60-х гг. XVII в. Каждый его чиновный перечень, в том числе перечни бояр и окольных, разделен на две «половины» – «московскую» и «служебно-отпускную».

Палеографического описания боярских списков столбцовой формы 1648-1667 гг. не существует. Первые попытки такой характеристики были сделаны в «Описании документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции». В этом «Описании...» даются названия, впрочем, не вполне удовлетворительные, всем спискам, а также приводятся краткие сведения о датах составления, количестве листов боярских списков, иногда о том, «подлинный» список или «наличный» (в уцелевших заголовках списков, сохранность которых является скорее исключением, чем правилом, указывались их типы), и о ветхости источника. Поэтому необходимо дать полное палеографическое описание боярских списков. В настоя-

щей статье дается описание нескольких наиболее интересных списков всех трех типов. (К сожалению, некоторая часть боярских списков была нам доступна лишь в микрофильмированном виде, в связи с чем для этих списков описание водяных знаков⁹, цвета чернил и указание количества почерков не представляется возможным.) Все исследованные боярские списки представляют собой расклеенные столбцы. Сставы, как правило, не имеют дьяческих скреп¹⁰. Листы в боярских списках разной длины. Заголовки всех исследованных «подлинных» списков не сохранились¹¹. В описании каждого списка указан его тип – «подлинный», «наличный» или «половинный».

1. *Боярский список 7156 (1648) г., «наличный»* (ед. хр. 216) написан на 118 листах, по современной нумерации с л. 1 по 114 и с л. 380 по 383; литерный – л. I; пропущен л. 10 (по «Описанию документов и бумаг...» (с. 103-104) было 114 листов, а также «не оказалось л. 10», источник назван «списком 156 г. стольников, стряпчих и дворян московских “четырёх четей, кроме тех, которые по службам, на лицо”»). Боярский список является «наличным», поскольку в его текст не записаны лица, пребывавшие на службе вне Москвы.

Текст написан скорописью XVII в., несколькими почерками, разборчиво. Чернила – темно-коричневые, переходящие в коричневые, и наоборот, иногда – почти черные. Пагинация – по верхнему левому краю листов: 1) коричневыми чернилами (на всех листах, кроме л. 380-383, на которых – черными чернилами); 2) карандашом – современная (л. 18, 21, 23, 25, 33-37, 40-43, 52-54, 56-59, 63-64, 67, 72-77, 79-80, 82-83, 85, 87-88, 92-93, 102, 108). Сохранность листов удовлетворительная; листы реставрированы – подклеены с оборота плотной белой бумагой (л. 380-383 – желтой) по оборванным краям и в оторванных местах внутри (дырах). Л. I не является частью боярского списка 7156 г. – это архивный лист XIX в. с легендой столбца. Водяные знаки по обрезу¹²: 1) пеликан; близкий см.: Дианова и Костюхина – 1980, № 1110 (1649 г.); 2) голова шута с 5-зубцовым воротником, литеры «LC»; подобный см.: Дианова – 1996, № 56 (1649 г.); 3) лилия; отдаленно подобный см.: Дианова и Костюхина – 1980, № 925 (1642 г.); 4) голова шута с 5-зубцовым

воротником, литеры «ЛС»; близкий см.: Дианова – 1996, № 70 (1648-1649, 1649-1653 гг.); 5) голова шута с 5-зубцовым воротником; близкий см.: Дианова – 1996, № 285 (1650-1651, 1651, 1651-1652 гг.).

В списке не сохранились заголовок (с датой) и начало перечня бояр¹³. Листы в списке в перечнях думных и дворцовых чинов, дворян московских и иноземцев перепутаны, что, очевидно, произошло при расклейке столбца в архиве. Порядок расположения листов указанных перечней исследуемого боярского списка 7156 г. установлен методом поименного сопоставления лиц, внесенных в этот список, с соответствующими перечнями «наличного» списка января 7156 г. (ед. хр. 1103, столп. 4, л. 27-30, 70-136 – перечни думных и дворцовых чинов и дворян московских) и «подлинного» списка 7158 г. (ед. хр. 1106, столп. 3, л. 113, 113а, 114-115 – перечень иноземцев). Список включает окончание перечня бояр (14 чел.) (л. 383), перечень окольничих (12 чел.) (л. 380, 382), указаны кравчий, казначей (л. 382), постельничий, думный дворянин, печатник, думные дьяки (4 чел.), стряпчий с ключом, ясельничий и московский ловчий (л. 381). Перед перечнем стольников (выше подзаголовка «Стольники») сделан следующий подзаголовок (основной текст списка): «Стольники и стряпчие и дворяне моск<ов>ские всех четырех чети, опричь т<ех>, которые по службам, налицо» (л. 1)¹⁴. В боярском списке содержатся перечни стольников (л. 1-9, 11-25), стряпчих (л. 26-40), дворян московских (л. 41-46, 100, 47-76, 82, 77-81, 102, 104-105, 103, 106-114, 83-85, 101, 86-92), иноземцев (л. 99, 93-94), дьяков по приказам (л. 95-97), дьяков «не у дел» (л. 97-98).

Исследуемый «наличный» боярский список 7156/1648 г. является уникальным: перечни московских чинов списка (л. 1-9, 11-114) скреплены дьяком. Так, на листе 1 об. с продолжением на сставах листов 2 об.-9 об., 11 об.-25 об. имеется пометаскрепа: «156-го июля в 24 день и августа в 29 день (“и августа в 29 день” приписано позже почерком скрепы. – М.Б.) по сему списку стольников и стряпчих и дворян московских по государеву указу смотрели околничей князь Дмитрий Петрович Лвов да диокъ Григорей Ларивонов». Далее по сставам листов

26 об.-34 об., 34 об.-42 об. и т. д. идет лишь скрепа дьяка: «диокъ Гри-го-рей Ла-ри-вонов». Ни в одном другом исследованном нами боярском списке дьяческой скрепы не обнаружено. Естественно, возникает вопрос, с какой целью был скреплен этот боярский список, иными словами, какова была цель смотров, проведенных окольниковым кн. Д.П.Львовым и дьяком Г.Ларионовым? Ответ на этот вопрос содержит тот же столбец, в котором отложился исследуемый боярский список. Так, л. 358-379 ед. хр. 216 содержат перечни стольников, стряпчих, дворян московских и дьяков, «дневавших» и «ночевавших» на государеве дворе: 1) с боярином кн. Н.И.Одоевским (27 и 28 июля; л. 358-364), 2) с боярином кн. П.И.Пронским (19 августа; л. 365-372) и 3) с боярином кн. М.П. Пронским (23 августа; л. 373-379) (заголовки перечней одинаковы (л. 358, 365, 373) – «Дневать и начевать на государеве царе и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси дворе»). Причем эти перечни «дневавших» и «ночевавших» написаны тем же самым почерком, что и перечни думных и дворцовых чинов исследуемого боярского списка (л. 380-383). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что первый смотр московских чинов по «наличному» списку ед. хр. 216, л. 1-9, 11-114 был проведен 24 июля – за три дня до того, как служилые люди были назначены «дневать» и «ночевать» на «государеве дворе», и во время смотра окольниковый и дьяк установили местонахождение каждого члена двора, показателем чего являются пометы «е[сть]» или «н[ет]» (иногда – «бол[ен]»), сделанные при имени каждого стольника, стряпчего, дворянина и иноземца (а дворянин московский И.Н.Бестужев (л. 92) вообще «июля в 24 день отпущон на 3 недели»). Следовательно, смотр 24 июля проводился с целью установления местонахождения каждого члена двора для последующего назначения в «дневальщики». Известно, что служилые люди «дневали» на «государеве дворе» во время царских походов в подмосковные церкви, монастыри и села¹⁵. По Дворцовым Разрядам установлено, что 27 и 28 июля каждого года (7154, 7155, 7157, 7158 и т. д.) царь Алексей Михайлович ходил в Новодевичий монастырь¹⁶, поскольку на 28 июля приходился «праздник Пресвятыя Богоро-

дицы Одигитрии»¹⁷. Лишь за 7156 г. в Дворцовых Разрядах не содержится статьи о походе царя в монастырь 27 июля и о «столе» у государя в Новодевичьем монастыре 28 июля. Тем не менее наличие перечней «дневавших» и «ночевавших» на «государеве дворе» 27 и 28 июля 7156/1648 г. свидетельствует о том, что и в этом году состоялся поход царя Алексея Михайловича в Новодевичий монастырь. Второй же смотр окольный кн. Д.П.Львов и дьяк Г.Ларионов провели 29 августа 7156 г., т. е. за три дня до наступления 7157-го года. А как следует из описи Архива Разрядного приказа 1668 г.¹⁸, в сентябре 7157 г. был составлен новый «наличный» список, за основу которого, помимо «подлинного» списка, очевидно, был взят и предшествующий «наличный» список, а значит, существовала необходимость перед составлением нового списка проверить реальную готовность московских чинов к служебным назначениям в наступающем году, для чего и был проведен смотр. В результате смотра при имени каждого стольника, стряпчего и дворянина московского в «наличном» списке была сделана соответствующая его местонахождению помета: «е[сть]» или «н[ет]», а в тексте пометы-скрепы на л. 1 об. появилось указание (в виде приписки) на проведенный 29 августа смотр. Таким образом, скрепа дьяка Г.Ларионова удостоверяет результаты смотров служилых людей московских чинов, состоявшихся 24 июля (перед государевым походом) и 29 августа (до составления «наличного» списка на следующий год) 7156/1648 г.

Исследуемый «наличный» боярский список был составлен не ранее 5 июня 7156 г., скорее всего, в начале июля. Время функционирования «наличного» списка июля 7156/1648 г. ограничивается первой декадой сентября 7157/1648 г.

2. Боярский список 7160 (1651/52) г., «подлинный» (ед. хр. 245) написан на 137 листах, по современной нумерации с л. 1 по 135; литерные – I, 104а (по «Описанию документов и бумаг...» (с. 111) было 135 листов, название списка: «список боярский 160 г. (неполный)»). Текст написан скорописью XVII в., несколькими почерками, разборчиво. Сохранность листов хорошая. Л. I не является частью боярского списка 7160 г. – это архивный лист XIX в. с легендой столбца. Водя-

ные знаки по обрезу: 1) голова шута с 5-зубцовым воротником; близкий см.: Дианова – 1996, № 99 (1647-1649, 1650 гг.); 2) агнец пасхальный, лигатура «WR»; подобный см.: Дианова и Костюхина – 1980, № 2 (1646 г.); 3) крест лотарингский; подобные см.: Дианова и Костюхина – 1980, № 594 (1647 г.), 597 (1652 г.).

Боярский список является «подлинным», поскольку в нем зафиксирован состав двора целиком, причем без разделения на «половины».

В списке не сохранились заголовок (с датой и типом списка) и начало перечня бояр. Листы в списке перепутаны, что, очевидно, произошло при расклейке столбца в архиве. Порядок расположения листов боярского списка 7160 г. (кроме перечня бояр) установлен методом поименного сопоставления лиц, внесенных в этот список, с перечнями списков 7158 г. (ед. хр. 1106, столп. 3) и 7161 г. (ед. хр. 1133, столп. 3). Список содержит окончание перечня бояр (27 чел.) (л. 6, 1), перечень окольных (25 чел.) (л. 1, 2), указаны кравчий, казначей, постельничий (л. 2), думные дворяне (5 чел.) (л. 2, 3), печатник, думные дьяки (3 чел.), стряпчий с ключом и московский ловчий (л. 3). Боярский список включает перечни стольников (л. 4, 5, 9, 37, 36, 35, 7, 8, 11, 12, 32-34, 31, 30, 29, 27, 28, 10, 13, 21, 23, 26), вновь пожалованных в стольники (л. 26, 24), стряпчих (л. 25, 22, 19, 20, 17, 18, 15, 16, 14, 38-40, 42, 41, 43-48 [до заголовка «стряпчие ж в рейтарской службе»]), стряпчих в рейтарской службе (л. 48-50), вновь пожалованных в стряпчие (л. 50-52), дворян московских (л. 53, 55, 54, 56, 60, 57, 58, 61, 59, 62-95, 97, 96, 98-117), вновь пожалованных в дворяне московские (л. 117, 118), иноземцев (л. 119-123), вновь пожалованных в иноземцы (л. 123 об.), отставных дворян московских (л. 123-126), дворян московских, отставленных в 7159 (1650/51) г. (л. 126), дворян московских, отставленных в 7160 (1651/52) г. (л. 126 об., 127 об., 128 об.), дьяков «на Моск<в>е в приказах» (л. 127-131), дьяков «в городех» (л. 131, 133, 132, 134), дьяков «не у дел» (л. 134-135), дьяков «ж были в городех и из городов

переменены, а к Москве не бывал<и>» (л. 135), вновь пожалованных в дьяки (л. 135).

Боярский список 7160 г. функционировал в приказном делопроизводстве по крайней мере до 27 августа 1652 г.

3. *Боярский список 7161 (1653) г., «половинный»* (ед. хр. 233) написан на 147 листах, по современной нумерации с л. 240 по 385; литерный – I (по «Описанию документов и бумаг...» (с. 109) в списке были л. 240-385, источник назван «списком боярским 161 г. (без начала и конца)»). Л. I не является частью боярского списка 7161 г. – это архивный лист XIX в. с легендой столбца. Текст написан скорописью XVII в., двумя почерками, разборчиво. Чернила – коричневые и темно-коричневые (на л. 330-332 – почти черные). Пагинация – по верхнему левому краю листов (иногда – вверху листа по центру): 1) коричневыми чернилами с л. 1 по 104 (по современной пагинации – л. 240-351; зачеркнута черными чернилами); 2) черными чернилами (на всех листах, с л. 240 по 385). Сохранность листов удовлетворительная. В местах разрывов листы подклеены с оборота плотной белой бумагой. С оборотной стороны л. 352 черными чернилами почерком XIX в. сделана надпись: «Общий № 233. Частный 2». Водяные знаки по обрезу: 1) голова шута с 5-зубцовым воротником; близкий см.: Дианова – 1996, № 10 (1650, 1651 гг.); 2) голова шута с 5-зубцовым воротником; близкие см.: Дианова – 1996, №№ 115 (1652-1653 гг.), 116 (1652, 1652-1653, 1653 гг.); 3) крест лотарингский; близкий см.: Дианова и Костюхина – 1980, № 598 (1652 г.); 4) крест лотарингский; близкий см.: Дианова и Костюхина – 1980, № 597 (1652 г.).

В боярском списке не сохранились заголовки (с датой и типом списка), подзаголовки и начало перечня бояр «налицо» (утрачены имена 12 бояр). Листы в списке перепутаны, что, очевидно, произошло при расклейке столбца в архиве. Порядок расположения листов исследуемого боярского списка (кроме перечня бояр) установлен методом поименного сопоставления лиц, внесенных в этот список, с «подлинным» списком 7161 г. (ед. хр. 1133, столп. 3). Список содержит окончание перечня бояр «налицо» (13 чел.) (л. 241), перечни бояр «на службах»

(8 чел.) (л. 240), окольных «налицо» (16 чел.) (л. 242), окольных «на службах» (6 чел.) (л. 242-243), указаны кравчий, казначей, постельничий, думные дворяне (5 чел.), думные дьяки (2 чел.) (л. 243), стряпчий с ключом (л. 243-244) и московский ловчий (л. 244). Список включает перечни стольников «в естех» (л. 245-252, 254, 253, 255, 257, 256, 258-262, 265, 264, 263, 266, 269, 267), стольников «больных» (л. 267), стольников «в нетех» (л. 267), стольников «в городех в воеводах, и в отсылке, и в отпуске» (л. 270-271, 268, 272-274), стольников в рейтарской службе (л. 275), стряпчих (л. 277, 276, 278-290, 294), стряпчих «больных» (л. 294), стряпчих «в нетех» (л. 293), стряпчих «в городех в воеводах, и на приказах, и в отсылке, и в отпуску» (л. 292, 308), стряпчих в рейтарской службе (л. 308, 307, 306), дворян московских (л. 305, 304, 303, 302, 301, 300, 299, 298, 291, 297, 296, 295, 309-347), дворян московских «из больных» (л. 348), дворян московских «из нетчиков» (л. 348), дворян московских, «за которых для старости и увечья велено служить детям их и племянником» (л. 349-351), дворян московских, которые «из больных в чети росписаны, а у государева смотру не были» (л. 351, 353-354), дворян московских «больных, у государева смотру не были» (л. 354-357, 357 об.), дворян московских – «нетчиков» (л. 357, 358), дворян московских в рейтарском строе (л. 359-361), дворян московских «в головах стрелецких» (л. 361), дворян московских «в Ыноземском приказе в полковниках» (л. 361), дворян московских «в городех в воеводах, и у всяких государевых дел, и в отсылке, и в отпуску» (л. 362-370), дворян московских «на неметцком рубеже на межеванье» (л. 370), отставных дворян московских (л. 371-376), иноземцев (л. 377-381), дьяков в приказах (л. 382-384), дьяков «не у дел» (л. 384-385), дьяков в отсылке (л. 385, 352).

Боярский список перечисляет всех членов Государева двора, но, в отличие от «подлинных» списков, чиновные перечни бояр, окольных, стольников, стряпчих и дворян московских разделены в нем на «половины» – «московскую» и «служебно-отпускную» (перечень дьяков делился на «половины» и в «подлинных» списках этого времени). «Московская», в свою

очередь, включает перечни «естей», «больных» и «нетей». Безусловно, такое членение «московских» «половин» чиновных перечней обусловлено прежде всего результатами «государева смотра» служилых людей, проведенного в 7161 г., до составления списка (в перечни дворян московских «из больных» и «из нетчиков» (л. 348) записаны, в отличие от перечней дворян, которые «из больных в чети росписаны, а у государева смотру не были», и дворян – «нетчиков», те служилые люди, что были «у государева смотра») (ср.: в июльском «наличном» списке 7172/1664 г. (ед. хр. 357, столп. 2) чиновные перечни стольников, стряпчих и дворян также состоят из трех частей – «естей», «больных» и «нетей», причем ясно, что деление основано на результатах смотра, состоявшегося 31 марта 7172/1664 г.). «Служебно-отпускная» «половина», помимо перечней служилых людей, находящихся «в городех в воеводах, и у всяких государевых дел, и в отсылке, и в отпуску», включает перечни рейтаров (последние были и в «подлинных» списках), а у дворян – также голов стрелецких, полковников и лиц, посланных на размежевание границ. Указанное деление чиновных перечней свидетельствует о том, что исследуемый боярский список является «половинным».

«Половинный» боярский список был составлен в июне 7161/1653 г., но не ранее 15 июня. Список функционировал в разрядном делопроизводстве и в июле 7161/1653 г.

4. **Боярский список 7172 (1663) г., «подлинный»** (Ед. хр. 355. Столп. 3) написан на 110 листах, по современной нумерации с л. 1 по 109; литерный – 15а (по «Описанию документов и бумаг...» (с. 189) в списке было 109 листов, название – «список боярский»). Текст написан скорописью XVII в., несколькими почерками, разборчиво. Сохранность листов удовлетворительная. Водяные знаки по обрезу: 1) голова шута с 7-зубцовым воротником; подобные см.: Дианова – 1996, № 311 (1660, 1662 гг.), 314 (1663, 1664 гг.), 315 (1664, 1665 гг.), 317 (1664, 1665 гг.); 2) голова шута с 7-зубцовым воротником; подобный см.: Дианова – 1996, № 587 (1664, 1665, 1666 гг.); 3) голова шута с 7-зубцовым воротником; подобные см.: Дианова – 1996, № 387 (1663 г.), 388 (1663 г.); 4) голова шута с 7-зубцовым воротником; подобный см.: Дианова – 1996, № 578

(1661 г.); 5) голова шута с 7-зубцовым воротником; подобный см.: Дианова – 1996, № 410 (1665 г.).

В боярском списке утрачены заголовок (с датой и типом списка) и окончание перечня бояр. Листы в списке в перечнях думных и дворцовых чинов и стольников перепутаны, что, очевидно, произошло при расклейке столбца в архиве. Порядок расположения этих листов установлен методом поименного сопоставления лиц указанных чиновных групп данного списка со списками 7171 г. (ед. хр. 1102, столп. 3) (для думных и дворцовых чинов) и 7172 г. (ед. хр. 356, столп. 2) (для стольников). Боярский список содержит первую половину перечня бояр (13 чел.) (л. 4, 2)¹⁹, перечень окольничих (29 чел.) (л. 5, 9, 7), указаны кравчий, казначей и постельничий (л. 7), думные дворяне (10 чел.) (л. 7-8), думные дьяки (3 чел.), стряпчий с ключом, московский ловчий и подзаголовок «Яселничей» (без имени) (л. 8). В списке перечислены стольники (л. 1, 18, 16, 17, 11, 12, 14, 15, 6, 10, 13, 35, 15a²⁰, 19, 20, 22, 21, 23-26, 29, 27, 28, 36, 31, 32, 30, 33, 34, 37), стряпчие (л. 38-63), дворяне московские (л. 64-107), иноземцы (л. 108-109).

Боярский список является «подлинным», так как в нем зафиксирован состав двора целиком, причем без разделения на «половины».

Особенностью исследуемого «подлинного» списка является отсутствие в нем перечней вновь пожалованных в чины стольников, стряпчих и дворян московских. Это можно объяснить назначением боярского списка и временем его функционирования в приказном делопроизводстве. По всей видимости, боярский список был предназначен для учета всех дворовых людей на 1 сентября 7172/1663 г. с целью отправления их на полковую службу. Об этом свидетельствуют пометы «на службу», сделанные при именах значительной части стольников, стряпчих и дворян московских (всего в боярском списке сделано 730 помет «на службу»)²¹. Однако список функционировал в делопроизводстве не целый год, а лишь несколько месяцев. После этого потребовалось составление нового боярского списка, который учитывал бы факт нахождения дворовых людей на службе. Таким списком стал «подлинный» боярский список

7172 (1663/64) г. (ед. хр. 356, столп. 2). В этом, новом, списке подавляющее большинство стольников, стряпчих и дворян московских, отправленных ранее «на службу», отмечено уже как находящееся «на службе». К тому же этот список, функционировавший в делопроизводстве практически до конца 7172 (1663/64) г., содержит и перечни лиц, вновь пожалованных в московские чины двора.

Исследуемый боярский список 7172/1663 г. был составлен, видимо, на основании «подлинного» списка 7171 г. по состоянию на 24 августа 7171/1663 г. (можно также допустить, что боярский список 7172/1663 г. был составлен между 24 августа 7171 и серединой сентября 7172 г.). Период функционирования исследуемого боярского списка можно определить приблизительно. Боярский список ед. хр. 355, столп. 3 не мог прекратить функционирование в приказном делопроизводстве ранее 30 октября и позднее 25 декабря 7172/1663 г.

5. Боярский список 7176 (1667) г., «наличный» «именной» (ед. хр. 253) написан на 262 листах, по современной нумерации с л. 1 по 261; литерный – 2а (по «Описанию документов и бумаг...» (с. 114) был 261 лист, но в этом «Описании...» источник назван «списком боярским именованным, с указанием вооружения и количества крестьянских дворов (без начала)» 7162 (1653-54) г. [объяснение ошибочности этой датировки см. ниже]). Текст написан скорописью XVII в., несколькими почерками, разборчиво. Сохранность листов хорошая.

В списке не сохранились заголовок (с датой и типом списка), начало перечня стольников (утрачены подзаголовок «Стольники» и имена не более 54 чел.). Очевидно, в списке никогда не было перечней думных и дворцовых чинов, комнатных стольников и дьяков, что можно объяснить, установив цель его создания (об этом ниже). Листы в списке в перечне стольников перепутаны. Порядок расположения этих листов установлен на основании сопоставления перечня стольников исследуемого списка с перечнем стольников «подлинного» списка 7175 г. (ед. хр. 1152). Список содержит большую часть перечня стольников (л. 1, 8, 2 [далее лагуна: утрачены имена

5 лиц], 2а, 5, 3-4, 6-7, 9-54), перечни стряпчих (л. 55-154), дворян московских (л. 155-256), иноземцев (л. 256-261).

Боярский список «именной» (термин «именной» мы, вслед за составителями «Описания документов и бумаг...», употребляем для отличия этого списка ото всех других) имеет одну очень важную особенность, отмеченную еще в этом «Описании...», – при именах служилых людей приводятся сведения об их готовности к полковой службе и количестве крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах. Чиновные перечни списка были составлены в начале 7176 г., очевидно, на основании не известного нам «подлинного» списка 7175/1667 г., в основу которого был положен «подлинный» список 7175 (1666/67) г. (ед. хр. 1152). Об этом свидетельствует сопоставление исследуемого списка с «подлинными» списками 7175 г. (ед. хр. 1152) и 7176/1667 г. (Ед. хр. 386. Столп. 4). Ошибка, допущенная составителями «Описания документов и бумаг...» при датировании списка (указан 7162 (1653/54) г.), легко объяснима. Датируя список 7162-м годом, составители «Описания...» руководствовались показаниями многочисленных помет, сделанных на левом поле источника, согласно которым в него вносились сведения «из сказок 162-го году». Общий же анализ текста при этом проведен не был.

Для обоснования предложенной нами датировки сопоставим перечни стольников и вновь пожалованных в стряпчие «подлинного» списка 7175 г. (ед. хр. 1152), с одной стороны, с перечнями стольников и стряпчих «именного» списка и перечнями стольников, вновь пожалованных в стольники, стряпчих, вновь пожалованных в стряпчие «подлинного» списка 7176 г. (Ед. хр. 386. Столп. 4), с другой. Так, перечень стольников «подлинного» списка 7175 г. заканчивается (л. 28) Ф.Д.Воейковым, И.А.Дашковым, И.А.Огибаловым и И.Т.Племянниковым (перечня вновь пожалованных в стольники в этом списке нет). В то же время в основном тексте перечня стольников «именного» списка после них записаны еще 19 человек (л. 50-54). Согласно перечню вновь пожалованных в стольники «подлинного» списка 7176 г. (л. 22-23), 15 из них были пожалованы в стольники 1-9 сентября 7176/1667 г. Однако четверо –

кн. Б.А.Солнцев-Засекин, В.А.[Ордин-]Нащокин, А.П.Елизаров и кн. И.А.Львов – записаны в основном тексте перечня стольников списка 7176/1667 г. до перечня вновь пожалованных в стольники в 7176 г. (л. 21). Если предположить, что они были пожалованы в стольники между мартом 7175-го г. и 1 сентября 7176 г. (а это отчасти подтверждается тем, что в «подлинном» списке 7175 г. при имени стряпчего кн. Б.А.Солнцева-Засекина (л. 53) сделана помета «175-го столник»), то следует сделать вывод о существовании еще одного «подлинного» списка 7175 г., включавшего в свой состав перечень вновь пожалованных в стольники, на основании которого и были написаны основные тексты двух списков – «именного» и «подлинного» 7176/1667 г.

В перечень вновь пожалованных в стряпчие «подлинного» списка 7175 г. (л. 54) включены И.П.Боборькин, Ф.Н.Ренов, Д.Н.Левашов, Г.Ю.Юрьев, И.Ф.Чекаев, В.Т.Кашкин и Р.И.Хвостов. В то же время в основном тексте перечня стряпчих «именного» списка между Д.Н.Левашовым и Г.Ю.Юрьевым записаны 3 человека (л. 149-150), между Г.Ю.Юрьевым и И.Ф.Чекаевым – еще один (л. 150), между И.Ф.Чекаевым и В.Т.Кашкиным – тоже один (л. 151), а после Р.И.Хвостова – 15 человек (л. 151-154). Согласно перечням вновь пожалованных в стряпчие «подлинных» списков 7176 г. (Ед. хр. 386. Столп. 4. Л. 49-50; Ф. 210. Оп. 2. № 1. Л. 61-62), 11 из них пожалованы в стряпчие 1-10 сентября 7176/1667 г. Однако остальные 9 человек записаны в основном тексте перечня стряпчих списка 7176/1667 г. до перечня вновь пожалованных в стряпчие в 7176 г. (л. 48-49).

Таким образом, учитывая указанные наблюдения, можно сделать вывод о том, что в основном тексте «именного» списка отразился состав двора по первую декаду сентября 7176/1667 г. включительно (октябрьские пожалования в стряпчие в нем не учтены; *ср.*: Ед. хр. 386. Столп. 4. Л. 50-51).

Кроме того, сопоставительный анализ основных текстов «подлинного» списка 7175 г. (для уточнения нами привлекался также «подлинный» список 7176/1667 г.) и «именного» списка показал, что в последний не были записаны лица, при именах

которых в «подлинном» списке 7175 г. сделаны пометы о смерти, о службе в головах и полуголовах у стрельцов, в полковниках и полуполковниках рейтарского строя, о пребывании вне Москвы (в городских воеводах, в отсылке, «у дела», в дворцовом селе, «в отпуску з дядею», в посольстве и т. д.), часто – о службе «за государынею», а также пожалованные в другие чины. Следовательно, «именной» список является «наличным» боярским списком сентября 7176/1667 г., правда, как указывалось выше, имеющим очень важную особенность – при именах служилых людей приводятся сведения об их готовности к полковой службе и количестве крестьянских и бобыльских дворов в поместьях и вотчинах (в отдельных случаях – о денежном жаловании).

Представляется, что основной текст «именного» списка был написан в два приема. Сначала составили чиновные перечни стольников, стряпчих, дворян московских и иноземцев, причем между строками – именами служилых людей оставлялось свободное место, как в боярских книгах. Затем на свободном месте приписывался текст, содержащий данные о готовности к полковой службе и числе дворов (сведения о готовности к службе и количестве дворов приписаны не при всех именах, включенных в список). О поэтапной работе над составлением списка свидетельствует следующее наблюдение. Так, при имени дворянина московского К.И.Бирдюкина-Зайцова (л. 172) был приписан такой текст: «На коне, да лошадь проста, з боем 3 ч., в помесье и в вотчине крестьянских и бобыльских 28 дворов, з боем 2 ч., в помесье и в вотчине крестьянских и бобыльских 38 д[воров], да с тово ж служит сын ево князь Данило из житья». Но затем оказалось, что часть приписанного текста от слов «з боем 2 ч. ...» до «...князь Данило из житья» относится не к К.И.Бирдюкину-Зайцову, а к следующему в перечне за ним кн. В.Д.Ухтомскому, и поэтому указанная часть текста при имени первого была зачеркнута и сразу же приписана при имени князя.

Остановимся на основных результатах исследования. Нами проведен палеографический и текстологический анализ пяти боярских списков второй половины 40-х – 60-х гг. XVII в., свидетельствующий о том, что боярские списки составляют единый делопроизводственный комплекс. Этот вывод является принципиальным при решении вопроса о полноте использования боярских списков в исторических исследованиях. Выделены и охарактеризованы три типа списков 1648-1667 гг.: «подлинные», «наличные» и «половинные» списки, причем тип «половинных» списков выявлен нами впервые. Установлены типы исследованных боярских списков. Все изученные списки были нами датированы, определен период функционирования каждого списка в делопроизводстве Разрядного приказа. Кроме того, установлена правильная пагинация и выявлены лакуны в дошедших до нас текстах ряда боярских списков. Анализ боярских списков позволяет сделать вывод о больших возможностях, которые предоставляет их привлечение для конкретно-исторических исследований процесса формирования абсолютизма в России, изучения функционирования аппарата государственной власти, служебной деятельности членов Государева двора, генеалогических исследований.

¹ Буганов В.И. От редактора // Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г.: Указатель состава Государева двора по фонду Разрядного приказа: В 2 ч. / Сост., подгот. текста и вступ. ст. С.П.Мордовиной, А.Л.Станиславского; Отв. ред. В.И.Буганов. М., 1979. Ч. I. С. 3.

² См., напр., в тексте Описи документов Разрядного приказа 1649-1652 гг.: «В свяске списки боярские старые...» (Описи Архива Разрядного приказа XVII в.) / Подгот. текста и вступ. ст. К.В.Петрова. СПб., 2001. С. 79. – *Прим. М.Б.*

³ Станиславский А.Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // *Актовое источниковедение*. М., 1979. С. 125.

⁴ Боярские списки книжной формы 1667-1713 гг. в настоящее время хранятся в Российском государственном архиве древних актов в фонде Разрядного приказа (Ф. 210. Оп. 2 (Боярские списки) – всего 60 ед. хр.).

- ⁵ *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 126-127, 137-139.
- ⁶ Там же. С. 145-146.
- ⁷ Возможно, им является не изученный нами боярский список 7161 г. (Ед. хр. 234. Л. 458-579). – См.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1899. Кн. 11. С. 109.
- ⁸ Этот список не является тем, что был прислан в Разряд 8 февраля 1653 г., поскольку кн. А.О.Касаткин-Ростовский в него не записан. Последнему есть простое объяснение: из анализа содержания «половинного» списка следует, что составлен он был не ранее середины июня 7161 г., а, видимо, к этому времени князь, согласно «подлинному» списку 7161 г. (Ед. хр. 1133. Столп. 3. Л. 101), «умре».
- ⁹ При описании водяных знаков мы пользовались следующими условными сокращениями: 1) Дианова – 1996. – *Дианова Т.В.* Филигранные XVII-XVIII вв. «Голова шута». М., 1996; 2) Дианова и Костюхина – 1980. – Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т.В.Дианова, Л.М.Костюхина. М., 1980.
- ¹⁰ Как отмечает А.Л.Станиславский, и «известные боярские списки XVI – первой трети XVII в. не имеют дьяческих заверений... что связано, вероятно, с их характером “внутренних” документов Разрядного приказа» (*Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 127). Лишь один боярский список столбцовой формы имеет скрепу дьяка – это «наличный» список июля 7156/1648 г. (Ед. хр. 216. Л. 1-114).
- ¹¹ А.П.Павлов, исследовавший боярские списки 7139-7158 гг., указывает, что «из всех известных нам “подлинных” боярских списков 30-40-х гг. полностью сохранился и имеет заглавие <...> только один список – 7152 (1643/44) г. Все прочие списки данной разновидности дошли без начала» (*Павлов А.П.* Боярские списки 30-40-х гг. XVII в. // *Россия XV – XVIII столетий: Сб. науч. ст. Юбилейное издание.* Волгоград; СПб., 2001. С. 138).
- ¹² Схема описания водяных знаков дана в соответствии с рекомендациями С.М.Каштанова (см.: *Каштанов С.М.* Актовая археография. М., 1998. С. 126, 206-207).
- ¹³ Утрачены имена не менее 8 бояр (установлено по «наличному» списку января 7156 г. (Ед. хр. 1103. Столп. 4. Л. 27)).
- ¹⁴ Ср.: аналогичный подзаголовок – в «наличном» списке января 7156/1648 г. (Ед. хр. 1103. Столп. 4. Л. 31).
- ¹⁵ См. об этом: *Новохатко О.В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII в. М., 2001. С. 189-192.

- ¹⁶ Дворцовые Разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением с. е. и. в. канцелярии. СПб., 1852. Т. III (С 1645 по 1676 г.). Стб. 40, 64, 127, 179.
- ¹⁷ Там же. Стб. 127, 179.
- ¹⁸ Описи Архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. ст. К.В.Петрова. СПб., 2001. С. 87-91.
- ¹⁹ Перечень на л. 3 по содержанию близок к перечню на л. 4, но не является частью боярского списка ед. хр. 355, столп. 3.
- ²⁰ Окончание л. 15а оторвано, и утрачены имена двух стольников.
- ²¹ «На службу» не отправлялись городовые воеводы, «комнатные» и «походные» стольники, «походные» стряпчие, стрелецкие головы, лица, находившиеся в посольствах, «отсылках», «у дела», а также те, при именах которых были сделаны пометы «Конотопского» («Конотоп»), «Гансев», «Сапе» («Сапегина», «Сапегина бою»), «Быхов» («под Быховым»), «в Севску» («в Севску 2-ж»), «Новгородского» («Новгород»), «в Белгородском». Три последние пометы означают службу в Севском, Новгородском и Белгородском полках соответственно. Помета «Конотопского» означает, что служилый человек являлся участником Конотопского боя 28 июня 1677/1659 г. между русской армией, с одной стороны, и казаками гетмана И.А.Выговского и войском крымского хана Мухаммед-Гирея IV, с другой. Помета «Гансев» означает участие служилого человека в битве под Вильно в 1659 г., в которой русские войска разбили польское войско под командованием гетмана Викентия Гансевского, а сам Гансевский попал в русский плен (см. пометы при именах дворян московских Ф.М.Поздеева и Е.С.Сытина в боярских списках 7167, 7168-7169, 7169 и 7169-7170 гг. – «у Гансевского», «у Гансевского в приставех» [Ед. хр. 1069. Столп. 2. Л. 42; Ед. хр. 202, Столп. 2. Л. 60, 65; Ед. хр. 1140. Столп. 2. Л. 66, 71; Ед. хр. 338. Столп. 5. Л. 65, 69]). Помета «Сапе» означает участие служилого человека в битве между русским и польским войсками под Могилевом в октябре 1660 г. (польским войском командовал гетман великий Литовский Павел-Ян Сапега). Помета «Быхов» означает, что служилый человек являлся участником Быховского боя 4 декабря 1668/1659 г., в ходе которого русские войска взяли г. Старый Быхов (История внешней политики России. Конец XV – XVII век. М., 1999. С. 318-319; *Новохатко О.В.* Указ. соч. С. 135, 144; Россия при царевне Софье и Петре I / Сост. А.П.Богданов. М., 1990. С. 361, 400). Таким образом, пометы об участии служилых людей в бывших ранее битвах делались в «подлинном» списке 7172/1663 г. для того, чтобы исключить отправление этих служилых людей на полковую службу и послать на нее лиц, не участвовавших в сражениях более 4 лет.

ФОРМЫ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ КАЗЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МАНУФАКТУР В XVIII-XIX вв.

Среди различных видов источников, используемых современной исторической наукой, особое место занимают материалы административного и хозяйственного учета, позволяющие более полно изучать социально-экономическую историю России. Учетную документацию можно рассматривать как важнейшую составляющую исторически сложившегося комплекса делопроизводственных документов. Такие источники представляют собой документы ведомственного и непосредственного учета ремесленного и мануфактурного производства, прежде всего, документы итогового характера – приходно-расходные книги, счета, описи, ведомости, отчеты. Финансовая отчетность в форме бухгалтерских счетов – источник наиболее информативный и ценный в процессе изучения хозяйственной деятельности художественных мануфактур. Счета показывали их имущественное и финансовое состояние, позволяли проанализировать размер и структуру затрат на производство и рассмотреть непосредственные результаты деятельности предприятия, свидетельствующие об ее характере и особенностях.

Бухгалтерские счета, несмотря на свою содержательность, все еще редко используются историками, что обусловлено спецификой их анализа, требующего знания особенностей ведения финансового учета в России XVIII-XIX веков. Целью нашей работы является попытка показать эволюцию основных форм финансовой отчетности в исследуемый период, проанализировать ее содержание и оценить возможности использования данных для изучения характера деятельности художественных мануфактур. Изучение финансовой отчетности на примере художественного производства, находившегося в сфере пристального внимания русских императоров, обусловило хроно-

логические рамки работы – XVIII и XIX века – период, когда возник и развивался феномен художественной мануфактуры.

Основой хозяйственного делопроизводства в это время являлась финансовая отчетность, которая и стала объектом нашего исследования. Финансовая отчетность – это совокупность форм отчетности, составленных на основе данных бухгалтерского учета, позволяющих оценить имущественное состояние предприятия, его финансовую устойчивость и платежеспособность. Непосредственным же предметом изучения стали важнейшие формы финансовой отчетности, прежде всего бухгалтерские счета. Ведение бухгалтерской отчетности с технической стороны требовало наличия специалистов, с юридической стороны – для владельца являлось привилегированным доказательством его прав и законности деятельности. Для государства – это еще одно средство допустимого контроля над работой торгово-промышленного заведения.

Систему делопроизводства впервые определил Генеральный регламент 1720 года, порядок прохождения отчетности и ее форму утвердили регламенты Берг- и Мануфактур-коллегий. Этими законами устанавливалось, какие бухгалтерские документы и книги вести обязательно. Законы еще не говорили о какой-либо определенной форме ведения их, но в отношении каждой давалось указание относительно способа ведения. Система всех записей должна была в любой сфере деятельности предприятия показать характер и результат влияния на определенное лицо, предмет или имущество. С этой целью все действия подразделялись на столько групп, сколько существовало влияний или сделок. Свод всех записей, относящихся к действиям, которые производят одно влияние, назывался счетом, а систематизация этих записей по лицам и предметам – открытием счетов.

Счет строили на противопоставлении доходов-затрат, получения-выдачи, расхода-прихода и так далее. Отдельные записи с развитием бухгалтерской отчетности дополнялись сводной или систематической записью, заключавшейся в группировке отдельных счетов. На их основе составлялась главная книга, представлявшая те же записи, но соединенные в группы по

взаимосвязи. Самая простая запись – приходно-расходная, которая чаще всего встречалась на художественных предприятиях.

В последней трети XVIII века стала повсеместно использоваться двойная или итальянская система, открывающая счета по всем оборотам предприятия, как-то счет собственного капитала и имущества недвижимого и движимого, счет товаров, счет материалов и другие. В дальнейшем на протяжении XIX столетия неоднократно принимались законы, устанавливавшие формуляр документов мануфактурного и фабрично-заводского делопроизводства и отчетности, порядок их прохождения по инстанциям, организацию делопроизводства в целом. Причем на основании общих принципов, закрепленных в этих законах, разрабатывались подзаконные акты непосредственно для конкретных предприятий. В архивах много дел о форме отчетности денежной и материальной и о порядке составления ведомостей о деятельности предприятий, о предоставлении ведомостей вышестоящим инстанциям. Вырабатывались эти документы в основном для придворных художественных мануфактур. Что касается частных предприятий, то для них действовали общие принципы, что нередко приводило к произвольному ведению документации. В течение XIX века происходила унификация форм ведения финансовой бухгалтерской отчетности, которая уже в середине столетия состояла из системы взаимосвязанных приходно-расходных счетов, соответствующих современному понятию бухгалтерского баланса. Окончательно и порядок его ведения, и сам термин были закреплены статьей 678 Устава торгового 1903 года, которая прямо обязывала каждого владельца предприятия считать и поверять себя по книгам ежегодно и выводить баланс.

Рассмотрим эволюцию основных форм финансовой отчетности на конкретных примерах. Одним из первых художественных предприятий стала шпалерная мануфактура, отчетность которой за время существования развивалась от простых форм к сложным. В начальный период ее деятельности строгих форм отчетности еще не существовало. Ежегодно из Кабинета направлялся документ об ассигновании соляных сумм на со-

держание шпалерной мануфактуры. В произвольной форме фиксировалось поступление денег со ссылкой на соответствующий указ, затем указывались расходы на жалование, на материалы с подробной росписью, какие именно материалы приобретены и каким весом в фунтах и золотниках. С середины 20-х годов XVIII века велись книги для записи прихода материалов, где указывался год, месяц и число и делалась запись, какой материал и кому выдан. Типичная запись выглядела в такой форме¹:

Год 1725		
Месяц число	№	Принято в магазин красильного мастера Христофора Михалса крашенного шелку и гарусов разных колеров, а имянно шелку шестьдесят три фунта с половиной двадцать золотников гарусу семьдесят пять фунтов
Июнь 25		

Учет затраченных материалов велся строгий, по каждой шпалере делалась подробная роспись, какие именно материалы и в каком количестве израсходованы. Это объясняется как высокой стоимостью сырья, так и его редкостью, часть материалов даже выписывалась из-за границы.

В 1729 году контора мануфактурных дел направляет указ шпалерной мануфактуре о приходе и расходе денежных сумм, по которому их приход теперь оформлялся таким образом: объяснительная часть и распорядительная часть. Первая обязательно начиналась со ссылки «По указу Его Императорского Величества по определению Правительствующего Сената», далее фиксировалось, кому адресован документ – «конторе Мануфактурных дел», и на основании чего: «по доношению шпалерной мануфактуры мастера». Распорядительная часть документа регламентировала, какие суммы и за что выдать². Если речь шла о выдаче жалования, то составлялся реестр с указанием фамилий и сумм заработной платы.

16 ноября 1730 года комиссар шпалерной мануфактуры отправил донесение в Мануфактур-контору: «Надлежит к пребу-

дущему 1731 году сделать на шпалерную мануфактуру приходных и расходных денег и материалу пять книг. В том числе приходная и расходная денег в коже. Приходная и расходная материалам и записная указом»³. Подобные книги стали основной формой бухгалтерской отчетности во второй трети XVIII века.

Правительство мелочно регламентировало деятельность художественных предприятий, особенно придворных, стремились наладить жесткий контроль над использованием материалов и расходом денег. Это приводило к унификации делопроизводства, введению строгих единых форм ведения учета сырья и других материалов, прихода и расхода денежных средств, учета готовой продукции.

В июне 1730 года Придворная контора дала комиссару шпалерной мануфактуры М.Изедину инструкцию об учете денежной казны: «И о содержание оной принимаемая сумма денежной казны и материалы... а каким образом при той мануфактуре ему Изедину поступать и приход и расход денежной казны и материалов содержать»⁴. Инструкция определяла порядок получения и расходования средств следующим образом. Любое движение финансов, исключая мелкие расходы, осуществлялось по указам Придворной конторы. На мелкие расходы выделялось ежемесячно 20 рублей, которые можно было потратить без указа, записывая в расход с указанием, на что именно потрачены деньги. Средства на необходимые материалы и инструменты выдавались по именным требованиям мастеров и записывались в расход с росписями, причем комиссару предписывалось строго следить за тем, чтобы эти материалы расходовались по назначению. «А особливо надлежит иметь всегда точное известие каторая картина или шпалера со всеми расходы в деле обойтись может, чего ради материалы на которую чего порознь употреблено будет записывать»⁵. За воровство грозили штраф и «истязание».

Все мастера должны были подавать в Придворную контору личные рапорты о приходе и расходе денежной казны, издержках материалов и инструментов по форме показанной в регламенте Адмиралтейства. В конце года все приходные и расход-

ные книги и указы передавались в Придворную контору для проверки и хранения.

Рапорты Андрея Петровича Шувалова Придворному ведомству о работе вверенной ему шпалерной мануфактуры за 1780-1790-е годы содержат месячные ведомости «об успехах в работах, о денежных и материальных издержках», в которых приходно-расходные операции расписываются более подробно и дают информацию для оценки имущественного и финансового состояния предприятия. Бухгалтерская отчетность состояла теперь из ряда взаимосвязанных и взаимодополняющих ведомостей. Обобщающей для них являлась «ведомость об успехах в работах, о денежных и материальных издержках», составляемая ежемесячно. Фактически она представляла собой отчет по итогам финансовой и производственной деятельности за месяц, так как обязательно включала в себя, во-первых, количество сделанных шпалер (указывалась площадь сделанных гобеленов), во-вторых, приход и расход денежных средств, в-третьих, материальные издержки. Рассмотрим содержание отчета подробнее.

Готовые шпалеры показывалась без цены в квадратных аршинах и вершках в зависимости от техники изготовления готлиссовые, баслиссовые и «савонери» отдельно. В мае 1783 года было сделано в готлиссовом классе на 14 станах 9 кв. аршин и 4,5 вершка шпалер; в баслиссовом классе на 8 станах – 6 кв. аршин и 2 вершка, а в технике «савонери» на 7 станах картин и ковров шириною 24 аршина 2 вершка произведено работ на каждом аршине $\frac{3}{4}$ вершка⁶. Общая стоимость изделий указывалась в специальной ведомости «О состоящем на Императорской шпалерной мануфактуре долгу и о наличном Ея капитале», которая включала общую стоимость готовых и неоконченных изделий, понимаемую как оборотный капитал. По каждой шпалере составлялся счет, сколько какого материала использовано и по какой цене. Это делалось не только с целью учета материалов, но и потому что правительство интересовало, во сколько обходится производство шпалер, то есть их себестоимость. Таким образом, в 80-90-е годы XVIII века продажная цена одной шпалеры по-прежнему не определялась, но

рассчитывались общие затраты на производство гобеленов. Это было связано с тем, что единственным заказчиком выступал Императорский Двор, который не покупал шпалеры у придворного предприятия, а покрывал расходы на его содержание. В этом заключался смысл экономических отношений между Двором и придворными мануфактурами. Бухгалтерская отчетность, следовательно, должна была в первую очередь показывать и обосновывать расходы предприятия.

Денежные издержки подсчитывались в целом за месяц с учетом кассовых остатков на начало месяца и всех текущих поступлений и расходов. Отдельные ведомости расписывали приход и расход жалования, медикаментных сумм, которые удерживались из жалования по 1 копейке с каждого рубля, экономических издержек, в которых учитывались и амортизация, и обновление основного капитала, и наем жилья для жителей, и покупка дров, свечей, и приход и расход материалов. Последняя ведомость фиксировала расход золота пряденого шелка, гаруса, красок в фунтах и золотниках и общий остаток материалов на 1 число месяца, следующего за отчетным. Отчетными периодами в XVIII веке считались месяц, треть года, полгода, год. По третям года составлялись «Генеральные ведомости о приходе и расходе денежной казны», обобщавшие и суммировавшие данные месячных ведомостей.

Итак, основное содержание финансовой отчетности придворного предприятия, производившего художественные предметы, это – оценка денежного выражения и структуры затрат. Это было необходимо для определения размера суммы, отпускаемой правительством на содержание мануфактуры. Основная цель самого царского правительства – найти источники средств и проконтролировать, как они расходуются. То есть изначально даже не предполагалось, что шпалерная мануфактура и подобные ей предприятия должны приносить прибыль, они создавались для обслуживания потребностей единственного заказчика – Императорского Двора.

Финансовая и хозяйственная отчетность была обязательной и для частных фабрик, хотя в XVIII веке она выглядела гораздо проще, чем отчетность казенных предприятий. Частные фабрики

ки должны были вести ежемесячные, третные (по третям года) и годовые ведомости о произведенной продукции, расходах денежных средств и материалов. Бухгалтерские балансы составлялись больше для внутреннего пользования, хотя годовой бухгалтерский отчет являлся обязательной формой документации и проверялся уполномоченными на это государственными органами.

С 20-х годов XIX века структура финансовой отчетности изменилась. Например, директор шпалерной мануфактуры ежегодно представлял в ведомство Кабинета Годовой финансовый отчет, который содержал баланс о капиталах мануфактуры и отчет о суммах, состоящих в ведении шпалерного предприятия. Последний включал в себя:

- счет расходов на содержание шпалерной мануфактуры (расходы на жалование, содержание лазарета, экономические издержки и пансионеры);
- счет суммы, поступившей из Кабинета Его Императорского Величества на содержание мануфактуры;
- счет доходов шпалерной мануфактуры (это доходы от сдачи в аренду имущества мануфактуры);
- счет кассы (доходы и расходы за отчетный год);
- счет материалов в ведении Комиссара;
- счет материалов используемых при работах;
- счет красильной мастерской;
- счет ткацким станам и инструментами;
- счет картин и эстампов (с которых делали шпалеры);
- счет строениям;
- счет вещей Главного Смотрителя (дрова, свечи, масло и т.д.);
- счет тканых изделий (готовая и незавершенная продукция);
- счет долгов по разным местам и лицам (здесь же учитывалась и реализованная продукция);
- счет оборотного капитала;
- счет наград за произведенные изделия;
- счет жалования;

- счет пансиона отставным и вдовам;
- счет расходов на содержание лазарета;
- счет расходов на экономические суммы (починка зданий и инструментов, дрова, свечи, масло, содержание учебных рисовальных классов);
- баланс сумм и капиталов, оставшихся на 1 января года, следующего за отчетным.

С 1824 года в годовой отчет включался также счет прибылей от продаж⁷. Отчетность постепенно унифицировалась, баланс показывал в наиболее законченной форме имущественное и финансовое положение художественной мануфактуры, причем исключительно в стоимостном выражении. В активе баланса показывались основные и оборотные капиталы, функционировавшие в предприятии на годовую отчетную дату: станки и оборудование, запасы дров, сырья и других материалов, средства в производстве, то есть затраты на жалование и производство изделий, готовые тканые изделия, денежные остатки в кассе. В пассиве – общая сумма капиталов, функционирующих в предприятии, была повторена, но в ином юридическом разрезе, то есть с точки зрения принадлежности капиталов. Обычно, это – или собственные, или заемные капиталы, но в специфических условиях придворного предприятия, производящего роскошь, это капиталы, оставшиеся в остатке от прошлого года, и капиталы, полученные в качестве ежегодного содержания.

Если основной капитал понимался как здания и сооружения («строения»), станки и другие инструменты, то в оборотный капитал относили и потребляемые запасы сырья в стоимостном выражении, и все денежные затраты, включая пошлины, средства, покрывающие перерасход жалования в случае повышения чина, и многое другое. В итогах движения капиталов не учитывался амортизационный капитал, который включался в счет экономических издержек. Считалось, что он лишь компенсирует износ имущества, учтенного по первоначальной стоимости в основных капиталах. Счет долгов по разным местам и лицам содержал и перечень реализованных изделий по штучным заказам, для которых впервые начинают рассчитывать стоимость готовых изделий, складывавшуюся из прямых расходов на ма-

териал и на жалование, сумм для увеличения материального капитала и премий в пользу трудившихся над заказом.

Экономическая прибыль даже не предполагалась. Эффективность производства оценивалась наличием экономии средств. По каждой статье в балансе показывались «сбереженные» средства, то есть если себестоимость изделий оказывалась ниже ранее предполагаемой, тогда и возникали «прибыли», не имеющие ничего общего с экономической прибылью.

С 1828 года бухгалтерская отчетность мануфактур усложняется⁸. Теперь все счета показываются в общем балансе по обороту капитала. Сначала фиксировался остаток средств на 1 января отчетного года, затем поступления по каждому счету, затем израсходованные суммы и остаток на конец года. Расходы делились на невозвратные и на обороты мануфактуры. Подписывался баланс директором и бухгалтером.

Так, на шпалерной мануфактуре появился генеральный счет об оборотах капитала, показывающий его движение по следующим статьям: жалование, покупка картин и эстампов, содержание лазарета, экономические суммы, пансион, доходы, материальные суммы, долги, материалы и их использование, тканые изделия, станки и инструменты, вещи в ведении смотрителя, списанные вещи, износ строений, картины и эстампы. Новым также стал сравнительный счет капиталам, сравнение велось с предшествующим периодом – если наблюдалось приращение капитала, то деятельность шпалерной мануфактуры оценивалась хорошо.

В дальнейшем финансовые отчеты еще более усложнились, дополнились помесечными отчетами об обороте сумм и материалов, о кассе, о капиталах вообще. Генеральный счет и баланс об оборотах сумм дополнили ведомости о дебиторах и кредиторах по третям года⁹. Общим в содержании отчетности XVIII и первой половины XIX века осталось то, что финансовое положение предприятия оценивалось с точки зрения стоимости и структуры затрат. Не рассчитывалась и не анализировалась себестоимость изделий, не оценивалась рентабельность производства, что означало сохранение прежних отношений между государством и художественной мануфактурой. Фонды

накопления и ассигнования на производство формировались государством, а не за счет прибыли.

Насколько единообразной была бухгалтерская отчетность и, следовательно, формы организации финансовой и хозяйственной деятельности казенных художественных предприятий в XVIII-XIX веках? Ответить на этот вопрос можно, только сопоставив делопроизводственные документы мануфактур, находившихся в ведении Кабинета. Для сравнения со шпалерной мануфактурой рассмотрим Императорский фарфоровый завод. До середины XVIII века его внутренняя организация ничем не регламентировалась, а складывалась стихийно по мере становления предприятия. В 1755 году отчетность была приведена в соответствие с действовавшими на казенных заводах правилами, а спустя два года появилась заводская контора, занимавшаяся делопроизводством. С 1773 года общее руководство Императорским фарфоровым заводом было поручено князю Александру Алексеевичу Вяземскому, который дважды поменял всю систему отчетности. С этого времени в конторе велись общие приходно-расходные книги: денежная, материальная и фарфоровым вещам. Отдельный счет велся суммам, ассигнованным на содержание завода, и тем суммам, которые выручались от продажи изделий завода.

С 1784 года делопроизводство на фарфоровом заводе максимально усложнилось, каждый мастер по каждому отделению завода стал вести приходно-расходные книги. Вяземский добился и того, что финансирование стало осуществляться из доходов Берг-коллегии¹⁰. Порядок делопроизводства и отчетности закреплялся следующий: на основании Высочайших повелений или отношений Кабинета управляющий посылал заводской конторе ордера-заказы, а та передавала их мастерам; мастера, в свою очередь вели книги и делали представления конторе; контора вела общие приходно-расходные книги и подавала рапорты и отчеты управляющему, который уже рапортовал Кабинету или самому Императору. Подобный порядок действовал вплоть до принятия нового положения Императорского фарфорового завода 1804 года, которое было дополнено «Подробными правилами о порядке отчетности заводской» от

24 декабря 1804 года¹¹. Также, как и на других придворных предприятиях, вводилась двойная, итальянская система отчетности. В Кабинет направлялись третные ведомости и бухгалтерские книги, ежемесячные ведомости о приходе и расходе денежных сумм направлялись в экспедицию государственных доходов, а сведения о доходах – в остаточное казначейство. Порядок делопроизводства Императорского фарфорового завода в последующие годы регламентировали «Правила по внутреннему заводскому производству» 1835 года¹². Для эффективной работы и налаживания учета по всем подразделениям правила рекомендовали иметь следующие документы: инвентариум и счета.

Инвентариум – это отражение состояния основного капитала, в который вносятся перечень и описание строений, машин, образцовых изделий, картин и прочих вещей «на долгое время к употреблению способных». Периодически производилась переоценка инвентариума с учетом износа. Счета составляли основу бухгалтерского баланса:

1) счет оборотного капитала отражал наличные деньги, материалы, инструменты и готовые изделия на балансе завода, его рекомендовалось не увеличивать без особой надобности;

2) счет запасного капитала формировался за счет отчисления наличных денег, размещаемых в кредитных учреждениях;

3) счет ремонтных сумм, отчисляемых по решению директора и по согласованию с управляющим Кабинетом;

4) счет так называемых «экономических доходов», которые складывались из сумм, отпускаемых на содержание завода Кабинетом, процентов с запасного капитала, сумм, вырученных от продажи разных вещей и вычитаемых из жалования на медикаменты;

5) смета на будущий год, составляемая директором перед окончанием финансового года.

Смета, сама по себе, была очень интересным документом, показывающим количество предполагаемой к выделке фарфоровой массы, ее общую стоимость, расход фарфоровой массы на выделку изделий, количество и стоимость других материалов, сумму общих заводских расходов, количество и стоимость

материалов, припасов и вещей, необходимых дополнительно к имеющимся, и общую примерную оценку заводским прибылям. Прибыли, таким образом, тоже появлялись в том случае, если получалась экономия средств и себестоимость изделий оказывалась ниже планируемой. Об этом свидетельствует и порядок приобретения материалов и припасов, цены на которые определялись заранее и закреплялись сметой, и превышать их при закупке строжайше запрещалось. В случае если это правило нарушалось, у директора удерживали полагавшийся ему процент с чистой прибыли.

Как показывает анализ отчетности Императорского фарфорового завода, имелись общие формы документов, подобные тем, что вела шпалерная мануфактура. В то же время полного единообразия еще не было, характер делопроизводства во многом определялся спецификой и особенностями деятельности предприятия: «Внутренняя заводская отчетность учреждается на правилах приспособленных к заводскому действию и порядку казенной отчетности; но с возможно меньшей сложностью»¹³. На фарфоровом заводе так же, как и на шпалерной мануфактуре, велись ежемесячные ведомости приходно-расходные о материалах, о выделке изделий, о «задельной» плате, причитающейся мастеровым. Это были общие формы отчетности для всех частных и казенных предприятий, наиболее распространенные в то время. На всех художественных предприятиях, прежде всего, стремились учесть расходы и издержки. Этого требовало российское государство: «По всем частям завода происходят при отделке изделий издержки, падающие в порядке заводского производства на ценность изделий и должны покрываться прибылями над наименованием заводские расходы»¹⁴. Расходы делились на общие, относимые в стоимость изделий, и заводские убытки, которые должны были покрываться за счет прибыли. Общие включали в себя все материальные издержки, жалование, стоимость мелких ремонтных работ и подобные же, предусмотренные сметой расходы. Под заводскими расходами понимали, прежде всего, те, которые не вошли в смету. Для казенных придворных предприятий общие расходы определялись штатами и финансиро-

вались государством, вот почему требовалось так тщательно их учитывать. Российское правительство должно было заранее знать, во что обойдется казне содержание художественного производства.

Реальные расходы предприятий нередко превышали штатные суммы, покрывать дефицит должны были сами мануфактуры за счет так называемой прибыли. В XIX веке государством постепенно вырабатывается более экономический подход к расценке стоимости изделий, которая должна была не просто покрывать затраты на производство, но и обеспечивать прибыль. Так, фарфоровому заводу рекомендовалась при определении стоимости будущего изделия – белого фарфора, учитывать стоимость фарфоровой массы, модели и формы с наложением процентов на покрытие общезаводских расходов. При расчете стоимости украшенного изделия закладывать в нее цену белого изделия, расходы на использованное золото и живопись и общезаводские расходы. «Сверх того налагается на вещь такое количество процентов, какое бы цену сравнило с общею продажною»¹⁵. Появилось в хозяйственных документах и понятие чистой прибыли, под которой «разуметь деньги, вырученные продажею как новых, так и старых изделий и остающихся за покрытием всех расходов на годовое действие и содержание завода употребленных»¹⁶.

Во второй половине XIX века бухгалтерская отчетность повторяет основные формы предшествующего периода, но становится более сложной и детализированной. Рассмотрим ее на примере Петергофской гранильной фабрики. В структуру ее годового баланса вошли следующие документы:

1. Общий обзор действий фабрики за год, включающий данные о том, сколько сделано изделий, какие суммы и откуда поступили, размер запасного капитала.

2. Алфавитный счетный список о приходе-расходе и остатке цветных камней.

3. Отчет об оборотах капитала.

4. Главная бухгалтерская книга.

5. Шнуровая книга о штатной сумме.

6. Шнуровая книга о сумме за изделия.

7. Шнуровая книга о посторонних суммах.
8. Шнуровая книга об издержках фабрики.
9. Шнуровая книга о строительной сумме.
10. Алфавитный счетный список об изделиях фабрики.
11. Шнуровая книга о материалах, фураже и одежде учеников.
12. Алфавитный счетный список к ней.
13. Шнуровая книга на ежедневную записку прихода и расхода материалов.
14. Шнуровая книга о цветных камнях у главного мастера.
15. Шнуровая книга вещам на фабрике у смотрятеля.
16. Шнуровая книга о приходе, расходе и остатке изделий.

В 90-е годы XIX века появился и такой отчет, как «Список изделиям Императорской Петергофской гранильной фабрики, вышедшим из обработки и записанным на приход по книге об изделиях», в котором показывается уже не только себестоимость изделий, но и предполагаемая прибыль в графе «в пользу фабрики». В 1893 году было сделано 280 изделий себестоимостью 47070 рублей 50 копеек, на которые была наложена сумма в пользу фабрики 8245 рублей 50 копеек, продажная стоимость изделий в итоге стала 55496 рублей¹⁷. Таким образом, главное отличие финансовой отчетности второй половины XIX века – это появление представлений о рентабельности и экономической прибыли от деятельности предприятий. Государство пытается хотя бы частично снять с себя бремя огромных расходов по содержанию фабрик декоративно-прикладных изделий, получить такую прибыль, которая по крайней мере окупила бы их производство. Однако, по-прежнему основными показателями бухгалтерской отчетности были сведения о движении материалов и капитала, о сделанной и проданной продукции. На основании этих цифр и судили о деятельности предприятий, производивших художественные изделия.

Обязательно проводили сравнение расходов с ассигнованиями, предусмотренными по высочайше утвержденным штатам. На Екатеринбургской гранильной фабрике анализ ассигнованных и реально употребленных в дело средств проводили по таким статьям, как: прииск, добыча и перевозка цветных

камней; покупка разных припасов и материалов; ремонт строе- ний и машин; обеспечение провиантом нижних чинов и масте- ровых; жалование; канцелярские расходы; содержание больни- цы; обучение детей; содержание лошадей¹⁸.

Структура годового бухгалтерского баланса частного пред- приятия включала годовой отчет об оборотах через оценку расходования припасов и материалов, а также прихода и рас- хода денежных сумм, составленный на основе ежемесячных отчетов. Однако частные мануфактуры стремились получить прибыль и проконтролировать этот процесс. Подробные еже- месячные рапорты владельцам Никольской хрустальной и стеклянной фабрики Бахметьевым от ее приказчиков содержа- ли сравнительные ведомости о производительности за текущий месяц и за этот же месяц прошлого года наряду с ежемесячным счетом капитала.

Бухгалтерские балансы с 30-х годов XIX века включались в ежегодные годовые отчеты, направляемые в ведомства, кото- рым подчинялись художественные предприятия. Они отражали информацию о движении капиталов, об изготовлении изделий, об оплате заказов, структуре финансирования мануфактур и многом другом. До 1864 года баланс прихода и расхода денеж- ных средств казенных заведений сопровождался ведомостью, где проводилось сравнение реальных расходов ассигнованиям, положенным по штату. С 1885 года была установлена обяза- тельная публикация балансов в различных органах печати. Ба- лансы не просто показывали характер финансовой деятельно- сти художественных мануфактур, они отразили специфику производства декоративно-прикладных изделий, прибыль от которых была возможна лишь при условии жесткого и постоян- ного соотношения затрат и результатов производства и кон- троля за расходованием денежных средств.

¹ РГАДА. Ф. 294. Оп. 2. Д. 1519. Л. 9об.

² Там же. Д. 1531. Л. 1.

³ Там же. Д. 1508. Л. 181.

⁴ Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 59. Д. 28913. Л. 1-2 .

⁵ Там же.

- ⁶ Там же. Л. 65.
- ⁷ Там же. Д. 28975.
- ⁸ Там же. Д. 28980.
- ⁹ Там же. Д. 28988.
- ¹⁰ ПСЗ-1. Т. XX. № 14855.
- ¹¹ ПСЗ-1. Т. XXVIII. № 21152.
- ¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 121. Л. 182-210.
- ¹³ Там же. Л. 184 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 188.
- ¹⁵ Там же. Л. 195.
- ¹⁶ Там же. Л. 196.
- ¹⁷ Там же. Ф. 504. Оп. 1. Д. 2065. Л. 87-88 об.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 171. Л. 124-127.

**МАТЕРИАЛЫ
ПЕРЕПИСНОЙ КНИГИ 1709 г. и 1-й РЕВИЗИИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ФОРМИРОВАНИЮ
ТВЕРСКОГО КУПЕЧЕСТВА В НАЧАЛЕ XVIII в.**

Начало активного формирования тверского купечества приходится на конец XVII – начало XVIII в. В этот период Тверь принадлежала к числу наиболее крупных верхневолжских городов, несмотря на то, что на протяжении XVII в. неоднократно подвергалась разорению.

Так, в результате польской интервенции 1606-1609 гг. население Твери сократилось более чем вчетверо. В 1616 г. сильным пожаром в городе было уничтожено 475 дворов¹. По данным писцовой книги 1626 г., число населенных дворов Твери составляло 554, пустых – 1450, количество жителей доходило всего лишь до 600 человек².

В 1655 г. Тверь подверглась опустошительной эпидемии чумы. Диомид Карманов в своей работе «Исторические известия Тверского княжества» отмечает, что «люди умирали вдруг скоропостижно и в столь великом множестве, что некому было погребать, отчего сей город пришел едва не в совершенное опустошение»³. Однако, несмотря на столь существенные потрясения уже в первой четверти XVIII в. Тверь занимала восьмое место (2846 дмп) по количеству жителей среди 189 российских городов⁴.

Такая высокая численность посадского населения во многом обусловлена выгодным географическим положением Верхневолжского региона. Издавна Тверь являлась промежуточным пунктом, соединяющем рынки нескольких областей Европейской России с центрами внешней торговли. Город располагался на волжском водном пути и на гужевой дороге Москва – Новгород. Эта дорога в начале XVIII в. была продолжена до Петербурга и приобрела первостепенное значение.

Роль волжского водного пути и гужевых дорог начала возрастать с 60-х гг. XVII в. Оживлению экономической жизни способствовали возвращение Смоленской земли, укрепление экономических связей с Москвой, Ярославлем, Новгородом и другими городами России, оживление внешней торговли через Псков. Последующие перемены были связаны с приобретением выхода к Балтийскому морю, строительством Петербурга и возникновением в районе новой столицы небывалого спроса на продовольствие, строительные материалы, металл и изделия из него, другие товары. Кроме того, Петербург становится важнейшим центром торговли с западноевропейскими купцами⁵.

Поток грузов, следовавших в Петербург, неизменно проходил через города Верхневолжского региона. По Волге везли металл с Урала, хлеб с так называемых «низовых городов», с верховьев Волги везли лен и пеньку. В Твери грузы перегружались на более мелкие суда и уже отсюда направлялись вверх по Тверце и далее через Вышневолоцкий канал к Петербургу. Такое выгодное географическое положение Твери оказывало большое влияние на социально-экономическое развитие города, в частности, способствуя образованию многочисленного купечества, наиболее состоятельная часть которого активно участвовала в транзитной торговле хлебом⁶.

Так, уже в период 40-60-х гг. XVIII в. наибольшее количество купцов в Новгородской губернии приходилось на долю Тверской провинции – 12095 дмп (40,8% от общего числа купечества губернии). В свою очередь в этой провинции основная масса гильдейского купечества – 8450 дмп – сосредоточилась в трех крупных городах: Твери, Торжке и Ржеве, уровень экономического развития которых был выше, чем других городов Верхнего Поволжья⁷.

Проследить процесс формирования тверского купечества в начале XVIII в. дают возможность материалы переписной книги г. Твери 1709 г., отложившейся в рукописной коллекции Государственного архива Тверской области (ГАТО)⁸. Книга была составлена на основании указа Петра I от 20 октября 1705 г. «Об учинении переписи купцов, посадских и слободских людей, с показанием достатка и промысла каждого»⁹. Несмотря на

требование указа провести перепись в ближайшее время, описание тверского посада было осуществлено лишь в 1709 г. Подворная перепись населения Твери прошла под руководством дьяка Тверской провинциальной канцелярии Ингерманландской губернии Михаила Григорьевича Гуляева.

Указ 1705 г. предписывал переписать купцов, посадских и слободских людей. К сожалению, в хранящемся в ГАТО экземпляре переписной книги г. Твери 1709 г. отсутствуют первые 19 листов текста, что не позволяет составить полное представление о категориях населения, проживавших в городе и их численном составе. Однако, для определения групп городского населения, подлежащих «переписанию и пересмотру», в качестве аналогового источника можно воспользоваться материалами переписи того же года, но по г. Кашину Тверской провинции, проводившейся все тем же дьяком М.Гуляевым. В преамбуле переписной книги г. Кашина 1709 г. указано, что переписке подлежали «люди духовного чину, церковные причетники, приказные и служилые люди, посадские, монастырские служки и служебники и всяких чинов люди и крестьяне и бобыли и дворовые и задворные и деловые люди»¹⁰. Таким образом, из книги видно, что реально переписью были охвачены практически все жители г. Кашина, вне зависимости от того, относились они к податным сословиям или нет.

Какие же категории населения г. Твери подверглись переписи 1709 г.? Сохранившиеся материалы переписной книги условно можно разделить на четыре части в зависимости от категории населения, подлежащего переписи, и мест его расселения. В основе книги лежат подворные описания, в большинстве случаев включающие в себя сведения о том, на чьей земле расположен двор – посадской, архиерейской, церковной, монастырской и пр.

Первая из сохранившихся частей книги включает в себя описания дворов служилых людей тверского архиерейского дома (дьяки, подьячие, дети боярские, приставы, конюхи, повара, певчие, плотники, гвоздари и пр.) – 56 дворов (210 дмп, включая 56 крепостных работников), церковнослужителей (попы, дьяки, церковные служки) – 60 дворов (148 дмп), церков-

ных (соборных) сторожей – 48 дворов (126 дмп), а также «разных чинов людей» (монастырские бобыли, стрельцы, солдаты, приказные служители, крестьяне, иногородцы и пр.) – 30 дворов, включая 9 осадных (96 дмп, включая 4 крепостных работников). Общее количество дворов этой группы – не менее 194 дворов (включая вдовьи) с населением 582 дмп, из которых 60 дмп приходится на крепостных работников¹¹. Дворы расположены как на территории самого кремля (города), так и на территории посадов, слобод и слободок. Земля под дворами по большей части архиерейская, церковная или монастырская, за редким исключением – посадская.

Вторая и самая объемная часть – описание дворов посадских жителей Твери по девяти сотням города: 1-я (100 дворов – 244 дмп, включая 3 крепостных работников), 2-я (100 дворов – 242 дмп, включая 3 крепостных работников), 3-я (88 дворов – 253 дмп, включая 3 крепостных работников) сотни Загородского посада; 1-я (74 двора – 191 дмп) и 2-я (80 дворов – 235 дмп) сотни Затьмацкого посада; Барминская (74 двора – 190 дмп), Верховская (92 двора – 226 дмп, включая 1 крепостного работника) и Веденецкая (86 дворов – 248 дмп, включая 3 крепостных работников) сотни Заволжского посада и Исаевская сотня Затверецкого посада (95 дворов – 278 дмп, включая 1 крепостного работника). Общее число населенных дворов посадских составляет 789 дворов с количеством жителей 2107 дмп, включая 14 крепостных работников. Земля под дворами – посадская.

Описание велось в следующей последовательности: сотня (внутри сотни по улицам), слобода, слободка. Отдельно позади сотен выносились дворы, не учтенные в прежнюю перепись, – «вновь прибывалые и отгороженные дворы». Как правило, в данную категорию попадали дворы, чьи владельцы в период между переписями, отделившись от родственников (деда, отца, брата, дяди), стали жить самостоятельно, своим хозяйством. При этом перепись также фиксировала и их прежнее место жительства. Например: «владеет тем двором по данной из земской избы, отделясь от отца своего в той же сотне»¹².

Третья часть рукописи состоит из описаний дворов тверских записных каменщиков и кирпичников, расположенных как в слободах, так и самом городе (кремле) по большей части на посадской земле, за редким исключением на «каменщицк-ей». Общее количество дворов – 24 (включая вдовьи) с количеством населения 57 дмп.

Четвертая часть представлена сказкой о ямщиках Тверского яма: «Тверской ямской слободки ямщиках, живущих своими дворами в слободах» – 73 двора (191 дмп), ямщиках с. Константиновское – 29 дворов (97 дмп), ямщиках с. Введенское, что за р. Волга, – 17 дворов (52 дмп), внутри города (кремля) – 2 двора (6 дмп). Общее количество дворов ямщиков Тверского яма (включая вдовьи) – 121 двор (346 дмп).

В отличие от других категорий городского населения, для которых сказки составлялись на каждый отдельный двор и заверялись его владельцем, старостой или бурмистром, в случае с ямщиками была составлена одна общая сказка, включающая в себя информацию о целой категории населения – ямщиках Тверского яма. Сказка была дана в Тверской провинциальной канцелярии Ингерманландской губернии 27 октября 1709 г. старостой и десятскими Тверского яма в присутствии дьяка М.Гуляева и подписана от имени всех ямщиков.

Таким образом, переписи подверглись практически все жители г. Твери и ямщики Тверского яма – население не менее 1128 населенных дворов (включая вдовьи) общим числом 3092 дмп (включая 74 крепостных работников). Переписная книга г. Твери 1709 г. включает в себя сведения не только о представителях податных (посадские люди), но и не податных сословий – служилых людях тверского архиерейского дома, церковнослужителях, каменщиках и кирпичниках¹³, ямщиках и др. Кроме того, переписью были охвачены и те лица, которые относятся к податным сословиям, но фактически «тягла за бедностью или скудостью не платили».

Выше уже отмечалось, что в основу переписи было положено подворное описание, включающее в себя следующую информацию: 1) имя и возраст хозяина двора, а также всех лиц

мужского пола, проживавших на дворе (сыновья, братья, племянники, внуки и другие родственники хозяина, приемыши и лавочные сидельцы); 2) размер двора с указанием, «по какому праву владеет и за кем земля числилась по прежней переписи»; 3) занятия владельца двора и его ближайших родственников с указанием вида ремесла, характера торговли – стационарная или отъезжая (внутри уезда или за его пределами), и наименований товаров; 4) наличие торговых помещений и другой недвижимости, находящейся в собственности или взятой в аренду (лавки, амбары, кузницы и др.); 5) виды и размер налогов, составляющих «государево тягло» (десятая деньга, стрелецкие, драгунские, рекрутские и др.); 6) служба по выборам в различных государственных учреждениях с указанием времени службы.

Для проведения генеалогического исследования наибольший интерес представляют сведения о составе семьи и возрасте ее членов. В отличие от писцовых описаний переписи помимо дворовладельцев учитывали все мужское население двора, включая зависимое население. Например: «Во дворе Алексей Дмитриев сын Долгов пятидесяти пяти лет. У него сын Дмитрий тритцати лет, детей нет. Да у него ж купленной чюхонец Степан семи лет»¹⁴. Не менее важны и сведения о судьбе прежних владельцев двора, которыми, как правило, являлись родственники нынешнего дворовладельца. Так, о дворе посадского человека А.Д.Долгова книга сообщает, что «в переписных книгах тот двор написан за отцом ево Дмитрием и за братьями Семеном да Леонтьем и за ним, Алексеем. И отец ево и братья после переписки померли»¹⁵.

Переписная книга содержит сведения и об экономическом положении жителей тверского посада. Для определения состоятельности «живота» посадского тяглеца важны данные о: 1) занятиях владельца двора и его ближайших родственников (торговля, ремесло, черная работа и др.); 2) наличии торговых и производственных помещений (лавки, амбары, кузницы, соловни и др.), а также другой недвижимости в черте города; 3) количестве и размере уплачиваемых налогов.

Первые в качестве источника для изучения социально-экономического облика Твери начала XVIII в. материалы пере-

писной книги 1709 г. были использованы Х.Д.Сориной¹⁶. По ее подсчетам, в девяти сотнях тверского посада числился 801 тяглый двор¹⁷, по нашим данным – 789 населенных тяглых дворов.

Таблица № 1

Занятия посадского населения г. Твери в 1709 г.

Занятия населения	Количество дворов	
	Подсчеты Х.Д.Сориной	Наши подсчеты
Занимаются торговлей	110	110
Занимаются ремеслом	362	237
Занимаются ремеслом и торговлей	119	123
Занимаются черной работой	96	53
Занятия не обозначены		63
Тягла не платят, «кормятся Христовым именем»	89	70
Вдовы	25	10
Занятия трудно отнести к какой-либо из вышеназванных групп		
Итого	801	789

В таблице № 1 проведено сравнение данных о количестве посадского населения Твери, разделенного на группы в зависимости от занятий – профессиональной принадлежности, приведенных Х.Д.Сориной в работе «Социально-экономическая история г. Твери в начале XVIII в.», и подсчитанных нами. Нужно отметить, что предложенное деление весьма условно, так как сам источник никаких групп среди посадского населения не выделяет.

В отличие от Х.Д.Сориной мы предлагаем несколько иную классификацию, выделяя в отдельные категории следующие группы посадского населения: 1) посадские, занимающиеся торговлей и ремеслом, – включены лица, сочетавшие ремесленное производство с торговлей товарами, как правило, собственного производства; 2) посадские, «тягла за бедностью не

платящие и кормящиеся Христовым именем». Х.Д.Сорина не выделяет в отдельную группу посадских, занимающихся торговлей и ремеслом, включая их в состав ремесленников; посадские же, «тягла за бедностию не платящие и кормящиеся Христовым именем», по всей вероятности, отнесены ею к тем горожанам, чьи занятия в переписной книге не обозначены.

Таким образом, по нашим подсчетам, в качестве основного занятия торговля названа у 110 семей (14% посадского населения), ремесло – у 237 семей (30%); занятие ремеслами в сочетании с торговой деятельностью практиковали представители 123 семей (15,6%); черная работа являлась основной для 122 семей (15,5%); занятия не обозначены у жителей 53 дворов (6,7%); «тягла за бедностию не платят и кормятся Христовым именем» представители 63 семей (8%); на долю вдов, «занятий не имеющих и тягла не платящих», приходится 70 дворов (8,9%); жителей 10 дворов (1,3%) трудно отнести к какой-либо из вышеназванных категорий – среди них «находящиеся у мостового строения», писцы, кормщики и т.д.

Проведя анализ материалов переписной книги г. Твери 1709 г., мы убедились, что разделения посадского населения на «лучших», «средних» и «молодших» в зависимости от размера имущества и доходов переписчики не проводят, отсутствуют в книге и термины «купечество», «купец», «торговый человек», «торговые люди». Что же подразумевалось под этими понятиями в начале XVIII в. и какая группа населения тверского посада этого времени может быть отнесена к торгово-промышленной верхушке города и названа «купечеством»?

Так, по мнению Н.В.Козловой, под «купечеством» вплоть до XVIII в. понималась торговая деятельность, а не группа людей, занимавшихся торговлей¹⁸. Для обозначения последних употреблялось словосочетание «торговый человек» или «торговые люди», которое, по наблюдениям С.В.Бахрушина, определяло скорее занятие, чем звание, и не имело сословного содержания¹⁹. Во второй половине XVII в. происходила трансформация термина «торговый человек» в сторону определения его сословной принадлежности: «торговый крестьянин», «тор-

говый иноземец», «торговый посадский человек» и т.п.²⁰. В первых же десятилетиях XVIII в. смысл данного термина сузился до обозначения торговой части посадских людей и стал заменяться на словосочетание «купецкие люди».

В дальнейшем, наряду с широким употреблением термина «купецкий человек», «купецкие люди», в источниках все чаще появляется их синоним «купечество», применяемый к посадским тяглецам в целом. Одновременно начиная с городской реформы 20-х годов слово «купечество» стало употребляться по отношению к посадским людям, занимавшимся торговлей, в отличие от также входивших в состав посада «цеховых», т.е. записанных в цехи ремесленников или «обретающихся в наймах и в черных работах» «подлых людей». В 1742 г. «подлые люди» были переименованы в купцов третьей гильдии и с этого времени термин «купец» фактически сблизился с понятием «посадский человек»²¹.

М.Я.Волков, рассматривая формирование городской буржуазии в России, отмечает, что в конце XVII – начале XVIII в. большую часть торгово-промышленного сословия составляли посадские люди. В 20-е гг. XVIII в. в связи с ликвидацией слоя привилегированного купечества в посадском сословии сосредоточилось абсолютное большинство городской буржуазии. Это сословие, получившее новое название «купечество» (оно, однако, до 70-х годов XVIII в. не вытеснило старого – «посадские люди», «посадское население»), стало обладать действительно преимущественными правами на занятия торговлей и промыслами. Оно было разделено на три гильдии. Купцы-капиталисты были сосредоточены в первой и отчасти во второй гильдиях. Третья и частично вторая гильдии состояли из средних и мелких торговцев, товаропроизводителей, ремесленников и лиц, кормившихся продажей рабочей силы²². Такое положение сохранится вплоть до проведения гильдейской реформы Екатерины II.

Н.Б.Голикова, говоря о профессиональных занятиях посадского населения конца XVII – начала XVIII в., указывает, что основная масса посадских занималась ремеслом, часть работала по найму, на долю же купечества приходилось не более

30% населения. При этом купечество рассматривается автором как категория людей, систематически занимавшихся торговлей – оптовой или розничной. Купцы-оптовики осуществляли по преимуществу «отъезжий торг», т.е. оптом закупали и продавали товары в разных городах, населенных пунктах, на ярмарках; купцы же, специализирующиеся на розничной торговле, продавали свои товары через различные торговые заведения. В обеих группах встречались крупные, средние и мелкие торговцы с разным размером капитала, объемом и широтой торговли, различным количеством принадлежащих им торговых заведений, величиной и количеством товаров²³.

Выделяя купечество в среде посадского населения Твери, Х.Д.Сорина также руководствовалась признаком наличия торговой деятельности. Согласно переписной книге 1709 г., в тверском посаде насчитывалось 110 семей торговцев (14% населения посада). Единственным занятием подавляющего большинства из них названа торговля²⁴. Именно эту и только эту категорию посадского населения Х.Д.Сорина относит к числу купцов.

Ведущее положение в среде городского торгово-промышленного населения занимали торговцы-оптовики. К наиболее крупным из них относятся торговцы, ведущие хлебный торг к портам, – 8 семей: братья Матвей и Алексей Арефьевы, братья Михаил, Гаврила, Семен и Петр Вагины, братья Василий, Семен и Алексей Волочаниновы, братья Кирилл и Иван Максимовы, А.И.Монин, И.С.Протопопов, Г.Ф.Седов и братья Иван, Алексей, Василий и Иван Янковские²⁵. Торговцы-оптовики занимались скупкой хлеба в «низовых» пристанях: Самаре, Промзине, Лыскове и Рыбинске. Купленный в Поволжье хлеб доставлялся в Тверь, откуда хлебные караваны шли в «новозавоєванные» города – Санкт-Петербург и Нарву.

Для представителей трех из вышеназванных семей – Волочаниновых, Монина и Янковских, оптовая торговля хлебом к портам являлась их единственным занятием, и даже принадлежащие им торговые заведения по большей части использовались не по их прямому назначению, а в качестве складских помещений для хранения хлеба. Остальные семьи оптовую тор-

говлю хлебом сочетали с другими видами деятельности. Так, И.С.Протопопов занимался лавочной торговлей мелочным товаром в Твери, Г.Ф.Седов и братья Арефьевы – торговлей пенькой, братья Максимовы – торговлей замками и гвоздями местного производства в лавках Твери, а также в Москве и «низовых» городах, братья Вагины – солодоращением и торговлей пенькой в Твери и уезде.

Оптовую хлебную торговлю на внутреннем рынке вели представители 4 семей города. Так, посадский А.С.Московенок торговал хлебными припасами в Пскове и Новгороде; М.И.Кирилов, С.И.Скобин и И.И.Пирогов занимались продажей хлеба, «отъезжая по городам», при этом последний, кроме отъезжей торговли, занимался кожевным мастерством и лавочной торговлей хлебом в Твери.

Скупкой продукции местного производства и ее продажей в других городах занимались 6 семей. Так, И.И.Корещиков, К.А.Блохин, братья Андрей и Иван Опурины возили в Москву мягкотный товар, холст и замки; И.А.Кобелев доставлял в Москву и на Макарьевскую ярмарку тверские замки и «сережное камень»; топорами, замками и гвоздями торговал в Вязме и Вяземском уезде И.Г.Подсыпанин; пеньку, деготь и кору возил в «низовые» города М.Н.Козин. Торговые заведения в городе имели представители всех названных семей, однако торговлю в них осуществляли только 4 семьи: И.И.Корещиков занимался лавочной торговлей москательным товаром, К.А.Блохин – сукнами и чулками, братья Опурины – замками, И.А.Кобелев – свечами, ладаном, церковным вином. Наименования товаров, продававшихся в лавках Твери и поставлявшихся в другие города, совпадали только у К.А.Блохина и братьев Опуриных.

Таким образом, среди тверских торговцев можно выделить 18 семей купцов-оптовиков, занимавшихся торговлей с другими городами. К числу наиболее крупных относятся купцы, занимавшиеся торговлей хлебом к портам – Санкт-Петербургу и Нарве; к средним купцам, предпочитавшим дальние поездки торговле в соседних городах, – торговавшие товарами местного производства (замки, гвозди, топоры, пенька, холст, «сереж-

ное каменье») по преимуществу с Москвой, Вязьмой, Новгородом и Псковом. Сочетание же оптовой торговли с розничной было вполне типичным явлением для тверских купцов-оптовиков, ее практиковали представители 9 семей торговцев; представители одной семьи кроме оптовой торговли занимались солодоращением, еще одной семьи – кожевенным мастерством.

Следующая категория торгового посадского населения – розничные торговцы, торговавшие в собственных или наемных стационарных торговых заведениях (лавки, амбары), а также в шалашах, на скамьях, столах и в разнос на площадях города и в уезде.

Среди розничных, впрочем, как и оптовых, торговцев особое место занимали продавцы хлеба. Так, для торговли в Твери хлеб из «низовых» городов привозили представители 4 семей: И.И.Зубчанинов, И.П.Клементьев, братья Корнила, Антипа и Яким Соболевы, Конон Спиридонов. Переписная книга содержит сведения о том, что привезенный хлеб сбывался поставщиками в собственных лавках, при этом братья Соболевы и И.П.Клементьев занимались еще и розничной торговлей остатковской соленой рыбой, хмелем и маслом, И.И.Зубчанинов – лавочной торговлей мелочным товаром.

В качестве торговцев хлебом названы представители еще 9 семей города. В.Г.Ненасын, А.И.Носов, И.Р.Прасолов (большой) и С.П.Харланов занимались скупкой и дальнейшей продажей хлеба в собственных лавках и амбарах города. Относительно К.Ф.Ворошилова, П.Ф.Карповского, И.Ф.Кобылина, братьев Петра и Алексея Скобниковых и И.Р.Прасолова (меньшего) переписная книга сообщает, что названные лица закупа-ли хлеб и им торговали, однако место торговли (к портам, стационарная в Твери, торговля в уезде или других городах) не указано. Книга не сообщает и где закупался хлеб – привозился с юга самими торговцами, покупался у перекупщиков или выращивался на территории уезда. Кроме прочего, К.Ф.Ворошилов и И.Ф.Кобылин занимались торговлей пенькой, покупаемой в Тверском уезде.

Торговлю продуктами питания осуществляли 11 семей посадских, из них: 6 семей торговало свежей и соленой, по преимуществу осташковской, рыбой, 4 семьи мясом, 1 семья орехами и хлебом в разнос. Ведущая роль среди них принадлежала торговцу соленой рыбой Г.П.Долгову.

Часть торговцев (В.Ф.Борисов, А.Ф.Борисов, К.Ф.Борисов, А.И.Горецкий, И.М.Вагин, В.М.Дураков и И.Н.Козин) занималась скупкой скота, пеньки, меда и мелочного товара в Тверском уезде и его дальнейшей продажей в собственных лавках города. С.И.Щукин и братья Сергей и Яков Малецкие сочетали свою закупочную деятельность и лавочную торговлю в городе с торговлей мелочным товаром в уезде.

Товарами кустарного и ремесленного производства торговали 18 семей. Как правило, данная группа торговцев предпочитала торговлю одновременно несколькими наименованиями товаров – рукавицами, чулками, лаптями, онучами, свечами, бумагой, москательным товаром, замками и гвоздями, сапогами и т.д. Наиболее состоятельными в этой группе торговцев являлись Ф.И.Пирогов, торговавший обувью, и Г.Н.Капустин, предметом торговли которого являлись замки, гвозди и москательный товар.

Наиболее многочисленной была группа торговцев мелочным товаром – 40 семей, из них: 21 семья торговала в городе, 19 – в уезде. Из торговцев, занимавшихся сбытом мелочного товара в городе, только 8 семей не имели собственных торговых помещений – 7 из них были вынуждены нанимать лавки, 1 семья торговала в разнос.

Абсолютно другая ситуация сложилась с торгующими вне города – закупая в Твери различный мелочный товар и продавая его на территории Тверского уезда, все торговцы этой группы, за исключением М.В.Борисова, не имели стационарных торговых заведений в городе. Братья Василий и Степан Ветошниковы, И.И.Зубчанинов, Д.М.Корчагин совмещали торговлю в уезде с занятиями черной работой; А.К.Баженов кроме разъездной торговли мелочным товаром на ярмарках Тверского уезда занимался литьем оловянных крестов, перстней и пу-

говиц и торговлей мелочным товаром в наемной лавке в городе.

Таким образом, розничной торговлей в городе занимались представители 73 семей, в уезде – 19 семей. Ведущее место среди них (также, как и в оптовой торговле) занимали торговцы хлебом – 13 семей, однако наиболее многочисленной являлась группа торговцев мелочным товаром, сбывавших товар как в самом городе, так и на территории Тверского уезда.

Проанализировав характер предпринимательской деятельности группы посадских, основным занятием которых переписная книга называет торговлю, видим, что торговцы отличались объемом и широтой торговли, величиной, количеством и наименованиями продаваемой продукции. В их состав входили как крупные торговцы-оптовики, ведущие торг к портам, так и мелкие лавочники и даже лица, не имевшие собственных торговых заведений и вынужденные брать торговые места в наем или заниматься торговлей в разнос.

Необходимо отметить, что материалы переписной книги с большим трудом, а порой и с определенной долей натяжки позволяют исследователю определить принадлежность горожанина к той или иной социальной группе. Так, среди торговцев-оптовиков встречаются лица, занимающиеся ремесленным производством, например, солодовники братья Вагины и кожевенник И.И. Пиров; среди торговцев в розницу чернорабочие братья Ветошниковы, И.И. Зубчанинов и Д.М. Корчагин. Отсутствие четких границ между различными группами посадского населения начала XVIII в. свидетельствует о размытости социальной структуры города и об активно идущем в этот период процессе формирования нового торгового сословия – «купечества».

Для лучшего понимания этого процесса детально рассмотрим еще одну группу горожан – посадских, сочетавших занятие ремеслами с торговлей товарами, как правило, собственного производства²⁶. Для данной категории посадского населения торговля является не основным, а одним из занятий наряду с ремеслом, однако переписная книга указывает на торговлю как на вид деятельности, осуществлявшийся систематически.

Среди товаропроизводителей, занимавшихся торговлей, лидирующие позиции занимали солодовники и обрядчики скота. Солодоращением занималось 12 семей, при этом все они, за исключением К.И.Слепнева, торговали произведенным ими солодом в собственных лавках. Некоторые производители и торговцы солодом одновременно осуществляли и другие виды деятельности. Например, Н.Г.Тюльпин занимался скупкой и лавочной торговлей овсом, И.В.Вахонин – печеным торгом. Из 22 семей «животинных обрядчиков» торг в собственных лавках вели представители 17 семей, в наемных – 2 семей, относительно 3 семей упоминаний о найме или наличии собственных торговых заведений книга не содержит.

Другие производители продуктов питания стояли на значительно более низкой ступени социальной лестницы – это представители 42 семей, занимавшиеся выпечкой хлеба, калачей и варкой кваса, 7 семей рыболовов, 4 семей производителей «бойного» масла и 1 семьи торговца орехами. Из 42 семей хлебников, калачников и квасников представители только 14 семей вели торговлю в собственных лавках, остальные производили торг в наемных шалашах, на прилавках, скамьях и в разнос. На их фоне выделялись Ф.В.Зубчанинов, Ф.К.Зубчанинов и А.И.Прасолов, которые кроме реализации выпечки занимались соответственно торговлей лошадьми, закупкой пеньки по уезду и торговлей овсом и житом.

Из 7 семей рыболовов лавочной торговлей рыбой занималось 3 семьи, 1 семья продавала рыбу на площади в разнос. Интересно, что, имея ремесло «рыбных ловель», несколько посадских занимались лавочной торговлей другими видами товаров. Так, в собственных лавках торговали хмелем С.С.Морозов, щепьем В.К.Белоусов, в наемной лавке мелочным товаром торговал А.В.Кабатов.

Среди торговцев – производителей ремесленной продукции наибольшее количество приходится на кожевников и овчинников – 8 семей. Все они торговали своими изделиями в собственных лавках, при этом К.Н.Кожевников и В.И.Кубрин кроме прочего изготавливали юхотный товар по подрядам торговых людей.

Из 5 семей сапожников только братья Мина и Трифон Круговы, И.Ф.Пирогов и Т.Ф.Пирогов занимались продажей сапог в своих лавках или в разнос, при этом последние еще и барышничали лошадьми. Представители двух других семей, владея ремеслом, не торговали собственными изделиями, а занимались куплей-продажей других товаров. Так, сапожник Н.И.Змеихин, имея лавку в Овсяном ряду, скупал и продавал овес, Е.Ф.Щукин торговал орехами на скамьях.

Изготовлением и продажей товаров ремесленного производства в собственных или наемных торговых заведениях города занимались представители 4 семей шапочников, 4 семей крашенинников, 4 семьи изготавливали и торговали серебряными изделиями, 2 семьи – замками и личинами, 1 семья – «сережным камнем», 1 семья – окнами, 1 семья – опоидами, 1 семья – хомутами, 1 семья занималась починкой и продажей ветоши.

Интересно, что А.К.Погуткин, изготавливая «сережные камни», реализовывал свой товар не в Твери, а возил его на продажу в Москву. Портной Б.А.Монин, который занимался скупкой трески и сапожных гвоздей и их реализацией в Москве, кузнец П.К.Ворошилов, скупавший на Веской и Калязинской ярмарках железо для последующей торговли в Твери.

Таким образом, в начале XVIII в. в Твери насчитывалось 123 семьи посадских, сочетавших занятие ремеслами с систематической торговлей товарами, как правило, собственного производства. Подавляющее большинство ремесленников-торговцев реализовывала произведенные ими товары на местном рынке в собственных или наемных торговых заведения, за исключением А.К.Погуткина, возившего свой товар на продажу в Москву. Представители 7 семей (В.К.Белоусов, В.К.Ворошилов, Н.И.Змеихин, А.В.Кабатов, Б.А.Монин, С.С.Морозов, Е.Ф.Щукин), владея определенным видом ремесла, не торговали собственными изделиями, а занимались куплей-продажей товаров других наименований – овес, железо, мелочный товар и т.д. Это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, что границы социальных групп в данный временной период были

крайне размыты и неустойчивы – торговцы занимались ремесленным производством, ремесленники реализовывали не только продукцию собственного производства, но занимались скупкой и дальнейшей перепродажей товаров.

Кроме сведений о профессиональных занятиях не менее важной для определения социального статуса горожанина является информация об имущественном положении.

Таблица № 2

Сведения о недвижимой собственности, принадлежащей различным группам населения г. Твери в 1709 г.

Группы населения г. Твери	Вид недвижимости					
	Лавки				Кладовые амбары	Мельницы
	целые	половина	треть	четверть		
Занимаются торговлей	88	36	7	3	12	2
Занимаются торговлей и ремеслом	49	30	5	9		
Занимаются ремеслом	5	5			1	1
Кирпичники	3	2			1	
Занимаются черной работой	1	2				
Занятия не обозначены	2	3	2	1	2	
Вдовы	7	2	1			
Итого	155	80	15	13	16	3

В таблице № 2 представлены данные переписной книги о владении горожан стационарными торговыми (лавки), складскими (кладовые амбары) и производственными (мельницы) помещениями в черте города. Наибольшее число торговых по-

мещений – 134 торговые точки (50,9% от общего числа торговых помещений), 12 кладовых амбаров (75% от общего числа складских помещений) и 2 мельницы (66,7% от общего числа мельниц города) было сосредоточено в руках горожан, основным занятием которых являлась торговля; на долю горожан, сочетавших ремесленное производство с систематическими занятиями торговой деятельностью, приходится 93 торговые точки (35,4%); ремесленникам принадлежали 10 торговых точек (3,8%), 1 кладовой амбар (6,25%) и 1 мельница (33,3%); кирпичники владели 5 торговыми точками (1,9%) и 1 амбаром (6,25%); чернорабочие – 4 торговыми точками (1,5%); вдовы – 10 торговыми точками (3,8%); лицам, занятия которых переписная книга не называет, принадлежали 7 торговых точек (2,7%) и 2 кладовых амбара (12,5%).

Из таблицы видно, что большая часть стационарных торговых, складских и производственных помещений в городе принадлежала посадским жителям – на их долю приходилось 258 торговых точек (98% от общего числа торговых помещений), 15 кладовых амбаров (93,8% от общего числа складских помещений) и 3 мельницы (100% от общего числа мельниц города). Среди неподатного населения Твери начала XVIII в. владельцами торговых и складских помещений переписная книга называет лишь кирпичников – им принадлежало 5 торговых точек (1,9%) и 1 кладовой амбар (6,25%).

Рассмотрим подробнее, каким образом распределялись помещения среди представителей двух групп горожан, сосредоточивших в своих руках наибольшее количество лавок, амбаров и мельниц, – торговцев и горожан, сочетавших ремесленное производство с систематическими занятиями торговой деятельностью.

Так, из 18 семей торговцев-оптовиков представители 12 семей владели лавками в городе, из них: 3 семьи торговцев к портам (братья Волочаниновы, А.И.Монин, братья Янковские) использовали лавки в качестве помещений для хранения хлеба, братья Арефьевы сдавали имевшиеся у них торговые помещения в наем, представители 8 семей торговали в лавках сами

(К.А.Блохин, братья Вагины, И.А.Кобелев, братья Максимовы, братья Опурины, И.И.Пирогов, И.Г.Подсыпанин, И.С.Протопопов). Торговлю в наемной лавке практиковал И.И.Корещиков, вовсе не имели торговых помещений представители 5 семей (М.И.Кирилов, М.Н.Козин, А.С.Московенок, Г.Ф.Седов, С.И.Скобин), по большей части торговавших, «отъезжая по городам».

Среди торговцев-оптовиков представители 3 семей сосредоточили в своих руках наибольшее количество торговых помещений: братья Вагины, жившие одним двором, владели 6 лавками в Свечном, Мясном, Кладовом и Горшечном рядах, кладовым амбаром на Благовещенской площади; братья Янковские – 4 лавками, половиной лавки и третью лавки в рядах и на площади у земской избы; И.И.Пирогов – лавкой, половиной и четвертью лавки в Сапожной ряду и двумя лавками на площади напротив земской избы.

Собственные торговые помещения в городе имели представители 54 из 92 семей розничных торговцев. Так, лавками владели 9 из 13 семей торговцев хлебом, 8 из 9 семей скупщиков товара на территории уезда для его дальнейшей продажи в Твери, 14 из 18 семей, торговавших товарами ремесленного производства, 14 из 21 торговцев мелочным товаром в городе и т.д. Торговлю в наемных лавках, шалашах, амбарцах вели представители 14 семей, в разнос торговали 2 семьи. Отдачу торговых помещений в наем практиковали 5 семей.

39 семей розничных торговцев не имели собственных торговых помещений в городе. Наибольшее количество из них приходится на торговцев мелочным товаром – 25 семей, включая 18, торговавших по деревням Тверского уезда.

Наибольшее количество торговых и производственных помещений среди розничных торговцев имели 10 семей, из них: 5 семей – лавочные торговцы мелочным товаром, 4 – скупщики различных товаров в уезде, занимавшихся лавочной торговлей в городе, 1 – лавочные торговцы товарами ремесленного производства. Так, А.И.Горецкий торговал пенькой, скупал мед и кожи в уезде, владел двумя лавками в Большом ряду и на Сен-

ной площади, двумя половинами лавок в Мясном и Овсяном рядах, мельницей, занимался лавочной торговлей мелочным и москательным товарами. И.М.Вагин, занимавшийся скупкой пеньки в уезде и лавочной торговлей мелочным товаром в городе, владел двумя лавками в Новом ряду, занятыми провиантским хлебом, половиной лавки в Москательном ряду и двумя кладовыми амбарами, один из которых также использовался для хранения хлеба. Лавка с четвертью в Рыбном ряду, лавка в Москательном ряду и кладовой амбар в Горшечном ряду принадлежали И.Н.Козину, торговавшему пенькой в Твери и скупавшему мед в уезде. Торговец мясом К.Ф.Борисов, занимавшийся скупкой скота в уезде, владел 3 лавками в Мясном, Горшечном рядах и на Сенной площади. Сыновья М.Н. Капустина торговали сапогами, гвоздями и москательным товаром в лавке и половине лавки в Скобяном и Москательным рядах, принадлежащих их отцу, половина же лавки в Большом ряду и лавка на площади у земской избы сдавались в наем. Среди торговцев мелочным товаром выделялись: Г.И.Крестешников, владевший 2 лавками в Большом и Горшечном ряду, а также половиной лавки в Большом ряду; А.М.Капустин имел 2 лавки в Большом ряду (одну из них сдавал в наем); вдове Ивана Горецкого принадлежали лавка и треть лавки в Большом ряду, где торговлю мелочным товаром вел ее племянник С.Л.Ворошилов, и кладовой амбар на Благовещенской площади; братья Василий, Анисим, Федосей и Федор Аваевы владели 5 лавками в Горшечной и Большом рядах, при этом торговлю вели в наемной лавке. Наибольшее количество лавок принадлежало бывшему торговцу солью и владельцу мельницы на р. Тьмаке А.Д.Долгову. За ним числились лавка и половина лавки в Соляном ряду, лавка в Горшечном ряду, 2 лавки на площади у земской избы, лавка в Москательном ряду, лавка на Сенной площади, лавка напротив Знаменской церкви и кладовой амбар в Овсяном ряду. В одной из лавок мелочным товаром торговал сын Долгова – Дмитрий, остальные помещения сдавались в оброк.

Таким образом, из 110 семей торговцев тверского посада владели торговыми, складскими и производственными помещениями в черте города представители 66 семей (60%). Среди горожан, сосредоточивших в своих руках от двух и более лавок, выделяются торговцы-оптовики, лица, занимавшиеся скупкой товаров по уезду и их дальнейшей продажей в городе, а также лавочные торговцы мелочным товаром.

Из 123 семей посадских, практиковавших розничную торговлю продукцией собственного производства, торговыми помещениями владели представители 73 семей: 11 из 12 семей солодовников, 17 из 22 семей «обрядчиков животины», все 8 семей кожевников, 6 из 7 семей рыбаков, 3 из 4 семей шапочников, 2 из 4 семей крашенинников, 2 из 5 семей сапожников, 3 из 4 семей серебряников и т.д.

На общем фоне выделялись солодовники и обрядчики – в большинстве своем владельцы целых лавок. Некоторые представители этой группы владели даже более чем одной лавкой. Так, солодовники И.В. Вахонин, М.Д. Дурынин и Н.Г. Тюльпин имели по 2 лавки каждый, где и торговали продукцией собственного ремесла; 2 лавками владел обрядчик Г.И. Нечаев, лавкой и половиной лавки – братья Кирилл и Ефим Барановы, торговавшие мясом и кожами.

2 лавками в Рыбном ряду владел рыбак С.С. Морозов, занимавшийся лавочной торговлей хмелем; крашениннику М.А. Ветошникову принадлежали две половины лавок в Большом ряду и половина лавки в Серебряном ряду, одна из которых сдавалась в наем.

Наименьшее количество лавок приходится на хлебников, калачников и квасников – из 42 семей собственные торговые помещения имели всего 14 семей. Большинство семей являлись владельцами, как правило, половин, третьей или четвертой лавок. Исключение составляют братья Афанасий и Тимофей Вагины и вдова Василия Родионова, имевшие по 2 лавки. Те же, кто не имел собственных стационарных торговых помещений, торговали на скамьях, столах, прилавках, в шалашах, в разнос или были вынуждены нанимать торговые места. Так, торговлю

в разнос практиковали представители 6 семей, снимали торговые места 13 семей.

Таким образом, среди посадских, занимавшихся розничной торговлей продукцией собственного производства, торговыми помещениями владели представители 73 семей (59,3%). Наибольшее количество целых лавок принадлежало солодовникам и обрядчикам, некоторые из них являлись владельцами даже двух лавок. Наименьшее число торговых помещений принадлежало хлебникам, калачникам и квасникам, торговавшим, как правило, в наемных торговых точках или в разнос.

Однако, среди горожан были и такие, кто владел торговыми помещениями, но сам в них не торговал. Так, лавки имели 8 семей ремесленников и 4 семьи каменщиков. Лавки были заняты казенным хлебом, стояли впусе или сдавались в наем. Исключение составляли каменщики братья Жижины, которые не только владели купленными ими лавкой в Овсяном ряду и половиной лавки в Москательном ряду, но и «в тех лавках торгуют они сами, ис товару пошлины и с лавок оброк в земскую избу платят по окладу»²⁷.

Последнее обстоятельство подтверждает тот факт, что в начале XVIII в. численное преобладание торговцев из посада было очевидным для Твери, несмотря на то, что в данный период состав торгового населения был весьма пестрым, включая в себя представителей различных сословных групп – членов купеческих корпораций, посадских жителей, церковных и служилых людей, ямщиков, крестьян и т.д.

Анализ материалов переписной книги показывает, что подавляющее большинство стационарных торговых (лавки), складских (кладовые амбары) и производственных (мельницы) помещений Твери было сосредоточено в руках представителей двух групп посадского населения – торговцев и горожан, сочетавших ремесленное производство с торговой деятельностью. На их долю приходится 227 торговых точек (86,3% от общего числа торговых помещений), 12 кладовых амбаров (75% от общего числа складских помещений) и 2 мельницы (66,7% от общего числа мельниц города). Однако в отличии от торговцев,

как правило, владевших целыми, а порой и несколькими лавками одновременно, торговцам-ремесленникам по большей части принадлежали половины, трети или четверти лавок. Данное наблюдение говорит в пользу того, что торговцы являлись более состоятельной частью городского населения, чем слой посадских, сочетавших торговлю с ремесленным производством.

Интересно, что как среди горожан, для которых торговля являлась основным занятием, так и среди посадских, сочетавших свою торговую деятельность с ремесленным производством, собственные торговые помещения в городе имел примерно равный процент семей – 60% всех торговцев (66 семей) и 59,3% торговцев-ремесленников (73 семьи). Соответственно торговыми помещениями в Твери владели 59,6% (139 семей) всех лиц, в той или иной мере занимавшихся торговлей. Данный факт говорит в пользу того, что названные категории посадского населения систематически занимались торговой деятельностью вне зависимости от того, какое занятие – торговлю или ремесло, переписная книга называет в качестве основного вида профессиональной деятельности горожанина. Это обстоятельство позволяет с известной долей вероятности отнести вышеназванные категории посадского населения к формирующейся в начале XVIII в. социальной группе «купечества».

Еще одним критерием, позволяющим определить место горожанина в социальной иерархии города, является размер уплачиваемых им налогов. Рассмотрим подробнее, какие виды налогов и повинностей составляли «государево тягло» в начале XVIII в.

По наблюдению А.Ц.Мерзона, в каждой местности имелись свои исторически сложившиеся отличия в податном обложении, накладывавшие отпечаток на комплекс налогов, уплачиваемых населением данного города или уезда²⁸. Так, среди налогов, уплачиваемыми тверскими посадскими людьми, можно отметить: стрелецкие деньги, десятую деньгу, драгунские жалованные, рекрутские, деньги «на дачю Московского гарнизона драгуном и салдатом», деньги на наем в Ямской приказ

подвод, деньги на содержание работников, которые посылались по реке Тверце для сопровождения судов, и др.

Среди вышеперечисленных налогов наибольший интерес для нашего исследования представляет так называемая «десятая деньга». По мнению А.Лаппо-Данилевского, в XVII в. десятая деньга – это 20% сбор, взимаемый с «животов, торгов и промыслов» в виде чрезвычайных сборов при значительном увеличении государственных расходов. Десятая деньга взималась не только с тяглецов, но и с неподатных категорий населения. Этим налогом облагались духовенство, служилые люди, гости, торговые люди, посадские, крестьяне и т.д.²⁹. Однако, с 1702 г. десятая деньга становится постоянным прямым налогом посадского населения, просуществовавшим вплоть до введения подушной подати в 1724 г.³⁰

Коль скоро десятая деньга – это фактически налог с доходов от ведения предпринимательской деятельности, то его размер позволяет определить уровень состоятельности посадского человека. Последнее обстоятельство играет не последнюю роль при отнесении того или иного посадского тяглеца к торгово-промышленной верхушке города, так как в отличие от указа 1705 г., в котором купцы выделялись в отдельную категорию городского населения, разграничиваясь с посадскими и слободскими жителями, в переписной книге г. Твери 1709 г. купечество в отдельную категорию горожан не вынесено. Выше уже отмечалось, что в названном источнике отсутствует и деление посадских на «лучших», «средних» и «молодших» в зависимости от размера их имущества и доходов.

Таблица № 3

**Размер десятой деньги,
выплачиваемой посадским населением г. Твери в 1709 г.**

Группы посадского населения	Размер десятой деньги				Тягла не платят
	от 0,01 до 0,5 руб.	от 0,51 до 1 руб.	выше 1 руб.	не указан	
Занимаются торговлей	32	40	30	6	2

Группы посадского населения	Размер десятой деньги				Тягла не платят
	от 0,01 до 0,5 руб.	от 0,51 до 1 руб.	выше 1 руб.	не указан	
Занимаются ремеслом и торговлей	48	55	12	5	3
Занимаются ремеслом	129	40	3	6	59 77
Занимаются черновой работой	38	5	3	2	3
Занятия не обозначены	30	11			63
Тягла не платят, «кормятся Христовым именем»				1	70 7
Вдовы	2				
Занятия трудно отнести к какой-либо из вышеназванных групп					
Итого	279	151	48	22	284

Из таблицы № 3 видно, что из 784 населенных дворов (100%) тверского посада размер десятой деньги указан для жителей 478 дворов (61%), обитатели 284 дворов (36,2%) тягла не платили, о населении 22 дворов (2,8%) книга не содержит упоминаний о размере десятой деньги.

Десятую деньгу размером более рубля выплачивало 48 семей (100%) посадских, из них: 30 семей (62,5%) торговцев, 12 семей (25%) лиц, сочетавших занятия торговой деятельностью с ремесленным производством, 3 семьи (6,25%) ремесленников и 3 семьи (6,25%) лиц, занятия которых в переписной книге не обозначены. Сумму от 0,51 до 1 руб. в качестве налога платила 151 семья (100%) посадских, из них: 40 семей (26,5%) торговцев, 55 семей (36,4%) лиц, сочетавших занятия торговой деятельностью с ремеслом, 40 семей (26,5%) ремесленников, 5 семей (3,3%) чернорабочих и 11 семей (7,3%) лиц, занятия которых в переписной книге не обозначены. Налог в размере от 0,01 до 0,5 руб. уплачивало 279 семей (100%), из них: 32 семьи (11,5%) торговцев, 48 семей (17,2%) лиц, сочетавших занятия торговой деятельностью с ремеслом, 129 семей (46,2%) ре-

месленников, 38 семей (13,6%) чернорабочих, 30 семей (10,8%) лиц, занятия которых в переписной книге не обозначены, и 2 семей (0,7%) занятия которых трудно отнести к какой-либо из названных выше категорий.

Таким образом, наибольший процент лиц, платящих десятую деньги в размере более 1 руб., приходился на торговцев (30 семей – 62,5% от общего числа платящих налог такого размера); от 0,51 до 1 руб. – на горожан, сочетавших ремесленное производство с торговой деятельностью (55 семей – 36,4%); от 0,01 до 0,5 руб. – на ремесленников (129 семей – 46,2%).

Подробнее рассмотрим размеры десятой деньги, выплачиваемые представителями двух групп посадского населения – торговцами и гражданами, одновременно владевшими ремеслом и занимавшимися торговой деятельностью.

Из 110 семей (100%) торговцев размер десятой деньги указан для 102 семей, при этом 2 семьи тягла не платили (торговцы мелочью). Десятую деньги в размере более рубля выплачивали представители 30 семей (27,3%); от 0,51 до 1 руб. – 40 семей (36,4%); от 0,01 до 0,5 руб. – 32 семей (29%).

В число наиболее состоятельной части населения тверского посада входят 11 из 18 семей торговцев-оптовиков и 19 из 92 семей торговцев в розницу, платящих десятую деньги в размере более 1 руб.

Самыми богатыми горожанами переписная книга называет братьев Матвея и Алексея Арефьевых, у которых размер десятой деньги составлял 4 руб. Братья занимались торговлей пенькой и хлебом, привозимым из «низовых городов». Часть хлеба отвозилась в Нарву и Санкт-Петербург, другая часть сбывалась в Твери. Арефьевым принадлежали 3 лавки и 2 палатки, из них 2 лавки в Мясном ряду сдавались в аренду. О высоком месте семьи в социальной иерархии города свидетельствует тот факт, что Матвей Арефьев дважды исполнял обязанности бурмистра – в 1703 г. в таможене, в 1707 г. у сбора таможенных пошлин. Арефьевым также принадлежал купленный крепостной работник.

Десятую деньги в размере 3,6 руб. платили оптовые торговцы хлебом к портам А.И.Монин и братья Иван, Алексей,

Семен и Иван Янковские. Интересно, что братья Янковские являлись владельцами нескольких лавок: лавки в Москательном ряду, лавки на площади у земской избы, лавки в Рыбном ряду, лавки и половины лавки в Большом ряду и трети лавки в Овсяном ряду. Лавки в Большом и Овсяном рядах, а также на площади у земской избы сдавались хозяевами в аренду, остальные использовались для хранения провиантского хлеба.

3 руб. в качестве налога выплачивали братья Михаил, Гаврила, Семен и Петр Вагины – обладатели 2 дворов в посаде. Кроме оптовой торговли хлебом, доставляемым ими в Новгород, Вагины занимались торговлей пенькой в Твери и уезде, а также солодоращением. Им принадлежало 6 лавок в Свечном, Кладовом, Мясном и Горшечном рядах и кладовой амбар на Благовещенской площади. Старший брат Михаил Вагин в 1707 г. служил земским бурмистром.

Еще один земский бурмистр и оптовый торговец Г.Ф.Седов, занимавшийся торговлей хлебом и пеньки в Твери, Новгороде и Санкт-Петербурге, платил десятую деньгу в размере 2,6 руб.; оптовые торговцы хлебом в портах и замками тверского производства в Москве братья Кирилл и Иван Максимова – 2 руб.

Среди розничных торговцев наиболее заметны фигуры И.М.Вагина и А.И.Горецкого. Скупщик пеньки и лавочный торговец мелочным товаром И.М.Вагин владел двумя дворами, 2 лавками (заняты провиантским хлебом) и половиной лавки, 2 кладовыми амбарами. Уплачиваемый им размер десятой деньги составлял 3 руб. Скупщик пеньки, меда и кож земский бурмистр А.И.Горецкий платил десятую деньгу в размере 2,8 руб. Кроме скупки Андрей Иванович занимался лавочной торговлей мелочным и москательным товаром. Ему принадлежали 2 лавки в Большом ряду и на площади у земской избы, 2 половины лавок в Мясном и Овсяном рядах, а также мельница.

О принадлежности торговцев к наиболее уважаемым людям Твери говорит и тот факт, что шестеро оптовиков (М.Г.Арефьев, М.М.Вагин, В.А.Волочанинов, И.А.Кобелев, И.Я.Максимов и Г.Ф. Седов) и 12 торговцев в розницу (К.Ф.Борисов, И.М.Ва-

гин, К.Ф.Ворошилов, А.И.Горецкий, А.Д.Долгова, Г.П.Долгов, А.И.Дураков, Г.Н.Капустин, И.Ф.Кобылин, И.Н.Козин, Ф.И.Пирогов и П.Г.Скобников) в разное время занимали важные посты в городском управлении – исполняли обязанности бурмистров.

Из 123 семей (100%) горожан, сочетавших торговую деятельность с ремесленным производством, размер десятой деньги указан для 115 семей, при этом 3 семьи тягла не платили. Десятую деньги в размере более рубля выплачивали представители 12 семей (9,8%); от 0,51 до 1 руб. – 55 семей (44,7%); от 0,01 до 0,5 руб. – 48 семей (39%).

Десятую деньги в размере более 1 руб. платили 3 из 12 семей солодовников, 4 из 22 семей обрядчиков скота, 4 из 42 семей хлебников и 1 производитель «сережного камня».

Солодовники братья Никита, Иван, Федор и Петр Тюльпины, И.В.Вахонин и И.Г.Слепнев выплачивали десятую деньги в размере 1,8, 1,4 и 1,2 руб. соответственно. Братьям Тюльпиным принадлежали 2 лавки в Солодовом и Овсяном рядах, в которых они вели торговлю солодом собственного производства, а также занимались скупкой и лавочной торговлей овсом; бурмистр и И.В.Вахонин – владелец 2 лавок в Солодовом ряду, кроме производства и торговли солодом занимался скупкой и продажей пеньки; И.Г.Слепневу принадлежала 1 лавка в Большом ряду.

Размер десятой деньги, уплачиваемой обрядчиком скота И.С.Барановым, составлял 1,8 руб., Г.И.Нечаевым и П.Я.Кафтановым – по 1,4 руб., братьями Кириллом и Ефимом Барановыми – 1,2 руб. Все вышеназванные лица являлись владельцами лавок. На их фоне выделяется Г.И.Нечаев, которому принадлежали 2 лавки в Овсяном и Мясном рядах, где он торговал мясом; в 1703 г. обрядчик служил бурмистром в земской избе, в 1706 г. бурмистром на кружечном дворе.

1,2 руб. выплачивали хлебники и калачники Ф.В. Зубчанинов, С.Ф.Спилов, вдова Василия Родионова – Авдотья; 1,1 руб. – Ф.К.Зубчанинов. Все они являлись владельцами лавок, а вдова А.Родионова – 2 лавок. Кроме выпечки и лавочной торговли хлебом и калачами Ф.В.Зубчанинов барышничал ло-

шадьми; Ф.К.Зубчанинов торговал рыбой, а также скупал пеньку в уезде; С.Ф.Спилов занимался лавочной торговлей свечами, ладаном и мылом.

Десятую деньгу в размере 1,2 руб. платил производитель «сережного камня» А.К.Погуткин. Столь высокие доходы этого ремесленника объясняются тем, что, не имея собственных торговых помещений в городе, свой товар он реализовывал в Москве.

Таким образом, сведения, сообщаемые переписной книгой о размерах десятой деньги, уплачиваемой населением тверского посада фактически с доходов от ведения предпринимательской деятельности, позволяют исследователю провести четкую дифференциацию и разделить горожан на «лучших», «средних» и «молодых» в зависимости от размера их доходов. Так, среди городского населения наиболее состоятельными, безусловно, являлись торговцы. На их долю приходилось наибольшее число лиц, плативших десятую деньгу, размер которой превышал 1 руб. Как правило, это оптовые торговцы, владевшие несколькими торговыми помещениями в черте города. Среди ремесленников-торговцев наиболее зажиточными являлись те посадские, кто, кроме лавочной торговли продукцией собственного производства, занимались скупкой и продажей товаров других наименований.

В заключении данной статьи попытаемся ответить на вопрос – какая группа или группы населения тверского посада первого десятилетия XVIII в. могут быть названы «купечеством»? Основываясь на материалах переписной книги г. Твери 1709 г., нами было выбрано 3 критерия, позволяющих определить состав «купечества»: 1) занятия или профессиональная принадлежность посадского жителя, 2) наличие торговых, складских и производственных помещений в черте города, 3) размер десятой деньги.

В результате проведенного исследования удалось установить, что среди групп посадского населения, выделенных по профессиональному признаку, наибольшее количество стационарных торговых, складских и производственных помещений принадлежало представителям двух групп горожан – торгов-

цам и лицам, сочетавшим ремесленное производство с систематической торговой деятельностью. Интересно, что на их долю приходилось порядка 60% всех торговых точек города, что говорит в пользу того, что торговые операции осуществлялись названными группами лиц систематически, независимо от того, называется ли торговля основным и единственным занятием или она велась наравне с другими видами деятельности.

Анализ размеров десятой деньги, выплачиваемой горожанами, показал, что наиболее состоятельными среди жителей тверского посада являлись представители все тех же двух групп населения – торговцев и граждан, одновременно владевших ремеслом и занимавшихся торговой деятельностью. Так, наибольший процент лиц, платящих десятую деньги в размере более 1 руб., приходился на торговцев (30 семей – 62,5% от общего числа платящих налог такого размера); от 0,51 до 1 руб. – на горожан, сочетавших ремесленное производство с торговой деятельностью (55 семей – 36,4% от общего числа платящих налог такого размера).

Данные наблюдения позволили нам предположить, что в состав формирующейся социальной группы «купечества» должны быть включены представители двух выделенных нами в тверском посаде групп населения – лиц, чьим основным занятием переписная книга называет торговлю, и горожан, которые сочетали систематические занятия торговой деятельностью с ремесленным производством.

Для того, чтобы убедиться в правильности наших предположений, проведем сравнительный анализ данных переписной книги 1709 г. о горожанах, занимавшихся торговой деятельностью, и сведений, сообщаемых первой подушной переписи населения 1722-1727 гг. о тверском купечестве.

Первая подушная перепись населения Твери в отличие от переписной книги выносит купечество в отдельную категорию горожан, подразделяя на «главное тверское купечество, которое имеет торги и промыслы от тысяч до ста рублей» – 31 семья, купечество средней – 13 семей и меньшей статей – 222 семьи. Купечество всех трех статей было представлено 266 семьями.

Проведя пофамильный анализ двух источников, удалось установить, что из 110 семей (100%) жителей тверского посада, основным занятием которых переписная книга 1709 г. называет торговлю, представители 81 семьи (73,6 %) числились среди купечества г. Твери 20-х гг. XVIII в., из них: 18 семей отнесено к первостатейному купечеству, 4 семьи к купечеству средней и 59 семей к купечеству меньшей статей. В их число вошли 17 из 18 торговцев-оптовиков и 64 из 92 торговцев в розницу. Представители 29 семей (26,3%), не попавшие в число купечества, числились среди следующих социальных групп: 5 семей ремесленников, 9 семей чернорабочих, 1 семья среди занимавшихся «письменной работой», судьбу представителей 14 семей установить не удалось (по всей вероятности, подавляющее большинство из них следует отнести к числу умерших)³¹. Большую часть торговцев, не вошедших в число купцов 20-х гг. XVIII в., составляют торговцы мелочью в городе и уезде – 14 семей.

Немного меньший процент числящихся в купечестве в 20-е гг. XVIII в. приходится на горожан, сочетавших в 1709 г. занятия ремеслом с систематической торговой деятельностью. Так, из 123 семей (100%) торговцев-ремесленников первая подушная перепись населения 1722-1727 гг. отнесла к купечеству представителей 54 семей (43,9%), из них: 2 семьи к первостатейному купечеству, 4 семьи к купечеству средней и 48 семей – меньшей статей. В их число вошли 11 из 12 солодовников, 17 из 22 обрядчиков скота, 3 из 4 шапочников, 3 из 5 сапожников и пр. Представители 69 семей (56,1%), не попавшие в число купечества, числились среди следующих социальных групп: 36 семей среди ремесленников, 14 семей среди чернорабочих, 1 семья среди занимавшихся «письменной работой», 1 семья среди занимавшихся извозом; судьбу представителей 18 семей установить не удалось. Большую часть торговцев-ремесленников, не вошедших в число купцов 20-х гг. XVIII в., составляют хлебники и калачники – 29 семей, кожевенники – 7 семей, крашенинники – 4 семьи, серебряники – 4 семьи.

Таким образом, пофамильный анализ материалов переписной книги 1709 г. и первой подушной переписи населения

1722-1727 гг. показывает, что тверское купечество 20-х гг. XVIII в. составили выходцы из: торговцев (117 семей – 44% трехстатейного купечества), торговцев-ремесленников (68 семей – 25,6%), ремесленников (23 семьи – 8,6%), посадских, не платящих налогов (15 семей – 5,6%), чернорабочих (11 семей – 4,1%), посадских, чьи занятия в переписной книге не обозначены (10 семей – 3,8%), бывших кирпичников (10 семей – 3,75%), посадских, чьи занятия трудно отнести к какой-либо из вышеперечисленных групп (2 семьи – 0,8%) и лиц, чье происхождение определить не удалось (10 семей – 3,75%).

Цифры свидетельствуют о том, что выходцы из семей торговцев и лиц, сочетавших торговую деятельность с ремеслом, составили большую часть купечества 20-х гг. XVIII в – 69,5% (185 семей). Из их числа полностью состояла средняя статья купечества (13 семей), на 83,8% главная (26 семей) и на 65,8% меньшая статьи (146 семей).

Данные наблюдения подтверждают наше предположение о том, что в процессе формирования «купечества» в его состав вошли не только торговцы, но и значительная часть выделенной нами среди посадского населения группы торговцев-ремесленников – горожан, сочетавших ремесленное производство с розничной торговлей товарами, как правило, собственного производства. Поэтому вывод Х.Д.Сориной о том, что тверское купечество начала XVIII в. составляли исключительно торговцы, на наш взгляд, следует считать ошибочным.

Однако, следует признать, что провести четкую грань между скупщиками, торговцами и товаропроизводителями не всегда представляется возможным в связи с тем, что довольно часто посадские жители занимались одновременно несколькими видами деятельности. Так, среди торговцев-оптовиков встречались лица, занимавшиеся ремесленным производством, среди торговцев мелочью – чернорабочие; ремесленники реализовывали на рынке не только продукцию собственного производства, но занимались скупкой и дальнейшей перепродажей товаров; торговыми заведениями владеют ремесленники, кирпичники и чернорабочие, а крупные оптовики их не имеют; размер десятой деньги, превышающий 1 руб., выплачивали не

только лица, систематически занимавшиеся торговлей, но даже ремесленники и чернорабочие, в то время как двое торговцев были освобождены от уплаты налогов по причине бедности.

Данное обстоятельство еще раз свидетельствует в пользу того, что в начале XVIII в. активно шел процесс формирования нового торгового сословия – «купечества», в состав которого вошли как крупные торговцы-оптовики, ведущие торг к портам, так средние и мелкие лавочники, торговавшие в розницу, торговцы-товаропроизводители и даже лица, «за бедностью» освобожденные от уплаты налогов.

¹ *Сторожев В.Н.* Дозорная книга города Твери 1616. Введение // Дозорная книга города Твери. Тверь, 1890. С. 6.

² *Карманов Д.* Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893. С. 101.

³ Там же. С. 102.

⁴ *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 89.

⁵ *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России, первая четверть XVIII в. М., 1994. С. 67-68.

⁶ *Сорина Х.Д.* Социально-экономическая история г. Твери в начале XVIII в. // Ученые записки / КГПИ. 1956. Т. 19, вып. 1. С. 104.

⁷ *Клокман Ю.Р.* Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960. С. 42.

⁸ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1734.

⁹ ПСЗ-1. Т. IV. № 2076.

¹⁰ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 235. Л. 1.

¹¹ Выше уже отмечалось, что первые 19 листов книги не сохранились, поэтому количество жителей тверского кремля подсчитано только по сохранившимся описаниям и является заниженным.

¹² ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1734. Л. 279 об.

¹³ Интересен тот факт, что в книге имеется копия Жалованной грамоты Петра I тверским записным каменщикам и кирпичникам от 9 сентября 1699 г., которая запрещала «пятой и десятой и поворотных и рублевых и полтинных и всяких и полонянничных денег и никаких податей в посад имать с них и обид и налог им чинить» (см.: Там же. Л. 557).

¹⁴ Там же. Л. 38 об.

¹⁵ Там же. Л. 39 об.

¹⁶ *Сорина Х.Д.* Социально-экономическая история г. Твери... С. 101-123; *Она же.* К вопросу о процессе социального расслоения горо-

- да в связи с формированием капиталистических отношений в России (г. Тверь). // Ученые записки / КГПИ. Т. 38. 1964. С. 281-300.
- ¹⁷ *Сорина Х.Д.* Социально-экономическая история г. Твери... С. 105.
- ¹⁸ *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. М., 1999. С. 6.
- ¹⁹ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 2. М., 1954. С. 118-119.
- ²⁰ *Голикова Н.Б.* К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. // Русский город. Вып. 3. М., 1980. С. 41-42.
- ²¹ *Козлова Н.В.* Указ. соч. С. 6-7.
- ²² *Волков М.Я.* Формирование городской буржуазии в России в XVII-XVIII вв. // Города феодальной России. М., 1966. С. 183, 192-193.
- ²³ *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 39-44.
- ²⁴ Исключение составляют А.К.Баженов, братья Михаил, Гаврила, Семен и Петр Вагины, братья Василий и Степан Ветошниковы, И.И.Зубчанинов, Д.М.Корчагин и И.И.Пирогов, сочетавшие торговлю с другими видами деятельности.
- ²⁵ Х.Д.Сорина ошибочно называет Янковских братьями Васильевыми – см.: *Сорина Х.Д.* Социально-экономическая история г. Твери... С. 109.
- ²⁶ Данную группу Х.Д.Сорина не выделяла в отдельную категорию посадского населения, отнеся ее к числу ремесленников.
- ²⁷ ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1734. Л. 551
- ²⁸ *Мерзон А.Ц.* Писцовые и переписные книги XV-XVII веков. М., 1956. С. 17.
- ²⁹ *Лаппо-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 73.
- ³⁰ *Кизеветтер А.А.* Указ. соч. С. 368.
- ³¹ В материалах первой подушной переписи населения ни данные лица, ни их потомки не числятся. Установить же причину «выбытия» не представляется возможным, т.к. особенностью первой подушной переписи является фиксация населения, проживавшего в городе только на момент составления документа.

ИСТОЧНИКИ О ШТАТАХ ПРИСУТСТВЕННЫХ МЕСТ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ СЕРЕДИНЫ XIX в.

Одним из важнейших вопросов изучения российского чиновничества является установление его общей численности. Историческая наука уже располагает сводными данными о числе чиновников в предреформенные годы. Так, по подсчетам П.А.Зайончковского, полученным на основе анализа данных, содержащихся в отчетах Инспекторского департамента гражданского ведомства, в России в 1847 г. насчитывалось 61548 классных чиновников, в 1851 – 74330, а в 1857 г. с учетом «отставных военных чинов» (4073 человека) – 90139¹. О численности чиновничества местного звена (губернского, уездного, городского), являвшегося беспрекословным проводником решений верховной власти на местах, с которым повседневно соприкасались огромные массы обывателей, таких сведений не имеется.

Определение численности местного аппарата управления и динамики ее изменения осложнено неразработанностью источниковой базы, отсутствием достоверно точных данных о служащих разных ведомств и рангов. В этом направлении исследователи делают только первые шаги².

В данной статье сделана попытка выявить источникивые потенции (полнота, информативность, достоверность) различных по происхождению и значению архивных и опубликованных документов для определения численности личного состава московских губернских, уездных и городских учреждений середины XIX в.

Источники, содержащие сведения о личном составе служащих местных учреждений столичной губернии за рассматриваемый период, можно разделить на четыре основные группы: 1) справочные издания; 2) штаты местных учреждений; 3) печатные списки должностных лиц губернского и уездного

управлений; 4) учетные материалы официального делопроизводства.

Перейдем к рассмотрению каждой из этих групп источников.

Первую группу образуют официальные списки гражданским чинам различных классов (с четвертого по восьмой включительно). Например, «Список гражданским чинам первых IV классов», издававшийся в 1842-1845, 1851-1858 гг., «Список гражданским чинам пятого класса» (1843, 1847, 1849, 1851, 1853, 1855-1858 гг.), «Список гражданским чинам восьмого класса» (1847-1849, 1851-1853, 1855-1858 гг.) и т.д. В списках помещены лица, имеющие чин соответствующего класса. В них указывались: фамилия, имя, отчество, должность служащего, сведения о прохождении службы (с датами, чинами), размерах получаемого содержания (все виды довольствия), наградах (русских и иностранных орденах, медалях, подарках и пр.), наличие недвижимой собственности, отмечаются случаи пребывания под судом или следствием³. К спискам гражданским чинам примыкают «Списки высшим чинам государственного губернского и епархиального управления», издававшиеся в 1832–1837, 1839–1916 гг.⁴, включающие краткие сведения (фамилия, имя, отчество, придворное звание, титул, чин, должность) о высших должностных лицах местного управления (генерал-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы, губернские прокуроры, губернские предводители дворянства, председатели судебных палат, управляющие палатами госимущества, председатели казенных палат и т.д.), и нерегулярно выходившие справочники о личном составе того или иного министерства, например, «Список членам Министерства государственных имуществ» (Ч. 2. СПб., 1843), «Список членам Правительствующего сената и Министерства юстиции» (СПб., 1842), в которых имеются сведения о чине, имени, отчестве, фамилии, должности, прохождении службы, вероисповедании, семейном положении, образовании чиновников центрального и местного аппарата управления⁵.

Списки гражданским чинам различных классов и ведомств содержат сведения, которые в некоторых случаях являются незаменимым источником для биографических и генеалогических разысканий. Однако приходится констатировать, что информация об основной массе чиновников и лицах, занимавших канцелярские должности, стоявших вне Табели о рангах (копиисты, протоколисты, канцеляристы, регистраторы, писцы и т.п.), составлявшие весомую часть служащих местных канцелярий, в этих источниках отсутствует.

Другим официальным справочным источником по личному составу центральных и местных учреждений являются адрес-календари, издававшиеся канцелярией Академии наук с 1765 г.⁶ Адрес-календарь состоит из двух частей. В первой – приведены сведения о составе высших и центральных правительственных учреждений, во второй – о местной администрации. Публикуемые в адрес-календарях на 1 января лапидарные сведения о чиновниках местных учреждений (должность, чин, имя, отчество, фамилия) основывались на автономно собираемых и присылаемых непосредственно с мест в конце года списках. Поскольку поступающая из местных присутствий первичная информация в дальнейшем не подвергалась проверке, содержащиеся в ней неточности, как и неполнота сообщаемых сведений, переходили и в справочное издание. Неполнота данных – основной недостаток справочника. Например, П.А.Зайончковский, сравнив численность чиновничества на 1 января 1851 г. по адрес-календарю (ч. 1, 2) с отчетом Инспекторского департамента за 1850 г., пришел к выводу, что в нем отражено вдвое меньше чиновных лиц, чем в официальном отчете⁷.

Попытаемся на основе анализа адрес-календаря на 1854 г.⁸ выяснить, насколько полно в нем отражена численность чиновников некоторых учреждений столицы. Так, по справочнику в канцелярии военного генерал-губернатора числилось 43 человека, в канцелярии гражданского губернатора – 8, в губернском правлении – 15, в палатах – казенной и госимуществ – по 9, в канцелярии губернского прокурора – 4⁹. По штатам в этих учреждениях предусматривалось соответственно: 45, 21, 58, 136, 55 и 11 человек¹⁰. Таким образом, по адрес-

календарю в названных учреждениях насчитывалось всего 88 человек, в то время как по штатам – 326, т.е. в 3,7 раза больше.

Неполнота адрес-календарей объясняется тем, что их составители вносили в справочник сведения о лицах, занимавших лишь табельные должности в местных учреждениях (губернатор, вице-губернатор, председатели и управляющие губернских палат, губернские прокуроры, стряпчие, землемеры, советники, ассессоры, чиновники особых поручений, секретари, столоначальники, казначеи, контролеры, переводчики, журналисты и т.п.). Данные о более широких слоях чиновничества, а тем более канцелярских чиновниках и служащих в справочнике не приводятся. Близкие, на первый взгляд, к показателям штатов цифры адрес-календарь содержит по канцелярии московского военного генерал-губернатора. Согласно справочнику в ней было занято 43 человека (по штату – 45). Однако при скрупулезном рассмотрении выяснилось, что в это число включены и чиновники, служившие сверх штата. Так, по штатам в этой канцелярии полагалось 5 чиновников особых поручений¹¹, а по адрес-календарю их значится почти в 6 раз больше – 27¹². В то же время справочник не упоминает чиновников, состоявших на должностях, указанных в штатном расписании, – помощников контролера, журналиста, переводчика, казначея, столоначальников и т.п. В адрес-календаре значится всего 19 чиновников, занимавших должности, предусмотренные штатами учреждений.

Таким образом, сопоставление помещенных в адрес-календаре сведений о численности отдельных присутствий с показателями штатных расписаний со всей очевидностью свидетельствует о неполноте и малоинформативности справочного издания в отражении численности местной администрации. Следовательно, адрес-календари, как и охарактеризованные выше официальные списки гражданским чинам, не могут служить основным источником для выяснения численности местных столичных присутствий в изучаемое время.

Перейдем к характеристике второй группы источников – штатов местных учреждений. Среди исследователей россий-

ской бюрократии XVIII и первой половины XIX в. утвердилось мнение о непригодности этого источника ввиду его недостоверности для определения реальной численности личного состава местного государственного аппарата¹³.

При знакомстве с действовавшими в дореформенный период штатами некоторых учреждений (канцелярий военного генерал-губернатора, гражданского губернатора, губернского правления, казенной палаты, палаты госимуществ и др.)¹⁴ бросается в глаза их неполнота в отражении числа мелких чиновников и особенно служащих, не имевших классов чинов, находившихся на самых низших ступенях служебной иерархической лестницы, выполнявших, так сказать, «техническую роль» – копиисты, протоколисты, канцеляристы и т.д., без которых не могло функционировать ни одно учреждение. Отсутствие в штатах местных учреждений точных данных о численности канцелярских служащих свидетельствует о том, что законодатель предоставлял право самим присутственным местам, с учетом их канцелярских потребностей, принимать на службу то или иное количество работников, при условии не превышать установленной штатами суммы расходов на их содержание. Так, в примечании к расписанию окладов для чинов казенных палат, высочайше утвержденном 2 июля 1848 г., было в частности, замечено: «Число писцов по сему расписанию не положено, а назначены на них, по каждому отделению общие суммы, распределение их по отделениям и столам по мере необходимой надобности. Также назначение им содержания по трудам и способностям, возлагается на управляющих отделениями, с утверждения казенной палаты, под непосредственной их ответственностью, не выходя, однако, из общей суммы, положенной для этого на каждое отделение»¹⁵.

Проиллюстрируем неполноту показателей штатных расписаний на конкретном фактическом материале. Так, в канцелярии московского военного генерал-губернатора штатами было определено, как уже говорилось выше, 45 человек (в том числе 7 писцов высшего разряда, 4 среднего и 3 низшего), а по формулярным спискам в этом учреждении в 1853 г. числилось 103 (из них 40 служили на штатных должностях, трое – не значив-

шие по штату, являлись служащими секретного отделения, остальные занимали должности сверх штата – 20 чиновников и 40 канцеляристов)¹⁶, т.е. в 2,3 раза больше; в канцелярии гражданского губернатора соответственно 21¹⁷ и 61 (1854 г.)¹⁸, т.е. в 2,9 раза. В казенной палате по штатам полагалось 136 служащих (в том числе 70 канцелярских служащих)¹⁹. По формулярным спискам 1853 г. в ней насчитывалось 162 человека²⁰ (из них 82 канцеляриста), а по официальным учетным данным в том же году – 195²¹, т.е. в 1,4 раза больше, чем предусматривалось штатами. В палате госимущества по штатам было положено 55 человек (из них 19 писцов)²². По официальным сведениям, в этом учреждении в 1853 г. занимали классные и канцелярские должности 68 человек²³, т.е. в 1,2 раза больше.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ количества служащих основных губернских учреждений, на которых имеются формулярные списки с их штатной численностью, позволяет прийти к главному выводу: штаты, хотя и дают представление о структуре местных учреждений, номенклатуре табельных должностей и расходах государства на содержание управленческого аппарата в целом, не могут служить достоверным и информативным источником для выяснения фактической численности личного состава местных учреждений в предреформенное время.

Следующую группу источников, содержащих справочные сведения о личном составе местных учреждений различных ведомств, составляют издававшиеся в регионах списки должностных лиц. Перечень, библиографическое описание и краткая характеристика (структура сведений, ведомственный и территориальный охват и т.п.) выявленных в центральных и региональных архивах и библиотеках страны списков губернских служащих приведены в специальном библиографическом указателе, подготовленном А.И.Раздорским²⁴. В нем учтено 146 списков должностных лиц, изданных в 26 губерниях и 2 областях (преимущественно Европейской части страны) за период – с первой половины 40-х годов XIX в. по 1908 г.²⁵

Списки должностных лиц, получившие различные названия («Список гражданским чиновникам...», «Список служащих...»),

«Краткий список лиц...», «Общий состав управления...», «Список должностных лиц...» и т.д. и т.п.) издавались как адресные книги (материал о личном составе располагался по ведомствам, внутри ведомств – по старшинству чинов и должностей с обозначением вакансий) по инициативе губернских властей (издание не регламентировалось российским законодательством) для внутригубернского использования, чтобы удовлетворить в информации о местных деятелях высшего и среднего звена служебные запросы присутственных мест, а также (если принять к сведению указание в части выпусков их продажной цены) для ознакомления обывателей губернии с руководящим составом органов местного управления.

В списках губернским чинам обнаружился обязательный минимум информации о лицах, состоявших на службе в губернских, уездных и городских присутствиях: имя, отчество, фамилия, чин, придворное звание, титул, должность. В редких случаях сообщались сведения о наградах, вероисповедании, сословной принадлежности, образовании, размере денежного содержания, семейном положении, датах вступления в службу, в должность, получения чина²⁶. Эти сведения даны о должностных лицах местных учреждений только гражданского или всех (гражданского, военного и духовного) ведомств. Одна из главных отличительных особенностей рассматриваемых губернских справочников – отсутствие в большей их части информации об издателях, датах собирания публикуемых сведений, указаний на место и год издания.

В указателе учтено четыре печатных списка служащих московских присутственных мест, носящих одинаковое заглавие: «Список должностным лицам губернских и уездных управлений Московской губернии» (далее: «Список...»), датированные составителем 1841, 1843–1844, 1846–1848 и 1850–1851 гг.²⁷

Перейдем к более подробной характеристике названного источника. Ввиду того, что московские «Списки...» аккумулируют однородную информацию, идентичны по структуре и оформлению, мы ограничимся анализом только одного – последнего выпуска. При этом постараемся ответить на главный возникающий вопрос: насколько полно этот источник отражает

структуру и численность местных органов управления столичной губернии. Вначале уточним датировку «Списка...». А.И.Раздорский считает, что он был составлен «не ранее конца 1850 г. и не позднее начала 1851 г.»²⁸. На основании сведений, содержащихся в формулярных списках двух значившихся в справочнике чиновников – ассессора губернского правления Л.И.Арнольди и заседателя уголовной палаты С.С.Чистякова²⁹, удалось установить, что его составление имело место не ранее 25 января и не позднее 4 апреля 1850 г.³⁰

В «Списке...» помещены сведения о служащих (фамилия, имя, отчество, должность³¹, чин, придворное звание, титул), числившихся по гражданскому ведомству в 16 губернских (канцелярии гражданского губернатора, губернского прокурора, губернское правление, казенная палата, палата госимуществ, палаты гражданского (1–2-й департаменты) и уголовного суда, совестный суд, приказ общественного призрения, медицинская контора, дворянское депутатское собрание, строительная и дорожная комиссия, комиссия народного продовольствия, статистический комитет, оспенный комитет, удельная контора), в 30 уездных (московское, дмитровское, рузское, можайское, серпуховское окружные управления госимуществ, суды) и в 85 городских (городнические правления, думы, магистраты, включая московские присутствия – полицию, управу благочиния, надворный суд (1–3-й департаменты), шестигласную думу, Дом московского городского общества по купеческому и мещанскому отделениям, сиротский суд, коммерческий суд³², ремесленная управа) учреждениях. Кроме того, имеются сведения о служащих присутственных мест Воскресенского, Сергиевского (городская дума, ратуша), Павловского (ратуша) посадов и других должностных лицах уездного (предводители дворянства, стряпчие, казначеи, врачи, землемеры, соляные и винные приставы) и административно-полицейского посадского (смотритель полицейской части, управляющий пристав) управления. В справочнике приведены сведения как о коронных чиновниках, так и лицах, занимавших руководящие выборные должности по общему судебному (председатели, заседатели губернских судебных палат, уездных

судов, ратманы, бургомистры городских магистратов и ратуш), городскому (городские головы), дворянскому корпоративному (губернский, уездные предводители дворянства, губернские депутаты, секретарь) управлению. Данные о чиновниках низшего звена и канцелярских служителях по учреждениям всех ведомств в справочнике отсутствуют.

По «Списку...» в губернских учреждениях значится 170 человек; в уездных – 286 (из них в присутствиях Московского уезда – 34, Богородского – 20, Бронницкого – 19, Верейского – 18, Волоколамского – 20, Дмитровского – 24, Звенигородского – 20, Клинского – 20, Коломенского – 19, Можайского – 23, Подольского – 19, Рузского – 24, Серпуховского – 26); в городских – 249 (в Москве – 94, в Богородске – 11, в Бронницах – 10, в Верее – 11, в Волоколамске – 11, в Дмитрове – 10, в Звенигороде – 11, в Клину – 11, в Коломне – 11, в Можайске – 10, в Подольске – 11, в Рузе – 11, в Серпухове – 12, в Воскресенском посаде – 5, в Павловском посаде – 8, в Сергиевском посаде – 12). Таким образом, всего по «Списку...» в местных учреждениях различных ведомств на конец января – начало апреля 1850 г. насчитывалось 705 человек.

Для оценки полноты анализируемого справочного источника приведем содержащиеся в нем сведения о численности важнейших учреждений губернского звена. Так, в канцелярии губернатора, возглавлявшего административное управление губернией, числилось 14 человек (правитель, его помощники, чиновники особых поручений, чиновник для доклада уголовных дел и т.д.), в губернском правлении – 38 (вице-губернатор, советники, столоничальники, ассессор, помощники ст. секретаря, экзекутор, казначей, архивариус, начальник газетного стола, регистратор и т.д.), в казенной палате – 21 (председатель, советники, контролеры, ассессоры, чиновники для особых поручений, секретарь и т.д.), в палате госимуществ – 12 (управляющий, советники, ассессоры, делопроизводители, стряпчий, землемер, гражданский инженер и т.д.), в уголовной палате – 10 (товарищ председателя, советник, заседатели от дворянства, купечества, секретари, экзекутор), в палате гражданского суда: в 1-м департаменте – 8 (председатель, товарищ председателя,

заседатели от дворянства, купечества, секретари), во 2-м – 9 (товарищ председателя, заседатели от дворянства, купечества, секретари, казначей), в канцелярии губернского прокурора – 5 (прокурор, стряпчие казенных, уголовных, следственных дел, письмоводитель)³³.

Сопоставление включенных в «Список...» показателей численности персонала губернских учреждений с имеющимся количеством формулярных списков чиновников этих присутствий за 1851 г. дает совершенно иную картину. Так, согласно формулярным спискам, на службе в казенной палате состояло 162 человека³⁴, т.е. в 7,7 раза больше, чем значится в «Списке...»; в палате госимуществ – 41³⁵, в 3,4 раза; в уголовной палате – 46³⁶, в 4,6 раза; в палате гражданского суда (1–2-й департаменты) – 140³⁷, в 8,2 раза; в канцелярии губернского прокурора – 11³⁸, в 2,2 раза. Аналогичные лакуны имеются и в данных «Списка...» о личном составе уездных и городских присутствий.

Приведенные факты убедительно свидетельствуют, что содержащиеся в «Списке...» сведения о числе служащих местной столичной администрации не отличаются полнотой, поскольку охватывают только высший и средний уровни управления. Низшее звено чиновничества и канцелярские служители, т.е. технические исполнители, обслуживавшие делопроизводственные функции местного разветвленного аппарата управления, в справочнике оказались не учтенными. Неполнота анализируемого источника состоит также и в том, что в нем отсутствует информация о численности мелких присутствий: губернской посреднической и чертежной комиссий, канцелярии дворянских опеков, запасных хлебных магазинов, городских судебных учреждений (сиротские суды – кроме московского, словесные суды), а также главного надзирающего органа в столичной губернии – канцелярии военного генерал-губернатора.

Суммируя все вышеизложенное, можно смело утверждать, что «Списки должностным лицам губернских и уездных управлений Московской губернии», во-первых, содержат неполные сведения о личном составе местных столичных учреждений³⁹, а потому не позволяют определить реальную числен-

ность московского чиновничества, и, во-вторых, не дают до конца ясного и цельного представления о структуре местного управленческого аппарата столицы.

Последнюю, наибольшую по численности и самую информативную группу источников образует корпус делопроизводственных учетных документов, аккумулирующих статистические сведения о числе служащих местных органов власти и управления столичной губернии в конце 40-х – начале 50-х годов XIX в., отложившихся в фонде Канцелярии московского гражданского губернатора в ЦИАМ (Ф. 17). Важной особенностью этих официально-документальных материалов является то обстоятельство, что они формировались в самих учреждениях, т.е. являются аутентичным источником по изучаемой проблеме.

Выявленный комплекс архивных источников можно разделить на две однородные, но различающиеся по форме группы материалов, содержащих статистическую информацию о количестве служащих губернских, уездных и городских присутствий, сформированные делопроизводителями в две единицы хранения. Первая озаглавлена «Ведомости о числе штатных чиновников и канцелярских служащих присутственных мест г. Москвы»⁴⁰. Она объединяет первичные материалы, поступившие в канцелярию гражданского губернатора в 1849 г. из подчиненных губернских, уездных и городских присутствий, а также других, расположенных на территории города Москвы различных по профилю и характеру деятельности учреждений, включая московские департаменты Сената. Вторая содержит один единственный сводный учетный документ, имеющий название: «Ведомость о числе чиновников, служащих в Московской губернии за 1853 год»⁴¹.

Перейдем к анализу первой группы документов, содержащих данные о числе московских чиновников в 1849 г. Инициатива сбора сведений о чиновниках, служивших в различных присутственных местах Москвы и уезда, исходила от московского военного генерал-губернатора графа А.А.Закревского, который в своем отношении московскому гражданскому губернатору И.В.Капнисту от 9 августа 1849 г. потребовал «сделать соответствующее распоряжение о скорейшем доставлении

ему сведений о чиновниках присутственных мест только в столице находящихся»⁴². Поводом, побудившим Закревского проинформировать о московском чиновничестве, как можно предположить из текста документа, было принятое им ранее – 26 июля 1848 г., «предложение» об учреждении в Москве больницы для чиновников. До составления сметы и начала строительных работ генерал-губернатору, как главному начальнику губернии, были нужны сведения о численности служивших в Москве чиновников и о получаемом ими государственным окладным жалованье, отчисления от которого, он, по всей видимости, предполагал использовать для реализации проекта. Это косвенным образом подтверждает рапорт Московской провиантской комиссии губернатору Капнисту в ответ на его распоряжение от 12 сентября 1849 г. доставить сведения о служивших в комиссии чиновниках, датированный 20 сентября 1849 г. В рапорте, в частности, было замечено, что чиновники, состоящие в комиссии «...причислены к Военному министерству и в случае болезни их отправляются (так в тексте. – *В.И.*) на лечение в военные госпитали, на каковой предмет вычеты исключаются при самом ассигновании окладов, а потому комиссия не считает нужным доставить возможность, по прилагаемой при том отношении форме о числе чиновников и получаемом ими жалованье»⁴³.

О стремлении губернатора как можно быстрее выполнить поручение вышестоящего начальства (быстрота исполнения была высшим доказательством служебного рвения) говорит его донесение Закревскому от 20 августа 1849 г., в котором сообщалось, что требуемые сведения «собираются» и будут представлены⁴⁴. Однако первое распоряжение губернатора московским присутственным местам с требованием срочно представить в канцелярию необходимые сведения о чиновниках и получаемом ими окладным жалованье датировано 10 сентября 1849 г. В этот день предписание губернатора было отправлено в 1-й и 3-й департаменты надворного суда, шестигласную думу, 2-й департамент гражданского суда, Московский сиротский суд, Московский земский суд. В течение двух недель ана-

логичные предписания поступили в остальные присутственные места Москвы и Московского уезда. До конца сентября все учреждения, получившие предписания губернатора (кроме канцелярии военного генерал-губернатора), представили запрашиваемые сведения. Важно отметить оперативность большинства московских присутствий в доставлении сведений, которые были собраны, элементарно обработаны и представлены по назначению в течение нескольких дней. Временной интервал между датой, поставленной на отношении губернатора, разосланном в то или иное присутствие, и датой, стоящей на исходящем из него рапорте, обычно составлял 6-10 дней. Если учесть, что на доставку документов требовалось какое-то время и нередко служебная корреспонденция доставлялась по различным причинам (бюрократическим, техническим и т.п.) с опозданием (например, отношение губернатора в 3-й департамент надворного суда, датированное, как уже отмечалось, 10 сентября 1849 г., в канцелярии было зарегистрировано 19 сентября), то окажется, что подготовка требуемых сведений в канцеляриях проходила в кратчайшие сроки. Так, шестигласной думе на это потребовалось менее 13 дней, канцелярии 8-го департамента Сената – менее 10, дворцовой конторе – менее 8. Следует заметить, что быстрота доставления с мест сведений не зависела от количественного состава служивших в учреждениях чиновников, их ведомственной подчиненности и внутренней структуры. Так, управа благочиния, в которой числилось свыше четырехсот чиновников, и Московский государственный архив старых дел, в котором значилось всего три человека, сообщили сведения о количестве своих сотрудников и получаемом ими казенном жалованьи соответственно через 10 и 7 дней после получения предписания губернатора⁴⁵. В то же время канцелярии военного генерал-губернатора потребовалось полтора месяца на представление ведомости, в которой были перечислены только должности, значившиеся в штатах учреждения. Своевременное представление из учреждений запрашиваемой информации зависело от ряда факторов: правильной организации

делопроизводства в канцеляриях, знаний, личных способностей, профессионального опыта, умений и навыков служащих, приобретенных в течение многолетней канцелярской работы, отношения руководителей учреждений к исполнению запросов вышестоящего начальства и т.д.

В общей сложности цифровые данные о численном, а в редких случаях и персональном составе служащих, расходах государства на выплату жалованья классным чиновникам и канцеляристам поступили из более чем 70 учреждений, расположенных на территории города Москвы и уезда. Важно отметить, что сведения поступили не только из губернских, городских канцелярий, присутственных мест Московского уезда, но и находившихся в Москве высших государственных учреждений (департаменты Сената), учебных заведений (Московский университет, Константиновский межевой институт, Лазаревский институт восточных языков), архивов и других учреждений.

Каждое из учреждений представило в канцелярию губернатора два документа: рапорт, в котором сообщалось о выполнении предписания губернатора, и собственно ведомость, содержащую сведения о числившихся на службе классных чиновниках и канцеляристах. Формуляр ведомости включал две графы, имеющие следующие названия: 1) «Сколько чиновников, получающих жалованье по штату в год? Какое получают они жалованье? Самый большой и меньший оклад, не включая в то число столовых, квартирных или других каких-либо особых окладов» и 2) «Сколько чиновников и канцелярских служителей, получающих жалованье по заслугам в месяц? Самый большой и меньший оклад за последний месяц». В первую графу делопроизводителями вносились сведения о классных чиновниках, во вторую – о канцелярских чиновниках и служителях.

Остановимся подробнее на характеристике материалов, поступивших в канцелярию московского губернатора из учреждений, осуществлявших административно-полицейские, хозяйственно-финансовые и судебные функции на губернском, уездном и городском уровнях. Эти материалы содержат составленные в сухой, чиновничьей манере росписи должностей

с обозначением получаемого по каждой из них жалованья. Только в одном документе, составленном в приказе общественного призрения, мы заметили отступление от установленного правила и находим максимально полные сведения. В нем приведен поименный (фамилия, имя, отчество, чин, размер окладного жалованья) список служащих⁴⁶, который дает в целом близкое к действительности представление о количественном и персональном составе учреждения.

Перечень присутствий, доставивших в канцелярию губернатора во второй половине сентября – октябре 1849 г. данные о количестве служивших в них чиновников и канцеляристов, включает 23 учреждения. Сведения поступили из канцелярии военного губернатора, 10 губернских присутствий (губернское правление, дворянское депутатское собрание, комиссия народного продовольствия, казенная палата, приказ общественного призрения, палата госимуществ, палаты уголовного и гражданского суда, совестный суд, канцелярия губернского прокурора), 8 учреждений Москвы (канцелярия обер-полицмейстера, управа благочиния, городская полиция, шестигласная дума, городской магистрат, сиротский суд, коммерческий суд, надворный суд) и 4 присутствий Московского уезда (земский и уездный суды, канцелярия стряпчего, дворянская опека). Из этого перечисления нетрудно заметить отсутствие сведений о чиновниках, служивших в канцелярии губернатора, в некоторых учреждениях Московского уезда: казначействе, окружном управлении госимуществ, городническом правлении, городской думе и др. В целом можно констатировать, что перечень губернских, городских учреждений и присутствий Московского уезда, представивших статистические сведения о чиновниках, достаточно репрезентативен. Однако далеко не все учреждения сообщили исчерпывающую информацию. Требуемые сведения в полном объеме поступили из 1-го департамента палаты гражданского суда, Московского уездного суда, Московского земского суда, Московского городского магистрата, коммерческого суда, надворного суда, шестигласной думы. Примерно 2/3 учреждений представили неполные сведения, так сказать, с отступлением от формы, заданной предписанием гу-

бернатора. Так, в ведомостях, полученных из губернского правления и казенной палаты, не оказалось данных о канцелярских служителях. Суммарно даны сведения о канцелярских чиновниках и служителях в материалах, поступивших из 2-го департамента палаты гражданского суда, дворянского депутатского собрания, Московского сиротского суда, управы благочиния и городской полиции. Из шестигласной думы и Московского городского магистрата сведения поступили только о служащих канцелярий. Лица, занимавшие в этих органах выборные должности (гласные думы, бургомистры, ратманы городского магистрата), в ведомостях не значатся. Три присутствия (канцелярия военного генерал-губернатора, палата уголовного суда и Московская дворянская опека) представили сведения только о классных чиновниках.

Таковы, так сказать, видимые лакуны в корпусе поступивших с мест первичных учетных материалов, аккумулирующих статистическую информацию о разных категориях служащих местных учреждений столичной губернии середины XIX в.

В какой мере заключенные в ведомостях показатели отражают реальную численность служивших в учреждениях чиновников и канцелярских работников? Прежде, чем ответить на этот вопрос, вначале необходимо установить, откуда они были получены. Ближайшее ознакомление с содержанием материалов позволяет утверждать, что некоторые из них содержат сведения, заимствованные из штатов учреждений. Например, первая графа ведомости, поступившей из канцелярии военного генерал-губернатора, так и озаглавлена: «Чиновников, получающих жалованье по штату»⁴⁷. Аналогично название ведомости, представленной из палаты госимуществ: «О количестве получаемого по штату жалованья чиновниками <...>»⁴⁸. Примерно, тоже самое сказано в первой графе ведомости, доставленной из казенной палаты: «По штату высочайше утвержденному 2 июля 1848 г. положено в палате <...>»⁴⁹ Мы не будем далеки от истины, высказав предположение, что по данным штатных расписаний были составлены ведомости по крайней мере еще в двух канцеляриях: в палате уголовного суда и в Московской дворянской опеке. В пользу такого предпо-

ложения говорит факт отсутствия в ведомостях этих учреждений сведений о количестве канцеляристов, которое в части штатов никак не фиксировалось. Из сказанного следует, что ведомости, составленные делопроизводителями канцелярий на основании штатов, дают заниженное представление о количественном составе учреждений. Это наблюдение подтверждает, в частности, сопоставление содержащихся в ведомости итогов по некоторым учреждениям с количеством служащих, учтенных по ретроспективной информации, извлеченной из формулярных списков. Так, в 1849 г. по формулярным спискам 1853 г. в канцелярии военного генерал-губернатора числилось 12 канцелярских работников⁵⁰, в палате госимуществ – 7⁵¹, в палате уголовного суда (по послужным спискам 1851 г.) – 13⁵². В казенной палате в 1849 г. (по формулярам 1850 г.) на службе состояло не 86 человек, как значится в учетной ведомости, а 103⁵³, в канцелярии дворянского депутатского собрания (по послужным спискам 1851 г.) – не 20 человек, а 31⁵⁴. Здесь важно заметить, что из-за высокой мобильности кадрового состава местных присутствий, перемещения служащих из одного учреждения в другое, мы не располагаем весомой частью послужных списков чиновников и канцеляристов за интересующий нас период. Это позволило бы точнее определить лакуны учетных ведомостей в отражении численности состава московских присутствий.

В целом, оценивая содержащийся в учетных ведомостях статистический материал, можно прийти к выводу, что в нашем распоряжении, несмотря на очевидные пробелы по отдельным учреждениям в показателях о числе канцелярских чиновников и служителей, имеются характеризующиеся допустимыми пределами неточности сводные данные о численности 16 из 23 местных столичных учреждений: 5 губернских (палата госимуществ, палата уголовного суда, палата гражданского суда (1-й департамент), приказ общественного призрения, канцелярия губернского прокурора), 8 городских и 3 московских уездных (суды, канцелярия стряпчего). Как выяснилось, по 7 учреждениям (канцелярия военного генерал-губернатора, губернское правление, казенная палата, палата гражданского суда

(2-й департамент), совестный суд, комиссия народного продовольствия, Московская дворянская опека и канцелярия дворянского депутатского собрания) показатели ведомостей являются заниженными в отражении общего числа служивших в них чиновников и канцеляристов. Наше наблюдение подтверждают и дополняют аналогичные статистические материалы другого источника – «Ведомости о числе чиновников, служащих в Московской губернии за 1853 год» (далее: «Ведомость...»), к анализу которого мы сейчас и перейдем.

«Ведомость...» представляет собой составленную на 12 листах итоговую сводку статистически обработанных чиновниками канцелярии губернатора первичных цифровых данных, поступивших из разных присутственных мест губернии в 1853 г., и включает 6 нумерованных граф, получивших следующие заглавия: 1. «В каких местах». 2. «Сколько всех чиновников в сем месте». 3. «Сколько из них вообще получили награды». 4. «В том числе награждены» (подграфы: «орденом Св. Владимира 4 ст. за 35 лет выслуги в обер-офицерских чинах, чинами за отличие, чинами за выслугу лет, орденom Св. Анны 3 ст., подарками, деньгами»). 5. «Преданы суду». 6. «Удалены от должности без суда» (нумерация граф моя. – *В.И.*). «Ведомость...» содержит данные о количестве чиновников 10 губернских (приказ общественного призрения, палата госимуществ, совестный суд, палаты гражданского и уголовного суда, казенная палата, посредническая комиссия, строительная и дорожная комиссия, канцелярии дворянского депутатского собрания и губернского прокурора), 45 уездных (канцелярии предводителей дворянства – 11, дворянские опеки – 13, отделения Московского попечительного о тюрьмах комитета – 8, казначейства – 13) учреждений и 9 присутствий Москвы (полиция, канцелярия обер-полицмейстера, управа благочиния, медицинская контора, врачебно-полицейский комитет, больница «для чернорабочего класса», коммерческий суд, смирительный и рабочий дома). Вне поля зрения составителей «Ведомости...» оказались сведения о чиновниках канцелярий военного генерал-губернатора, гражданского губернатора, губернского правления, земских, уездных судов, надворного суда, городо-

вых магистратов и некоторых других присутствий, обеспечивавших исполнение административных и судебных функций в системе местных органов государственной власти и управления. Здесь не лишним будет заметить, что по отдельным учреждениям рассматриваемый сводный документ содержит показатели, отсутствующие в ведомостях 1849 г., которые могут быть привлечены для определения их численности и состава. Это касается данных о служащих дворянского депутатского собрания, строительной и дорожной комиссии, канцелярий уездных предводителей дворянства, дворянских опеков и казначейств. По 6 учреждениям (казенная палата, палата госимуществ, палата гражданского суда (2-й департамент), уголовная палата, Московская дворянская опека, коммерческий суд) материалы этого источника дополняют и корректируют (подчас в значительной степени) показатели 1849 г. Так, согласно учетным данным, на службе в казенной палате в 1849 г. состояло 86 человек, а по «Ведомости...» 1853 г. – 195, т.е. в 2,3 раза больше, в палате госимуществ – соответственно 59 и 68, в уголовной палате – 63 и 72. Если принять во внимание тот факт, что в 1853 г. действовали те же штаты местных столичных учреждений, что и в 1849 г., то станет ясно, что по названным присутствиям «Ведомость...» дает более точные сведения о количестве чиновников, чем учетные материалы 1849 г. В то же время, по 6 учреждениям (приказ общественного призрения, совестный суд, канцелярии губернского прокурора и оберполицмейстера, управа благочиния и городская полиция) «Ведомость...» содержит несколько заниженные, хотя и близкие к действительности показатели. Так, по «Ведомости...» в совестном суде значилось 8 человек, а по данным 1849 г. – 10, в канцелярии губернского прокурора – соответственно 7 и 11, в приказе общественного призрения – 16 и 19.

Таким образом, анализ содержащихся в архивных источниках цифровых показателей свидетельствует о том, что они из-за их неполноты не позволяют установить общую численность местных московских учреждений в 1849, 1853 гг. Данные источников надежны для определения приблизительного числа служащих лишь отдельных губернских, уездных и городских

присутствий столицы. Приведем перечень учетных по материалам 1849 г. и «Ведомости...» 1853 г. учреждений, показатели численности которых, на наш взгляд, отличаются наиболее вероятной достоверностью. К ним мы относим 57 присутствий и канцелярий – 7 губернских: казенная палата – 195 человек (1853 г.), палата госимуществ – 68 (1853 г.), палата уголовного суда – 72 (1853 г.), 1-й департамент палаты гражданского суда – 66 (1849 г.), 2-й департамент палаты гражданского суда – 111 (1853 г.), приказ общественного призрения – 19 (1849 г.), канцелярия губернского прокурора – 11 (1849 г.); 40 уездных: Московский земский суд – 34 (1849 г.); 1–2-й департаменты Московского уездного суда – 87 (1849 г.), канцелярии дворянских опеков (московская, богородская, бронницкая, верейская, волоколамская, дмитровская, звенигородская, клинская, коломенская, Можайская, подольская, русская, серпуховская) – 41 (1853 г.), казначейства (московское, богородское, бронницкое, верейское, волоколамское, дмитровское, звенигородское, клинское, коломенское, Можайское, подольское, русское, серпуховское) – 113 (1853 г.), канцелярия московского уездного стряпчего – 5 (1849 г.); канцелярии уездных предводителей дворянства (московского, богородского, бронницкого, волоколамского, дмитровского, звенигородского, Можайского, подольского, русского и серпуховского) – 25 (1853 г.); 10 городских: канцелярия обер-полицмейстера – 31 (1849 г.), управа благочиния и городская полиция – 427 (1849 г.), канцелярия шестигласной думы – 70 (1849 г.), канцелярии 1–2-го департаментов московского городского магистрата – 61 (1849 г.), коммерческий суд – 52 (1853 г.), 1–3-й департаменты надворного суда – 103 (1849 г.).

Если бросить общий взгляд на приведенный перечень, то нельзя не отметить следующее. Во-первых, с количественной точки зрения он охватывает менее 1/3 от всего числа присутствий, осуществлявших управление на губернском, уездном и городском уровнях. Во-вторых, в него включены все важнейшие губернские учреждения – 7 из 9 (кроме губернского правления и канцелярии гражданского губернатора). Наконец, в-третьих, он выявляет отрывочность и неполноту учетных

данных о должностных лицах, занятых в системе уездного и городского управления. (Относительно полно представлены сведения о численности управленческого персонала Москвы и Московского уезда.)

Итак, мы рассмотрели основные группы опубликованных и архивных источников, аккумулирующих статистическую информацию о численности служащих местного звена государственного аппарата Московской губернии середины XIX в.: справочные издания (списки гражданским чинам различных классов и ведомств, адрес-календари), штатные расписания, списки должностным лицам губернского управления и официально-документальные учетные материалы. Выяснилось, что первые три группы учетных материалов не подходят для установления фактической численности местного чиновничества столицы, т.к. в них отсутствуют показатели, отражающие количество мелких чиновников и канцелярских служащих.

Ценным архивным источником для определения количественного состава присутствий являются материалы официального делопроизводства, содержащие конкретные цифровые данные по учету кадров местных учреждений столицы в 1849 и 1853 гг. Анализ этих документов показал, что ввиду их неполноты они не могут служить источником для определения общей численности чиновничества губернии. Однако заключенные в них данные с вероятной достоверностью позволяют определить численность важнейших губернских учреждений, присутствий города Москвы и некоторых канцелярий Московского уезда, на службе в которых, по нашим предварительным исчислениям, состояло около половины всех служащих губернии.

Для выполнения имеющихся в официальных документах лакун потребуются привлечение других разновидностей учетных материалов, например, формулярных списков служащих. Это позволит расширить наши представления об элементах источниковой базы по изучаемой проблеме и наметить конкретные рациональные пути использования имеющегося фактического материала для реконструкции численности мест-

ной столичной администрации. Решение данного вопроса заслуживает специального рассмотрения.

-
- ¹ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 67-68, 221.
- ² См.: *Зубов В.Е.* Структура и численность государственного аппарата Западной Сибири первой половины XIX в. // Вестник Челябин. ун-та. Сер. 7: Гос. и муниципал. упр. 1998. № 1. С. 52-58; *Иванов В.А.* Источники для выяснения численности и состава служащих местных правительственных учреждений России в предреформенное время (1850-е годы) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. ст. М., С. 239-260.
- ³ Подробнее об этих изданиях см.: Справочники по истории дореволюционной России: Библиогр. указ. / Под ред. П.А. Зайончковского. Изд. 2-е. М., 1978. № 1071 и др.
- ⁴ Там же. № 1064.
- ⁵ Там же. № 1297, 1416, 1479 и др.
- ⁶ Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве. Ч. 1: Власти и места центрального управления и ведомства; Ч. 2: Власти и места управлений губернского, областного, окружного, уездного, городского и ведомства их. СПб., б.г. (Далее: Адрес-календарь...).
- ⁷ *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 15-16.
- ⁸ Адрес-календарь... на 1854 г. Ч. 2. СПб., б.г.
- ⁹ Там же. 6-й паг. С. 87 (Здесь и далее итоговые расчеты мои. – *В.И.*).
- ¹⁰ ПСЗ-II. Т. 14, отд. 2. № 12169; Т. 15, отд. 3. № 14107; Т. 17, отд. 2. № 16110; Т. 20, отд. 2. № 18580, 18608; Т. 23, отд. 2. № 22802.
- ¹¹ Там же. Т. 23, отд. 2. № 22802.
- ¹² Адрес календарь... на 1854 г. Ч. 2. 6-й паг. С. 87. Здесь важно отметить, что речь идет о лицах, служивших при военном генерал-губернаторе графе А.А.Закревском, который, как сообщает в своих воспоминаниях один из чиновников его канцелярии (и зять) князь Д.В.Друцкой-Соколинский, принимал на службу многочисленное число служащих сверх штата (*Друцкой-Соколинский Д.В.* Из моих воспоминаний // Русский архив. 1901. № 4. С. 678).
- ¹³ См.: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 164; *Румянцева М.Ф.* Источники по истории российского чиновничества второй половины XVIII в. // Археографический ежегодник за 1991 год. М., 1994. С. 70, 73; *Зубов В.Е.* Указ. соч. С. 55, 57.

- ¹⁴ ПСЗ-П. Т. 14, отд. 2. № 12169; Т. 15, отд. 3. № 14107; Т. 17, отд. 2. № 16110; Т. 20, отд. 2. № 18580, 18608; Т. 23, отд. 2. № 22802.
- ¹⁵ Там же. Т. 23, отд. 2. № 22416. Примеч. 1.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 2287.
- ¹⁷ ПСЗ-П. Т. 17, отд. 2. № 16110; Т. 20, отд. 2. № 18580.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 850, 2681, 2740.
- ¹⁹ ПСЗ-П. Т. 15, отд. 3. № 14107;
- ²⁰ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 176. Д. 2772; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 2083, 2289. Л. 1 об.– 403.
- ²¹ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 102. Д. 457. Л. 10.
- ²² ПСЗ-П. Т. 20, отд. 2. № 18608.
- ²³ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 102. Д. 457. Л. 10.
- ²⁴ *Раздорский А.И.* Общие печатные списки должностных лиц губерний и областей Российской империи (1841-1908): Библиогр. указ. СПб., 1999.
- ²⁵ После выхода в свет названного указателя составителем в конце 2000 г. на Интернет сайте Российской национальной библиотеки была размещена его уточненная и дополненная электронная версия (< <http://www/nlr.ru/res/epubl/official/>>), в которой в результате проведенного довыявления в библиотеках, музеях и архивах РФ и ближнего зарубежья получили отражение еще 5 неучтенных ранее губернских списков должностных лиц – по Костромской (1851 г.), Курской (1882, 1898, 1906 гг.) и Черниговской (1850 г.) губерниям.
- ²⁶ Там же. С. 21.
- ²⁷ Там же. С. 54-55.
- ²⁸ Там же. С. 55.
- ²⁹ Список должностным лицам губернских и уездных управлений Московской губернии [1850 г.] Б.м., б.г. С. 12, 46.
- ³⁰ Так, в формулярном списке Чистякова сообщается, что в должность заседателя уголовной палаты он был избран 25 января 1850 г. (ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 176. Д. 2775. Л. 223 об.–227), а из формуляра Арнольди следует, что ассессором губернского правления он состоял с 26 июля 1848 г. по 4 апреля 1850 г., а затем служил советником (Там же. Д. 2783. Л. 252 об.– 257).
- ³¹ В издании 1841 г. указаны также даты (год, месяц, число) вступления в должность.
- ³² Московский коммерческий суд – судебное учреждение первой инстанции для разбора торговых («купеческих») дел создан в 1833 г. Председатель, его товарищи и часть членов суда назначались правительством, часть выбиралась купечеством из купцов 1-й и 2-й гильдий на 2-3 года. При суде имелась канцелярия и архив. (Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 2. М., 1999. С. 390.) Поскольку юрисдикция

- суда распространялась на территорию города и прилежащего к нему уезда, это судебное учреждение нами включено в структуру городских присутствий Москвы.
- ³³ Список должностным лицам губернских и уездных управлений... С. 3-36, 45-47, 59-61. (Подсчеты мои. – *В.И.*).
- ³⁴ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 176. Д. 2772.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Д. 2770; РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 9172.
- ³⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 4907, 9172; ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 176. Д. 2770.
- ³⁸ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 176. Д. 2770, 2775.
- ³⁹ На этот счет имеется и другое мнение. А.И.Раздорский, например, полагает, что списки должностным лицам включали всех служащих вплоть до письмоводителей уездных учреждений (*Раздорский А.И.* Историческая и краеведческая библиография в Российской национальной библиотеке // Краеведение в России. История. Современное состояние, перспективы развития: Материалы Всероссий. семинара краеведов, Зарайск, 30 января 2004 г. М., 2004. С. 152).
- ⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 17. Оп. 97. Д. 145.
- ⁴¹ Там же. Оп. 102. Д. 457.
- ⁴² Там же. Оп. 97. Д. 145. Л. 1.
- ⁴³ Там же. Л. 52.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2.
- ⁴⁵ Там же. Л. 45–47 об. 116.
- ⁴⁶ Там же. Л. 139.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 97. Д. 145. Л. 166.
- ⁴⁸ Там же. Л. 58.
- ⁴⁹ Там же. Л. 25.
- ⁵⁰ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 2287.
- ⁵¹ Там же. Д. 4937.
- ⁵² ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 176. Д. 2770. Л. 764 об.–766, 785 об.–788, 838 об.–841, 876 об.–879, 880 об.–882, 886 об.–890, 908 об.–911; Д. 2775. Л. 87 об.–89, 101 об.–102, 129 об.–131, 143 об.–145, 151 об.–153, 183 об.–185.
- ⁵³ Там же. Ф. 54. Оп. 176. Д. 2768. Л. 2 об.–130.
- ⁵⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2120.

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИИ: ПРОЕКТЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Данная статья представляет собой концентрированное изложение выводов исследовательского проекта по аграрным реформам в России, реализованного автором в течение ряда последних лет. Его цель – поставить опыт российских аграрных реформ в сравнительный контекст для выяснения универсальных правовых, социальных и институциональных проблем, с которыми сталкивались реформаторы, а также определить адекватность и эффективность применявшихся ими технологий¹.

Основная идея состояла в том, чтобы преодолеть стандартное представление об аграрном конфликте как неизбежном и спонтанном, если не сказать фатальном движении событий. Эта стандартная концепция сформировалась в период становления предпосылок аграрной революции, а затем была использована для легитимации результатов этой революции – того «окончательного» решения аграрного вопроса, которое (как показывает новейшая история), в сущности, таковым не являлось. Попытка рассматривать это решение как универсально приемлемое (и годное на экспорт) – также оказалась несостоятельной. Все это заставляет критически переосмыслить российский опыт решения аграрного вопроса, выяснить причины срывов поступательного движения и установить возможные способы избежания подобных кризисов в будущем. В данном исследовании мы стремились, поэтому, соотнести статику и динамику, позитивное право и правосознание, проекты решения аграрного вопроса и их реализацию.

В рамках данного сравнительно-правового и историко-социологического подхода были сформулированы выводы по следующим направлениям: методы и источники исследования; новая интерпретация существа проблемы; аграрный вопрос как выражение кризиса легитимности традиционных форм земле-владения в новое и новейшее время; аграрные реформы пост-

советской России в сравнительном контексте; социальный механизм конфликта – переход от системы административного принуждения к гражданскому обществу в исторической ретроспективе; типология основных моделей реформирования аграрных отношений; основные трудности реализации реформ в переходном обществе; технологии аграрных преобразований; земельное законодательство в нестабильной правовой системе; аграрные реформы и демократический цезаризм.

Методы и источники исследования

Аграрные реформы в России XVIII-XX вв. – одна из центральных тем российской науки. Она имеет обширную литературу, представленную классическими работами русских дореволюционных исследователей, исследованиями и публикациями советского периода, а также значительной зарубежной научной литературой. В этой историографии рассмотрены основные аграрные реформы, их место в социальном и политическом развитии страны, культурной жизни русского общества. Существенный вклад был сделан в рассмотрение основных видов источников по аграрной истории и их публикацию.

Важным ограничением в подходе данной историографии к проблеме следует признать, однако, то, что она четко не формулировала проблему легитимности правового статуса поземельных отношений. Чрезвычайно схематично ситуацию можно представить следующим образом. Юридическая литература прошлого – не делала этого, поскольку опиралась главным образом на анализ позитивного (то есть действующего в данный момент) права, а последующая историография потому, что сводила аграрный вопрос прежде всего к классовой борьбе (то есть столкновению социальных сил в борьбе за землю).

Предложенная нами концепция состоит в интерпретации аграрного вопроса как осознания обществом проблемы легитимности существующих прав на владение землей. Там, где присутствует осознание несправедливости существующей системы распределения земельных ресурсов (независимо от ре-

альной ситуации в экономике страны), – существует аграрный вопрос. Там, где такое осознание отсутствует в широких массах или представлениях мыслителей, – аграрного вопроса (во всяком случае, как социального феномена) не существует (даже при наличии экономически неэффективной и политически необоснованной правовой системы земельной собственности).

Возможным становится объяснить и другие важные противоречия, с которыми не удалось справиться предшествующей историографии. Почему аграрный вопрос не существовал в древности, но проявился в Новое время; почему одна и та же программа решения аграрного вопроса, которая на одном этапе исторического развития оказывается отвергнутой казалась бы навсегда, на другом – становится вновь востребованной и находит практическую реализацию? Почему одна программа дает неодинаковый эффект в разных странах при сходстве их аграрных институтов или наоборот – один и тот же результат возникает независимо от различия исходных условий? Например, почему одни страны оказались ввергнуты в пучину аграрной революции, а другие решили эту проблему путем реформ.

Источниковую базу исследования составляет следующий комплекс документов – проектов решения аграрного вопроса, как опубликованных, так и неопубликованных, а также материалов центральных архивов, отражающих историю их подготовки, авторство, характер функционирования в ходе реформ (РГАДА, ГА РФ, ОР РГБ, РГАЛИ, РГАСПИ, Национальные архивы Франции, архив Института права и публичной политики и проч.).

Среди этих источников следует указать, во-первых, документы законосовещательных и представительных учреждений, где проходило обсуждение соответствующих проектов (Редакционные комиссии, Государственная Дума, Юридическое совещание, Правовой отдел Главного земельного комитета, разрабатывавший проекты аграрной реформы эпохи Временного правительства и Учредительного собрания, Международный Аграрный институт и другие аналитические центры, формулировавшие и готовившие реализацию аграрной программы Коминтерна и Крестинтерна в 1920-е гг., наконец, соответствующую

шие правовые и аналитические структуры Государственной Думы и Совета Федерации, готовившие проект Земельного кодекса РФ на современном этапе), во-вторых, программы политических партий и общественных движений в части, касающейся аграрного вопроса (особенно тех партий начала XX в., которые искали путей правового разрешения проблемы, как напр., конституционные демократы), в-третьих, труды и архивные фонды основных теоретиков аграрного вопроса в России XIX-XX вв. (К.Д.Кавелина, А.А.Корнилова, А.А.Кауфмана, Н.Д.Кондратьева, А.В.Чаянова, если называть только наиболее известные имена).

Была привлечена документация иностранных архивов для изучения проектов или отзывов на них. Эта документация имела значение для тех аспектов проблемы, которые не могли быть (по идеологическим причинам) отражены внутри страны (напр., о реализации проекта экспорта аграрной революции в страны Третьего мира). В частности, установления соотношения проектов аграрных преобразований с изменениями доктрин, политических установок, позитивного права и особенностями развития народного правосознания.

Аграрный вопрос как выражение кризиса легитимности традиционных форм землевладения

Легитимность (или нелегитимность) собственности повсюду в мире определяется тремя измерениями – порядком ее распределения в обществе; способами ее приобретения в прошлом и средствами ее защиты в настоящем.

Первое из этих измерений – представления общества о справедливом или несправедливом порядке распределения собственности – определяется во многом статусом права собственности в общественном сознании. Вопрос о том, является ли право собственности фундаментальным и естественным правом (наряду с высшими ценностями демократического общества и другими основными конституционными правами, как

жизнь, свобода и личная безопасность), – остается предметом острой дискуссии в современной правовой литературе. Этот спор стал особенно интенсивным в странах, где необходимость решения аграрного вопроса совпала с переходом к демократии и необходимостью принять новую конституцию (Южная Европа в 1970-е гг., Восточная Европа и Латинская Америка в 1990-е гг., Южная Африка при переходе от режима апартеида к демократии в тот же период). Проблема формулировалась предельно четко – следует ли включать в конституцию гарантии прав частной собственности на землю (особенно в период дебатов по Конституции ЮАР 1996 г.)². С точки зрения классических представлений о собственности (восходящих к римскому праву и крупнейшим кодексам гражданского права нового и новейшего времени) – выбор может быть сделан только между двумя формами собственности – публичной и частной. Однако в большинстве обществ переходного типа (к которым принадлежит и современная Россия) реально существуют так называемые «смешанные» или «переходные» формы собственности, определение точного правового статуса которых не представляется простым³.

Второе измерение проблемы легитимности собственности – вопрос о времени (исторической давности) и характере (правовом или неправовом) ее приобретения. Незыблемость права собственности на землю основана обычно на том, что человек впервые поселился на ней. В условиях аграрных конфликтов этот мотив приобретает особенно сильное звучание. В современной России непрочность легитимности права частной собственности на землю (основанного на Конституции 1993 г. и Земельном Кодексе 2001 г.) связана с отсутствием длительной исторической легитимности, которая неоднократно перечеркивалась, или, во всяком случае, ставилась под сомнение, в русской истории. Так, одна часть общества апеллирует к предшествующей советской традиции, в принципе исключавшей право собственности на землю, другая – к правовым формам, существовавшим до революции 1917 г. и последующей национализации⁴.

Продолжая эту линию вглубь истории, мы сталкиваемся с проблемой правового дуализма – конфликта позитивного права

собственников – землевладельцев и крестьянства с его обычным правом и неопределенными правами на пользование землей. Так мы приходим, в конечном счете, к проблеме крепостного права и правомерности его возникновения, а также юридических параметров его функционирования (следует понимать его как крепость крестьянина помещику или земле). Эти исторические спекуляции о праве на землю, при всем их демагогическом характере и возможности с помощью этих аргументов обосновать любую современную доктрину – должны, тем не менее, приниматься в расчет при выяснении содержания аграрного вопроса и легитимности существующего статуса землевладения.

Третье измерение легитимности – применяемые способы защиты земельной собственности. Основу правовой реальности современного мира составляют два понятия – собственность и договор. Социальная реальность, выражаемая этими понятиями, рассматривается как находящаяся вне сферы вмешательства государства, однако защита со стороны последнего необходима для их существования. В развитом гражданском обществе данные правовые институты составляют часть, причем наиболее важную, – царства частного права, в которое государство вмешиваться не должно, по крайней мере, без веских на то причин. Но как быть в традиционном аграрном обществе, где гражданско-правовые институты не укоренились, понятие собственности по большей части лишено правового смысла, а модернизация требует целенаправленного административного вмешательства и правового регулирования?

Эта социальная реальность совершенно по-иному ставит проблему легитимности государства в обеспечении и трансформации отношений поземельной собственности. Либеральный принцип защиты прав собственника, с одной стороны, и необходимость регулирования отношений собственности в условиях социальных преобразований (аграрных реформ), с другой, – вот центральное противоречие, с которым столкнулось демократическое общество в XX в. Выход из него был найден в принципе «социального государства» или концепции «социальных функций права». Распространение принципа социаль-

ного государства в конституциях послевоенного периода отразило расширение социально-экономических прав и социальных услуг, гарантией которых выступало государство.

В условиях аграрной революции начала XX в. радикализация проектов отражала поиск различными течениями и партиями социальной базы в крестьянской стране. Одним из возможных направлений исследования, однако, стало выявление многообразия стратегий аграрной реформы внутри однотипных социальных блоков. Разделяя некоторые общие идеологические принципы, авторы проектов часто совершенно по-разному интерпретировали способы реализации этих принципов и еще больше различались в представлениях о необходимых экономических, правовых и политических технологиях решения аграрного вопроса.

Механизм конфликта

Современный подход к решению аграрного вопроса опирается на социологическую теорию перехода от традиционного общества к индустриальному (рациональному), от сословной структуры к гражданскому равенству, от служилых отношений к отношениям договорным.

Первый тип отношений характерен в целом для традиционного общества, которое не знает иных способов организации экономических отношений кроме физического принуждения индивидов. Этот тип экономической организации определяется как литургическое (или «служилое») государство. Данный тип характеризуется рядом признаков: государственная собственность на землю; широкое использование сервитутов; отсутствие рынка земли; наличие жесткой системы учета и контроля, кадастра (писцовые книги или колхозная система учета труда по трудодням), система государственного обложения (ревизии и их аналог в советское время); роль жречества и бюрократии в разных формах. Историческими формами являются – теократические режимы, режимы восточной деспотии, а также схожие с ними элементы тоталитарных систем власти (напр., го-

сударственный социализм). Правовым выражением этой реальности в новое и новейшее время становится номинальный конституционализм.

Принципиально иной тип отношений характерен для рационализованного общества и заключается в свободных отношениях продавца и покупателя рабочей силы, основанных на рыночной стоимости труда. Данный вид организации экономики базируется на правовом договоре между сторонами. Характерными чертами этой модели являются в истории десакрализация земли как фактор общественного сознания; борьба теократических представлений и рационализма, духовенства и технократической бюрократии, завершающаяся победой последней. На современном этапе этот тип характеризуется как либеральная демократия с идеями верховенства права, гражданского общества, прав индивида. Для него определяющее значение имеет реальный конституционализм – соблюдение права, развитие общественного контроля над властью, независимая судебная система, способная добиться выполнения договора.

Эти два идеальных типа экономической организации являются универсальными и неоднократно возникают в истории в разных формах «застоя» и «динамического развития».

В истории данные два идеальных типа противостоят друг другу, а их столкновение порождает острые социальные кризисы. Разрешение этих кризисов возможно в виде социальной или конституционной революции, а также в виде реформы. Общественная мысль всех стран, стоящих на пороге перехода от традиционного аграрного общества к современному промышленному, расколота именно по этой проблеме. Столкновение революционных и реформационных идеологий возникает также на этой основе. Идеологии аграрной революции по всему миру противостоит идеология аграрной реформы.

В то же время разрешение конфликта редко ведет к реализации одного из двух идеальных типов в чистом виде. Как правило, происходит различное их смешение, образование промежуточных, гибридных вариантов⁵. Можно говорить, вероятно, о правомерности выделения особого третьего идеального типа, представляющего собой синтез двух чистых типов, рассмот-

ренных выше. В этом типе присутствует идея рыночного хозяйства и необходимости следования договору, однако эта идея на практике не реализуется, прежде всего, в силу неподготовленности общественного сознания. В этом типе право корректируется коррупцией, рыночные отношения – многочисленными изъятиями из них «неприкасаемых зон», правовое равенство – также изъятиями определенных социальных категорий. Этот третий тип в длительной исторической перспективе выступает как переходный от традиционного к рациональному, характеризуясь соединением различных форм собственности и типов землепользования. В публичном праве он часто выражается в мнимом конституционализме.

В России исторически сложилась и длительное время существовала особая (и по-своему чрезвычайно эффективная) система взаимосвязи земли и службы. Концепция феодализма может, конечно, использоваться для ее интерпретации, однако лишь при очень широкой трактовке этого понятия. Мы предпочитаем, поэтому, говорить о служилом государстве или литургическом государстве.

Реконструировать всю логику развития системы земельных отношений в России значит показать связь земли и службы. Проведенное исследование позволило еще раз констатировать глубокую правомерность выводов государственной (юридической) школы о специфическом («пульсирующем») характере развития русского общества, выражаемом концепцией закрепощения и раскрепощения сословий государством. Данная концепция, разработанная в XIX – начале XX в. либеральной академической историографией, выступает примером реального научного прогноза, когда говорит о возможности воспроизводства в будущем тех параметров поземельных отношений, которые уже были в прошлом. Универсальность этих параметров объясняет тот поразительный факт, который фиксировал еще П.Н.Милюков: русская история XX в. ближе к истории XVII в. и, возможно, XVIII в., чем XIX в. Объяснение этому состоит в том, что аграрная революция начала XX в., сняв тонкий налет европейского гражданского права, вернула ситуацию к историческим архетипам служилого государства со свойст-

венным для него огосударствлением земельного ресурса, полным растворением частного права в публичном⁶. На этой основе становится возможным фактическое восстановление квазисословной системы, установление связи земли и службы (закрепощение сословий государством), формирование особого служилого слоя (номенклатуры).

Типология моделей реформирования аграрных отношений

В результате проведенного исследования стало возможным реконструировать ряд основных моделей аграрных преобразований, представленных в истории России нового и новейшего времени, последовательное выдвижение которых фиксировало реальный масштаб осознания проблемы собственности на землю, а также методов реализации реформ и возможных социальных последствий их проведения.

Первая модель представляет ту исходную конструкцию соединения земли и власти в рамках крепостного права, которая составляла сердцевину служилого государства вплоть до начала его реформирования. Направления этого реформирования представлены прежде всего проектами Уложенных Комиссий XVIII в.⁷

Вторая модель – проектами введения наследственной аренды на землю для крестьян (А.Я.Поленова)⁸, которая определила контуры последующих реформационных инициатив (М.М.Сперанского и Н.С.Мордвинова)⁹ и далее – движение вплоть до реформы государственных крестьян П.Д.Киселева¹⁰. Ее появление ознаменовало поиск выхода из жесткой формулы служилого государства.

Третья модель – постепенного освобождения крепостных с сохранением традиционных форм собственности – наделения крестьян землей с сохранением длительного переходного периода и традиционных общинных институтов. В проектах представлены пути освобождения крестьян, оказавшие реальное влияние на ход и результаты Крестьянской реформы¹¹.

Это – проекты либеральных сторонников реформы (прежде всего проект К.Д.Кавелина и его реализация в ходе Крестьянской реформы)¹², проекты дворянских комитетов, история их рассмотрения в Редакционных комиссиях¹³. Рассмотрение данной модели позволяет проследить весь путь реализации Крестьянской реформы – от ее проекта до воплощения.

Четвертая модель – преодоление правового дуализма путем распространения сферы действия гражданского права на обычное крестьянское право (проект Гражданского Уложения Российской империи)¹⁴. Она выражает кризис легитимности той концепции земельной собственности, которая была зафиксирована в позитивном праве, и в то же время – попытку ее модернизации на основе западных образцов.

Пятая модель – перераспределения земельных ресурсов с гарантией имущественных прав землевладельцев (проект Конституционно-демократической партии)¹⁵. В данной неолиберальной модели прослеживается выработка формулы социальных функций права и социального государства с целью конституционного решения аграрного вопроса.

Шестая модель – уравнительного распределения государственного земельного фонда в соответствии с единой трудовой нормой (проекты партии социалистов-революционеров и их реализация в законодательстве постреволюционного периода)¹⁶. Она выражает революционный коллапс системы позитивного права российского Старого порядка и стремление решить проблему в соответствии с доминирующими утопическими представлениями крестьянства.

Седьмая модель – экспорта аграрной революции (проект Коминтерна) – есть ни что иное, как попытка компенсировать отсутствие позитивной стратегии преобразования аграрных отношений распространением их экстенсивной формы на другие страны¹⁷.

Восьмая модель – приватизации земли (проект Земельного кодекса и его принятие) – выражает доминирующую тенденцию постсоветского периода регулирования аграрных отношений¹⁸.

Наконец, девятая, бонапартистская модель – не реализовалась в России, однако ее проявления и отдельные элементы присутствовали в периоды всех крупных аграрных реформ, особенно в проектах С.Ю.Витте¹⁹ и П.А.Столыпина²⁰. Содержание модели – проведение интенсивных рыночных земельных реформ с одновременным усилением авторитаризма власти и лавирования ее между силами традиционализма и модернизации.

Сравнительный анализ этих моделей позволяет переосмыслить российский опыт аграрных отношений и реформ в рациональных категориях частного и публичного права, очистить его от чрезвычайно устойчивых идеологических стереотипов, постоянно воспроизводимых в историографии, и тем самым освободить для научной дискуссии то пространство, которое ныне прочно удерживают представители различных направлений исторической романтики (неославянофильства, неонародничества, некоммунизма и вообще почвенничества).

Рассмотрим типологию этих моделей по такому основополагающему критерию, каким являются предложенные формы собственности на землю (частная, публичная, так называемые «переходные формы»). Данный критерий (отношения к формам собственности) наиболее информативен для типологии и установления различий проектов аграрных реформ. Следует подчеркнуть, что среди них нет ни одного, который, даже поддерживая сам принцип, отстаивал бы немедленный переход к частной собственности на землю. Дело в том, что принцип неизблемости частной собственности, ставший аксиомой классического западного либерализма, приобретал в России чрезвычайно консервативный смысл: его буквальная реализация означала сохранение той исторически сложившейся структуры собственности на землю, которая как раз воспринималась крестьянским населением (а в значительной мере и населением вообще) как нелегитимная²¹.

В этом состоит объяснение того парадокса, что основным сторонником принципа частной собственности на землю стало само правительство (особенно, в условиях столыпинских реформ), в то время как либеральные сторонники социальных и

политических реформ (за исключением Б.Н.Чичерина)²² не могли в полной мере принять этот принцип (и согласиться тем самым на сохранение существующего положения). Наиболее близкой к этой конструкции собственности является проект Гражданского Уложения Российской империи, который стремится преодолеть правовой дуализм распространением норм частного права на земельную собственность в ходе кодификации.

Данный проект вынужден, однако, соотнести все предложения по реформированию позитивного гражданского права с фактическим сохранением сословного характера земельной собственности. Результатом становится, как было показано, введение «особых зон», исключений, переходных положений и проч. (в виде земель, находящихся в собственности крестьянской общины, с одной стороны, и земель, имеющих особый правовой статус, – с другой). Если авторы проекта ГУ считали возможным решение проблемы путем унификации статуса различных форм собственности, то для этого необходимы были активные реформы и политическая воля к их осуществлению.

Очевидно, эта компромиссная модель может быть понята только в контексте общего процесса правовой модернизации, осуществлявшегося в стране на протяжении всего имперского периода. Это были систематические и целенаправленные попытки внедрить в российское право принципы и нормы западных гражданских кодексов.

Тот же смысл имел, в сущности, аграрный проект конституционно-демократической партии, вынужденный, однако, предложить решение вопроса в условиях начавшейся аграрной революции. Поэтому проект в большей степени, чем другие либеральные проекты, выразил концепцию социальных функций права. Особенно это относится к проекту 42-х, отличавшемуся большим радикализмом²³. Как показывает сравнительное изучение аграрных реформ, кадетский проект формулировал наиболее адекватное решение проблемы земельной собственности – ее отчуждение за разумную (т.е. не по рыночным ценам) компенсацию у прежних владельцев; регулирование государством на правовой основе с целью создания единых старто-

вых условий для последующей передачи в собственность или иные формы пользования. Именно эти принципы стали доминирующими при проведении либеральных аграрных реформ второй половины XX в. – от Японии и Индии до стран Латинской Америки.

Передача земли в публичную (государственную) собственность – другая «чистая» модель решения аграрного вопроса – нашла наиболее четкое выражение в концепциях национализации земельного фонда. Концепция национализации в сравнительной перспективе также выступает как одна из моделей решения аграрного вопроса. Она означает отчуждение земли у ее собственников (за компенсацию или без таковой) и передачу в собственность государства. Принцип национализации (понимаемый нами в данном случае скорее как теоретическая, а не юридическая конструкция) сам по себе не только не исключает, но предполагает необходимость правового решения аграрного вопроса, а его реализация может быть единовременной акцией, реализуемой государством в переходный период для осуществления последующей приватизации земли на новых условиях (так полагали, по-видимому, некоторые представители кадетской партии, считавшие возможным включить принцип национализации в программу партии). В этом понимании национализация могла быть осуществлена решением демократического парламента или Учредительного собрания в рамках реализации принципа народного суверенитета и с сохранением правового характера аграрной реформы (при всей ее радикальности).

Однако, в российских условиях реализация концепции публичной собственности (принципа национализации), как и концепции приватизации (принцип частной собственности), – получала совершенно неадекватную интерпретацию в проектах левых партий. Принцип передачи всех земельных ресурсов в собственность государства все более ассоциировался в общественном сознании с программными установками проектов социализации земли (выдвинутыми партией социалистов – революционеров) или ее так называемой «социалистической на-

ционализации». Обе концепции имели мало общего с конституционным представлением о национализации и включали в себя идею спонтанной социальной революции, которая должна была закончиться либо уравнительным перераспределением земли в соответствии с единой трудовой нормой (в первом случае) либо насильственной коллективизацией (как была на практике интерпретирована идея «социалистической национализации» во втором случае).

Подобная (антиправовая) трактовка национализации и социализации стирала грань между публичным и частным правом, размывала границы между властью и собственностью и фактически возвращала ситуацию к примитивным формам служилого государства, поразительно напоминавшего литургическое государство древности. В то же время, доктрина социализации, во всяком случае, в интерпретации известных экономистов-аграрников (как П.А.Вихляев, В.М.Чернов, С.Л.Маслов и Н.П.Огановский)²⁴ открывала (при всей своей правовой неопределенности) путь кооперативного движения, получившего развитие в постреволюционный период, несмотря на идеологические препятствия.

Прежде всего, адекватная реконструкция самих понятий данных (эсеровских) проектов (обобщенных в проекте 242-х) показывает, что их авторы не представляли себе правового содержания используемых ими социально-политических деклараций: так, говоря о социализации земли, они вели дело к передаче ее в публичную (государственную) собственность с целью установления фактического (а не формально-юридического) равенства земельных наделов²⁵. С другой стороны, понятие национализации отвергалось ими на основании возможности сделать из него именно этот вывод (что уловили большевики, использовав программу социализации для фактического захвата частных земель в полном объеме).

Понятие национализации, в свою очередь, утратило свой правовой смысл, обернувшись подменой одного смысла (передачи прав собственности на землю государству) другим (отчуждением земли у производителей путем превращения их в прикрепленных к земле арендаторов). Очевидно, трудность

интерпретации вытекает из утопического характера этих проектов и представлений их авторов о государственности (которая теоретически рассматривалась ими как временное явление, которое, наряду с правом, вообще подлежит отмене при коммунизме). Это показывает невозможность, как минимум, ссылок на положение данных проектов в современных дискуссиях без конкретизации исторического наполнения ключевых понятий. Далее, независимо от идеологических деклараций, все варианты решения земельного вопроса, основанные на логике революционного отчуждения и перераспределения земельной собственности неправовым путем, объективно вели к одной цели – возрождению служилого государства и неограниченной деспотической власти.

Наконец, третьей формулой, получившей наибольшее распространение в аграрных проектах, стала идея «переходных» отношений собственности (интерпретируемых иногда не вполне точно как «смешанные»). Будучи крайне неопределенными с точки зрения рационального правового регулирования, эти формы, тем не менее, отражали российскую реальность на всех этапах вплоть до современности. Теоретическая возможность этих форм (как прекрасно показал К.Д.Кавелин) определялась амбивалентностью крепостного права, которое могло интерпретироваться государственной властью и как крепость крестьянина помещику (в этом случае получала правовое обоснование личная зависимость крестьянина от землевладельца) и как крепость его земле (в этом случае фиксировалась его изначальная личная свобода и даже возможность претендовать на часть этой земли в будущем).

Установив, таким образом, условность самого понятия земельной собственности в российском контексте, сторонники данной точки зрения (авторы многочисленных проектов эпохи Крестьянской реформы и последующего времени) исходили, таким образом, из молчаливого предположения о том, что сам институт частной собственности на землю (в его западном и римском понимании) еще не сложился, а потому его конфигурация зависит целиком от воли государственной власти и проводимой ею политики права в земельном регулировании. В сущности, эта молчаливая предпосылка разделялась всеми крупными российскими реформаторами –

М.М.Сперанским, П.Д.Киселевым, Я.И.Ростовцевым, С.Ю.Витте и П.А.Столыпиным²⁶.

Она позволяла объяснить, во-первых, явление правового дуализма, во-вторых, тот факт, что нормы о частной собственности на землю отторгаются крестьянством, наконец, позволяла надеяться на возможность осуществления последовательной правовой модернизации.

Важной научной заслугой авторов данной группы проектов являлось их специальное внимание к правовым формам переходного периода. Прежде всего, проекты в хронологической последовательности своего возникновения регистрируют те формы пользования землей, которые реально существуют, но не обязательно фиксируются позитивным правом. Другая особенность подхода авторов проектов – поиск аналогов российским формам в разработанных кодексах гражданского права. Начиная с проекта А.Я.Поленова XVIII в. и, особенно, в кодификационных проектах XIX – начала XX в. и сопутствующих исследованиях, находим анализ таких исторических форм найма, аренды и землепользования, как узуфрукт, эмфитевзис, фидеикомисс, сервитуты.

Теория переходных форм землепользования в аграрных проектах

Следует констатировать, что данное направление проектов было всего менее подвержено идеологическим постулатам и в наибольшей мере стремилось к рациональному научному анализу ситуации. Теория переходных форм в аграрных отношениях – стала достижением данного направления (в проектах А.Я. Поленова, К.Д. Кавелина, А.А. Корнилова, А.А. Кауфмана)²⁷, позднее – особенно А.В. Чаянова²⁸ и Н.Д. Кондратьева²⁹. Эти формы обычно плохо представлены юридически, поскольку их реальное содержание не вписывается в рациональное позитивное право. Следствия этого таковы: возникает разрыв права и реальности; появляется правовой дуализм (одно право – книжное, другое – живое); отсутствует практическая возможность реформировать социальные отношения правовым

путем. Это связано с большим количеством изъятий из рационального права – появлением исключений и переходных правовых гибридов. Примером может служить распространение сервитутов, статус которых (несмотря на их широчайшее распространение) оказалось очень трудно определить юридически.

Вообще появление правовых форм, представляющих собой скорее ретрадиционализацию, нежели модернизацию правовых отношений, ставит проблему их юридической и социологической квалификации. Так, одно и то же явление (напр., отказ от частной собственности на землю) начинает интерпретироваться как феномен принципиально нового права, оказываясь на деле возвратом к представлениям феодального или даже родового общества.

Данная проблема оказывалась в центре всех дискуссий о направлениях и способах кодификации гражданского права и, в частности, отношений поземельной собственности начиная с Уложенных комиссий XVIII в. и кончая проектами Гражданского Уложения начала XX в.³⁰. Проблема кодификации гражданского права стала одной из центральных в пореформенной России второй половины XIX – начала XX в.³¹. В дискуссиях по ней выступали крупнейшие теоретики права и цивилисты – К.Н. Анненков, А.Х.Гольмстен, С.И.Зарудный, К.Д.Кавелин, Н.М. Коркунов, Д.И. Мейер, К.Мальшев, С.А. Муромцев, С.В. Пахман, Л.И. Петражицкий, И.А. Покровский, В.И.Сергеевич, Г.Ф.Шершеневич, выдвинувшие различные теоретические концепции системы кодификации, предлагавшие разрешение проблемы правового дуализма³².

Специфика России – публично-правовой характер земельных отношений, решающая роль государства в формировании сословий аграрного общества, определении их правового статуса и повинностей. До сих пор юристы спорят об отраслевой принадлежности земельного права – относится оно к публичному, частному праву или представляет своеобразную пограничную область между ними. Эта неопределенность может быть использована различным образом – в пользу либеральных реформ (когда государство через публичное (конституционное)

право проводит изменения в гражданском и земельном праве в направлении расширения частного интереса) и наоборот, когда публичное право просто поглощает частное³³. Поэтому – государству в обоих случаях принадлежит решающая роль в аграрном реформировании. Важно, однако, иметь в виду, что в том случае, если государство способствует развитию частноправовых норм, оно тем самым ограничивает возможности своего непосредственного вмешательства в аграрные отношения (как это было в пореформенный период и имеет место в постсоветский период). Напротив, консолидация публично-правового интереса, ведущая к ограничению или подавлению частноправового интереса (как в период служилого государства и в советский период), чрезвычайно расширяет административные возможности регулирования.

Перед исследователем аграрных преобразований в России стоит задача не только выявить реальные формы аграрных отношений, но и дать им правовую квалификацию. Это трудная герменевтическая проблема. Поскольку в условиях отсутствия развитой традиции частной собственности на землю и рынка земли не было выработано устойчивой правовой терминологии. С одной стороны, действовала система норм и понятий западного происхождения, с другой – самобытные национальные нормы, крайне архаичные по своему социальному содержанию. Вопрос о том, можно ли вообще определить эти нормы в категориях западного гражданского права (как это пытались сделать русские юристы и историки начала XX в.), – остается открытым. В современном правовом языке нет аналогов понятию «общинной собственности» или «колхозной собственности». Эти аналоги, однако, можно отыскать в истории права, напр., в некоторых категориях римского права, которые выступают при этом как известные социологические идеальные типы, позволяющие интерпретировать иную реальность. Для этой работы обращение к проектам очень ценно, так как они менее привязаны к реальности позитивного права, а их авторы больше размышляют и сравнивают.

Интерпретация с этой точки зрения советского опыта в категориях рационального права представляется важной и нере-

шенной до сих пор задачей. В правовой литературе русской эмиграции в отношении сталинской коллективизации использовалось понятие – второе крепостное право. Верное фактически, данное определение с правовой точки зрения представляет собой, скорее, метафору, поскольку личная свобода крестьян формально не была ограничена. Мы полагаем, что их правовой статус скорее может быть определен как колонат позднеримской эпохи – крепость земле при сохранении ограниченной личной свободы. В этом случае оказывается возможным выявить типологическое (как социальное, так и формально-правовое) сходство данной конструкции со статусом государственных крестьян в России эпохи реформы Киселева. Иначе говоря, ретрадиционализация не была доведена до закрепления формальных параметров крепостного права (не отличавшегося с этой точки зрения от рабства). Данная система интерпретируется также как публично-правовой сервитут, что отражает наличие единого собственника земли (государства) и предоставления всем права на пользование землей. Если считать сервитут пережитком феодализма и вотчинного хозяйства (как думал, напр., Корнилов), то можно говорить о возрождении государства–поместья и элементов вотчинного права.

Действующие в переходный период отношения имеют много общего с отношениями колоната, эмфитевзиса и прекарными отношениями. Они служат основой клиентелизма (в самом буквальном римском его понимании) как результата задолженности крестьян номинальным или фактическим владельцам земли (в рамках пореформенной «выкупной операции»). Правовая непрозрачность и господство так называемой «теневої экономики» – есть современное следствие этих тенденций. Данная реальность объясняет воспроизводство и отсутствие оригинальности основных моделей решения аграрного вопроса в постсоветский период. Подобно тому, как в пореформенной России шел спор о путях капиталистической трансформации крестьянской общины, в современной ситуации те же аргументы присутствуют при интерпретации перехода сельского хозяйства к рыночным отношениям. Если традиционалисты выступают за консервацию корпоративистских структур (видя в

них одновременно эффективную форму хозяйствования и амортизатор от социальных взрывов), а реформаторы – за безусловный переход к приватизации и коммерциализации земли (безотносительно к традиционным социальным отношениям), то поиск компромисса приводит к третьей стратегии – допущению частной собственности как правовой реальности при максимальном ее ограничении на практике. Собственно – это аналог и экономическая основа явления мнимого конституционализма в сфере публичного права.

Социально-политическими следствиями процесса коммерциализации и отчуждения производителей от средств производства может стать появление значительного слоя люмпенизированного аграрного населения, опасность появления которого осознавалась всеми крупными реформаторами и авторами проектов аграрных реформ. Они составляют социальную базу цезаризма и бонапартизма в различных модификациях.

Проблема сервитутов вызывала специальный интерес авторов аграрных проектов в пореформенной России в связи с крестьянской общиной. В дальнейшем, с реализацией программы уравнительного распределения земли в постреволюционной России, данная проблема оказалась не менее важной, обозначив возрождение таких архаичных форм землепользования, которые вообще не могли быть выражены современными правовыми понятиями, но вполне отвечали правовым формам древности. Возможно, именно с этим связано обращение в литературе того времени к таким проблемам, как возможность сопоставления социальных отношений в России и на Западе (М.М.Ковалевский), аграрной революции в России и во Франции (Н.И.Кареев), особенностям российского феодализма (Н.П.Павлов-Сильванский), изучению частного-правового акта (А.С.Лаппо-Данилевский).

Решение проблемы земельной собственности в советский период в этой динамической перспективе, как отмечалось, предстает как публичный сервитут, а положение колхозного крестьянина может быть сопоставлено с положением колона в поздней Римской империи или государственного крестьянина в Российской империи XIX в. Колонат представлял собой пере-

ходную форму от полной личной зависимости (рабства, крепостничества) к неполной – выражавшейся в экономической зависимости при личной свободе.

Теория переходных форм собственности позволила установить некоторые общие параметры: отношение к существующей системе и причины неудовлетворенности ею; содержательные параметры предлагаемых реформ аграрных отношений и связанных с этим институтов (соотношение публичной и частной собственности); инструменты, предлагаемые для их реализации (государственное вмешательство, местное самоуправление, формы спонтанного общественного движения); направления и степень реализации положений проекта.

Модернизация и ретрадиционализация аграрных отношений

Все проекты российских аграрных реформ констатируют трудность их проведения. Эта трудность выступает как объективный фактор и в ходе практического осуществления реформ. Она выясняется в проектах путем сравнения российской ситуации с европейской. Основными ориентирами для авторов проектов XVIII – начала XX века являются страны Западной Европы, точнее – опыт аграрных реформ в Англии, Пруссии, позднее – Польше и Прибалтике. По мере расширения аграрного вопроса, в орбиту внимания авторов проектов входит вся аграрная периферия – Азия, Латинская Америка, Африка. Если суммировать причины трудностей, то они сводятся к существованию нескольких констант, тормозящих реформы нового и новейшего времени.

Во-первых, это явление правового дуализма. В России, начиная с Петра Великого и особенно после либеральных реформ 1860-х гг., возник и сохранялся до революции 1917 г. феномен правового дуализма: он состоял в параллельном существовании двух правовых систем. С одной стороны – особой сферы неписаного крестьянского права с его архаичными аграрными представлениями о справедливости, приоритете коллективного

начала над личным, отрицанием индивидуальной собственности, а с другой стороны – вполне рациональной системы позитивных правовых норм, которые были в значительной мере заимствованы из европейских кодексов, вполне соответствовали представлениям о гражданском обществе и частной собственности. Если первая правовая система в общем соответствовала традиционным порядкам крестьянской общины, то вторая – отражала западные представления и насаждалась государством в интересах модернизации страны. Эти два вида права находились в жестком противоречии между собой. Данный конфликт нашел наиболее четкое выражение в разрушении всей сконструированной правовой системы в ходе революций начала XX в. и торжестве правового нигилизма – архаичных представлений о социальной справедливости, свойственных доиндустриальной эпохе и дорыночной экономике. Вместе с тем происходит и возрождение традиционалистских ценностей этого мира.

В ходе революции начала XX в., уничтожившей непрочные элементы гражданского общества, народное «правосознание» восторжествовало над европеизированной системой позитивного права, которое было принесено в жертву утопическим представлениям масс о «золотом веке». Это сделало возможным появление причудливого явления «социалистического права», которое в принципе правом не являлось, но скорее представляло собой его прямое отрицание (отражая на этапе своего формирования правовой нигилизм и деструктивный анархический протест). В свое время мы определили данный феномен как номинальный конституционализм с целью подчеркнуть его отличие от реального (действующего) конституционализма.

В этой перспективе должна рассматриваться проблема конституционных гарантий права частной собственности на землю в России. Конституционная революция 1993 г. ознаменовала разрыв с традицией номинального конституционализма, стремление общества перейти к реальному конституционализму. Последующее движение к «нормальному» представлению о праве, то есть к общепризнанным представлениям о гражданском

обществе и правовом государстве, вынуждено было считаться с утвердившимися ранее предрассудками. В постсоветский период вновь воспроизводится, поэтому, разрыв правосознания (старого) и позитивного права (нового), который иногда приводит к острым конфликтам. Вопрос о частной собственности на землю – по-прежнему раскалывает общество, несмотря на его решение в позитивном праве³⁴. Именно поэтому, современные дискуссии, проекты аграрных реформ и аргументы, приводимые в защиту той или иной позиции, – оказываются при ближайшем рассмотрении заимствованными из предшествующих дискуссий по той же проблеме столетней давности (а иногда они имеют и более древние аналогии).

Во-вторых, то, что земля являлась традиционным объектом религиозной сакрализации и, в силу этого, на нее не могли распространяться (во всяком случае, в массовом крестьянском сознании) представления рыночной экономики. Эти настроения были живы на протяжении всей истории и во многом сохраняются в современных представлениях. В соответствии с ними, ценность земли отнюдь не сводилась к ее рыночной стоимости (как в индустриальных странах Запада), а потому здесь совершенно по-другому представлены такие понятия, как рациональное ведение хозяйства, эффективность, ценность и проч. (эти категории в российском контексте кажутся относительными).

В-третьих, константой русского исторического процесса оказывается отсутствие единого режима применения права частной собственности для всего населения страны. Ключевым здесь является отсутствие института частной собственности на землю в России и интерпретация этого феномена. До сих пор в России при существовании соответствующих правовых норм отсутствует фактическая реализация разграничения частной и публичной собственности на землю, а потому не работают такие правовые регуляторы поземельных отношений, как частная и государственная собственность, выкуп за возможное равное возмещение и проч. Даже на высшем этапе развития заимствований из западного гражданского права существовало, как было показано, значительное число изъятий и исключений, очень

специфичен был статус таких форм сословной собственности, как вотчинная, поместная, сервитуты (вплоть до публичного сервитута советской эпохи). Собственно говоря, этим объясняется неудача всех попыток кодификации гражданского права в предреволюционный период.

Другой стороной той же проблемы выступает центр и периферия: как совместить единство целей и разнообразие региональных интересов. Стратегические препятствия определяются незавершенностью формирования государственности (по линии концепции федерализма); противоречиями и лакунами в правовом регулировании (напр., в области разграничения уровней собственности на землю и так называемого совместного ведения). В результате изменений последнего времени, наметилась тенденция к пересмотру всех политико-правовых отношений по линии центр–регионы в направлении усиления централизации. Идет переход от системы раннего постсоветского периода (характеризовавшегося тенденцией к политическому и экономическому обособлению регионов) к их большей интеграции. Однако нет ясности в вопросе о том, до каких пределов должна идти эта интеграция (разброс мнений очень велик – от сторонников теории внутреннего суверенитета до унитаризма).

Для решения вопросов экономической политики это создает ситуацию неопределенности, поскольку продолжают оставаться нерешенными общие вопросы – контроля над сырьевыми ресурсами (несмотря на решения Конституционного суда), бюджетного федерализма, рационального (с экономической точки зрения) административно-территориального деления (и его укрупнения), перераспределения налогов и бюджетного финансирования (регионы дотационные и донорские). Неурегулированность предметов совместного ведения (федерального центра и субъектов федерации) порождает излишне широкую и неопределенную трактовку конкурирующей компетенции и ведет к размыванию ответственности (в частности, в отношениях между полпредами президента и губернаторами)³⁵.

Эти споры (напр., при обсуждении концепции так называемой региональной «публичной собственности») четко просле-

живаются по вопросам собственности на землю и недра, условий национализации и приватизации собственности, роли государства и возможных методах вмешательства правоохранительных органов в дела крупных корпораций. Именно они сделали возможным появление альтернативных концепций собственности, административной реформы, законодательства о корпорации и лоббировании (которое выступает в том числе инструментом «деприватизации») ³⁶.

В-четвертых, слияние власти и контроля над собственностью в одних руках. Данная проблема имеет глубокие исторические корни, восходя к системе отношений служилого государства (с его концепцией условного землевладения). Как отмечают все авторы проектов (включая современных), ситуация слияния власти и собственности характеризует особый режим функционирования правовых норм, которые действуют постольку, поскольку соответствуют установившейся социальной логике (в новейшее время примером могут служить споры о «внутреннем суверенитете» регионов и создании на этой основе концепции региональной публично-правовой собственности на землю и природные ресурсы, которая не без основания интерпретируется как своеобразный ренессанс феодальных норм в постсоветский период).

В-пятых, роль государства (бюрократии) в регулировании поземельных отношений и контроле за земельными ресурсами. Характерно, что все проекты, отстаивавшие идею правовых реформ (в противоположность проектам аграрной революции), апеллируют именно к бюрократии. Наиболее дальновидные авторы этих проектов указывают, однако, что реализация фундаментальных аграрных преобразований не возможна без параллельного реформирования самой администрации. Они справедливо связывают успех аграрных преобразований (введение нового земельного права) с административной и судебной реформами.

Следствием этих констант развития российского общества становится осознание главной трудности, которое формулируется в парадоксальной форме: реформировать отношения земельной собственности оказываются реально способны именно

те бюрократические структуры, которые сами более всего заинтересованы в их сохранении. Возникает ситуация замкнутого круга, на которую пессимистически указывают разработчики реформ: модернизация сопровождается ретрадиционализацией, реформа – контрреформой, а весь процесс саморегуляции системы приобретает характер цикличности.

Аграрный вопрос, как показывает история, в принципе не может быть решен бесконфликтно. Единственной разумной альтернативой фундаментальным социальным кризисам является своевременное осуществление радикальных реформ, предпринимаемых по инициативе государства, способного на современном этапе ввести эти изменения в правовое русло и минимизировать социальные издержки переходного периода. Современная Россия вынуждена решать проблемы, с которыми большинство стран Западной Европы столкнулось в XIX в., при переходе к индустриальному обществу, когда радикальное разрешение аграрного вопроса стало источником социального вопроса, новой бедности, пролетаризации и пауперизма. До настоящего времени все попытки решения аграрного вопроса в России оказывались очень непрочными, поскольку упирались в абсолютное преобладание аграрных отношений и традиционализм крестьянства, являвшегося основной массой населения. Современные реформы осуществляются в иной ситуации (реализованного промышленного переворота и преобладания городского населения над сельским). Тем не менее, перед современными реформаторами стоят во многом сходные задачи: важно перевести аграрный вопрос из сферы социального конфликта в сферу правового и технологического процесса. Осознание этой ситуации стало важным выводом всей постсоветской политической динамики. «Россия созрела для введения частной собственности на землю», – заявил Г.О.Греф³⁷. Но он фактически лишь повторил слова П.А.Столыпина. Насколько данный вывод соответствует действительности?

Правовое решение аграрного вопроса в современной России по-прежнему сталкивается с рядом объективных препятствий. К ним относится, во-первых, отсутствие устойчивых исторических традиций частной собственности вообще и на землю – в особенно-

сти; во-вторых, неразвитость чувства частной собственности в широких слоях населения (согласно опросам общественного мнения, большинство граждан России выступает против частной собственности на землю, а в сельской местности этот показатель близок к абсолютному); в-третьих, оппозиция реформам со стороны мощных традиционалистских сил (в виде колхозно-совхозного лобби, тесно связанной с ним региональной бюрократии, опирающейся на социальную поддержку коллективистски мыслящего электората). Государство (точнее, просвещенная бюрократия), выступая инициатором аграрных реформ, не может, поэтому, опираться на широкую социальную базу (или устойчивый социальный консенсус), вынуждено лавировать и прибегать к компромиссам, которые могут обернуться движением вспять. Оно оказывается перед дилеммой, с одной стороны, объективной необходимости реформ, направленных на модернизацию страны, и, с другой, угрозы утраты стабильности, предсказуемости и управляемости ситуацией.

Этим объясняется такая важная особенность аграрных реформ в России, как их волнообразность (цикличность): каждый шаг вперед в области аграрного переустройства сопровождался, по крайней мере, до сих пор, возвратным движением и восстановлением прежних институтов в модифицированном виде. В этом смысле вся советская колхозно-совхозная система, разрушить которую призвано современное земельное законодательство, в длительной исторической перспективе выступает как реакция на либеральные аграрные реформы последнего периода существования самодержавия – от Великих реформ 60-х годов XIX века до столыпинских реформ начала XX века (что вполне осознают инициаторы современных реформ). Цикличность аграрных реформ в России – действительно выступает как объективная закономерность, а черный передел – едва ли не постоянная судьба России. Не случайно, современные коммунистические критики Земельного кодекса по существу повторяют аргументы своих предшественников – консервативных помещиков: реформа приведет к дестабилизации и распаду государства, колонизации страны иностранным (и национальным мафиозным) капиталом, росту социального рассло-

ния и бедности, национальным конфликтам, ослаблению обороноспособности государства и падению морали населения. В случае приватизации земли они прогнозируют новые массовые «аграрные беспорядки». Нельзя сказать, что эти аргументы, в основе своей, будучи, безусловно, демагогическими, лишены реальных оснований.

Эти трудности проведения аграрных реформ в России очень сужают возможные рамки выбора механизмов их реализации. На современном этапе реформа объективно необходима и ей нет разумной альтернативы. Однако ее проведение оказывается, как и ранее, возможным лишь при активной направляющей роли государства, берущего на себя ответственность за социальные издержки этого процесса, механизм ее проведения приобретает характер бюрократической реформы, осуществляемой путем аппаратных комбинаций с отстранением широкой общественности и давлением на оппозицию.

Технологии аграрных реформ

Мы говорили главным образом о проектах в узком смысле (как документе, имеющем ряд формальных признаков всякого проекта). Но возможна другая (более широкая) трактовка данного понятия. В современном общественном сознании и философии расширительная интерпретация данного понятия связана с его пониманием как проекции настоящего в будущее, сознательном конструировании представления о будущем. Это представление может быть неоднозначным у разных исследователей и зависит от того, какие элементы или процессы существующей реальности они считают наиболее значимыми, а также от того, как они понимают возможность их экстраполяции в будущее. Следствием становятся различные (и даже противоположные) прогнозы перспективных ситуаций, обусловленные как различным видением одних и тех же компонентов окружающей реальности, так и выявлением разных ее компонентов. В данном контексте можно говорить о проекте в широком смысле и попытаться реконструировать (с современных позиций) его оригинальные черты.

Его эвристическое значение состоит в разработке такой концепции проведения аграрных преобразований, которая дала бы оптимальное сочетание традиционных аграрных институтов с практикой модернизирующегося общества. Социальный конфликт, возникший при переходе от аграрного общества к индустриальному, имел чрезвычайно острый характер и мог быть разрешен в принципе с помощью революции или радикальной реформы. Более оптимальным, с точки зрения социальных издержек и правовой преемственности, был путь социальных реформ. Но в обоих случаях ставились под сомнение сложившиеся отношения собственности и их правового регулирования. Отстаивая путь реформ, авторы сознавали, в то же время, необходимость сохранения правовой и политической стабильности, утрата которых вела к революционному хаосу и потере рычагов управления процессом изменений. В связи с этим основная проблема получала следующую формулировку: как совместить стабильность, предсказуемость и правовой характер общественного регулирования с необходимостью быстрых и общественно непопулярных изменений. Для этого необходимо было провести изменения системы без нарушения ее внутреннего единства и управления. Эта задача, в свою очередь, требовала постановки таких вопросов, которые даже не возникали в других системах с более развитой рыночной экономикой (или возникали там гораздо ранее).

Данный общественный запрос привел к созданию специальной технологии таких реформ, которая должна быть признана основным научным достижением. Важность и оригинальность этой технологии заключалась прежде всего в отказе от абстрактного и чисто рационалистического подхода к нововведениям (в стиле французского Просвещения), точнее – переосмыслению таких понятий, как «рациональность» и «эффективность», применительно к традиционалистским структурам.

Другой характеристикой данной технологии становилось признание разрыва правовых форм (более консервативных по определению) и социального содержания, открывавшая возможность управления этим содержанием без изменения форм.

Третьей – разделение социального и технологического (или инструментального) компонентов в развитии аграрной экономики. Анализ всего комплекса архивных и опубликованных материалов научного наследия авторов проектов позволяет с этих позиций увидеть как внутреннюю логику размышлений, так и понять основные направления разработки аграрного вопроса в России.

Как показало, в частности, сопоставление взглядов А.Гакстаузуна³⁸ и К.Д.Кавелина³⁹, категория эффективности связывалась ими прежде всего со способностью институтов или норм (как старых, так и новых) действовать в исторически сложившейся культурной среде. Отсюда интерес обоих мыслителей к этнографической (мы бы сказали антропологической) интерпретации институтов традиционного аграрного общества, – прежде всего общины, эффективность которой состояла в способности разрешать конфликты на основе обычного крестьянского права без обращения к официальным институтам власти.

Отвергая абстрактное экономическое понимание рациональности и эффективности, данный подход соотносил ее с задачами социальной интеграции, обеспечения ценностной и психологической приемлемости институтов и норм для сельского населения, а потому делал основной упор на возможности их культурной адаптации (новые образовательные и поведенческие ориентации), скептически относясь к насильственному разрушению старых и внедрению новых норм.

Конфликт легитимности и законности – основная причина динамики правового развития и смены теорий, объясняющих природу правовых норм и, в частности, – земельного права. Данное противоречие, как отмечалось, имеет принципиальное значение в условиях радикальных реформ и революций, определяя легитимацию новых форм собственности. Его выражением в России стало то, что принято именовать аграрным вопросом.

Сопоставление российской ситуации начала и конца XX столетия по этому параметру (соотношения легитимности и законности) выявляет существенное формальное сходство при различной направленности процессов. В обоих случаях

речь идет о радикальном кризисе всей правовой системы – революционных изменениях права, как частного, так и публично-го (социальная революция сопровождается конституционной); в обоих случаях, далее, имеет место переход от одной доминирующей формы собственности – к другой (в начале века – от плюрализма форм собственности к монизму государственной собственности, в конце – напротив, от монизма – к плюрализму); наконец, движущей силой изменений отношений собственности оказывается государство⁴⁰.

Результатом радикальных перемен конца века стало возрождение проблемы правового дуализма, а также практически всех ранее выдвигавшихся идей его преодоления – от революции до реформы. Очевидно, что динамика частноправовых отношений вновь предстает в разрыве представлений о сущем и должном, действующем правом и тем, которое представляется более справедливым. Теоретически существует только два способа разрешения противоречия. Можно отказаться от модернизированного права и вернуться к реальности, т.е. к старым представлениям о социальной справедливости, но это, очевидно, будет означать шаг назад по отношению к созданному конституцией позитивному праву (включая право частной собственности на землю). Другой путь – в том, чтобы социальные отношения постепенно подтянуть до уровня правового идеала. Очевидно, что именно второй путь более эффективен для реализации принципов гражданского общества в России. Действительно оказываются нужны радикальные, социальные и политические реформы, способные трансформировать традиционные социальные институты и стереотипы (как коммунистической, так и более ранней феодальной эпохи) в направлении гражданской культуры и рациональных представлений⁴¹.

Основной инструмент этих преобразований следует искать не в принуждении, а в образовании: целесообразно соединить реформу образовательной системы (и преподавания права, в частности) с реформированием социальных отношений и развитием правовой системы. В этом – ключевой элемент реформ. При решении этих проблем можно руководствоваться не только выводами чистой теории, но и сравнительным анализом

рассмотренного российского опыта. Его основная формула, как представляется, должна состоять в выделении самостоятельного технологического компонента реформ поземельных отношений в традиционалистском обществе.

Первое правило технологии гласит: новые институты эффективны постольку, поскольку успешно разрешают проблемы традиционного общества. Известно, что проблема земельных реформ не может быть понята исключительно как экономическая проблема в обществе, где земля является объектом сакрализации, а отношение к ней выступает как легитимирующий фактор любой политической власти. Систематическая десакрализация земли как объекта хозяйственной деятельности (с целью включения ее в хозяйственный оборот и распространение на нее таких понятий, как рациональность, эффективность, коммерческая ценность) – должна быть признана фактором легитимации рационального права и институтов.

Второе правило данной технологии – возможность и необходимость практического использования объективного различия между формально-правовой и реальной (социологической) характеристикой традиционных институтов. Если первая остается неизменной и тяготеет к стабильности, то вторая, напротив, подвержена живым изменениям, которые могут иметь принципиально различную направленность. Это свойство социальных отношений опережать развитие правовых форм предлагалось широко использовать в интересах реформ. Примером может служить исключительно важный в методологическом отношении анализ русскими юристами института крепостного права, в ходе которого было показано, как с течением времени «неопределенная зависимость» сменилась «личным рабством», что открывало возможность обратной эволюции без изменения правовой формулы (путем интерпретации крепостного права не как личной зависимости крестьянина от помещика, а как его крепости земле). Другим примером в этом ряду является интерпретация права собственности на землю и прав наследования земли. Здесь также историческая эволюция привела к возможности взаимоисключающих трактовок (учитывая

дуализм права собственности в России) – в пользу помещичьего землевладения (в силу закона), крестьянского (в силу исторического обычая).

Третье правило – разделение социальных и технологических (или инструментальных) параметров аграрной реформы. Дело в том, что классическая модель собственности (частной и публичной), сформулированная римскими юристами и закрепленная в последующих крупных кодификациях стран Западной Европы, оказывается практически нереализуемой в условиях переходного периода, а попытки ее механического перенесения становятся деструктивным фактором, поскольку отторгаются населением. Эта проблема стала актуальной как раз в пореформенной России, но продолжает оставаться ею и сейчас (как в России, так особенно в развивающихся странах с преобладанием аграрного сектора экономики).

В связи с этим русские юристы сформулировали особую концепцию переходных типов собственности. В ее основе – сознательное выведение из рыночных отношений крестьянской земли, наделение ее статусом публичного сервитута, введение моратория на сделки купли-продажи и рыночного отчуждения земли. Данный порядок, не означая отказа от базовой категории собственности (остающейся единой и неизменной как для физических, так и юридических лиц), предполагает, в то же время, введение особого правового режима, элементами которого становятся – мораторий на быстрое и единовременное введение разных категорий земли в коммерческое использование, налоговое законодательство, политика государственного регулирования земельных цен.

Концепция разграничения социально-правового и технологического компонентов реформы представляется одним из важнейших достижений либеральной политико-правовой мысли, поскольку открывает возможности реформационной трансформации аграрных отношений на технологическом уровне, откладывая на неопределенное время социальные реформы (вплоть до достижения обществом соответствующей культурной стадии). Все три направления данной технологии реформ в

традиционном обществе определяли, как было показано, соответствующую социальную практику.

Позиция таких либеральных мыслителей, как Поленов, Кавелин, Кондратьев, теоретики Конституционно-демократической партии, в этой перспективе предстает не идеологической, но прагматической и выражается в стремлении к синтезу положений различных доктрин в интересах практического решения аграрного вопроса. Этим объясняется то, что некоторые современники рассматривали как «эклетический» подход – синтез идеализма и материализма, традиционализма и рационализма, взглядов западников и славянофилов, поиск консенсуса общества и государства, крестьянства и дворянства, просвещенной бюрократии и интеллигенции. Решение проблемы консенсуса, неосуществимое на доктринальном и идеологическом уровне, выводилось за его пределы путем новой интерпретации теоретических вопросов как технологических, а критерием приемлемости решений становилась их эффективность для модернизации традиционного общества.

Важнейшая политическая составляющая успеха реформ, как показывает опыт ряда проектов (прежде всего негативный), состоит в избегании популизма: сознательном разведении содержательных параметров реформы и ее интерпретации для неподготовленных масс населения. Попытка соединить эти два вида социальной активности приводит к деструктивным следствиям для самой реформы, поскольку реализация непопулярных, но необходимых реформ неизбежно вызывает протест традиционалистского населения с непредсказуемыми последствиями. Очевидна актуальность этого подхода для современности.

¹ Подробнее: *Медушевский А.Н.* Проекты аграрных реформ в России, XVIII–XXI века. М.: Наука, 2005.

² *Неделски Д.* Следует ли предоставлять праву собственности конституционную защиту? Релятивистский и сравнительный подход // Роль конституционных судов в обеспечении права собственности. М.: ИППЦ, 2001. С. 160–182.

- ³ *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М.: Междунар. отношения, 2000. Т. 1-2.
- ⁴ Дебаты о земле в Государственной Думе (1994-2000 гг.): Документы и материалы. М., РОССПЭН, 2000. Кн. 1-2.
- ⁵ *Вебер М.* Аграрная история древнего мира / Под ред. Д.Петрушевского. М.: Канон-Пресс, 2001.
- ⁶ П.Н.Милуков. Историк, политик, дипломат. М.: РОССПЭН, 2000.
- ⁷ Проекты к сочинению Нового Уложения 1754-1766 гг. и первоначальный План к сочинению нового Уложения // Проекты Уголовного Уложения 1754-1766 / Под ред. А.Востокова. СПб.: Сенатская типография, 1882.
- ⁸ *Поленов А.Я.* Об уничтожении крепостного состояния крестьян в России // Русский Архив: Ист.-лит. сб. М., 1865 (Год Третий). Стб. 286-316.
- ⁹ План государственного преобразования графа М.М.Сперанского. Введение к Уложению государственных законов 1809 г. М., Сытин, 1905.
- ¹⁰ Проекты П.Д.Киселева см. в кн.: *Заблюцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д.Киселев и его время. СПб., 1882. Т.1-4.
- ¹¹ Великая реформа, 1861-1911: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М.: И.Д.Сытин, 1911. Т. I-V.
- ¹² *Кавелин К.Д.* Записка об освобождении крестьян в России // Собр. соч. СПб.: М.М.Стасюлевич, 1898. Т. 2.
- ¹³ *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование Александра II: Материалы для истории освобождения крестьян. По официальным источникам. Бонн н/ Рейне: Ф. Крюгер, 1862-1868. Т. I-IV.
- ¹⁴ Гражданское Уложение. Кн. 1: Положения общие: Проект Высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения с объяснениями. СПб.: Гос. типография, 1903; Гражданское Уложение. Кн. 3: Вотчинное право: Проект Высочайше Утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Вторая редакция с пояснениями. СПб., Гос. типография, 1905.
- ¹⁵ Проект Основных положений аграрной реформы Партии народной свободы // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1. См. также: Аграрный вопрос / Изд. П.Д.Долгорукова и П.И. Петрункевича. М.: Право, 1906-1907.
- ¹⁶ Проект Основного закона о земле фракции социалистов-революционеров Учредительного собрания // Партия социалистов-революционеров: Документы и материалы, 1900-1925. М., РОССПЭН, 2000. Т. 3, ч. 2. Документ № 29.

- ¹⁷ Коминтерн в решениях по аграрному и крестьянскому вопросу. М., 1932.
- ¹⁸ Земельный кодекс Российской Федерации // Полный сборник кодексов Российской Федерации. М.: Славянский дом книги, 2002.
- ¹⁹ *Витте С.Ю.* Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905.
- ²⁰ *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия: Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете, 1906-1911. М.: Наука, 1991.
- ²¹ Свод аграрных программ. СПб., Право, 1907; Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М.: РОССПЭН, 1995.
- ²² *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. М.: И.Н.Кушнерев, 1883.
- ²³ «Проект 42-х»: аграрный законопроект, внесенный фракцией партии народной свободы // Государственная Дума, 1906-1917: Стенографические отчеты. М., 1995. Т. 1.
- ²⁴ Труды Комиссии по подготовке земельной реформы. Пг.: Министерство земледелия, 1917.
- ²⁵ Типовой крестьянский наказ // Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов. Пг., 1917. 19 августа (№ 88).
- ²⁶ Конституционные проекты в России XVIII – начало XX вв. М.: РАН, 2000.
- ²⁷ *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. М.: Общественная польза, 1918.
- ²⁸ *Чаянов А.В.* Избранные труды. М.: Колос, 1993.
- ²⁹ *Кондратьев Н.Д.* Аграрный вопрос. М.: Лига аграрных реформ, 1917.
- ³⁰ *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России XVIII столетия. СПб.: Стасюлевич, 1887; *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995.
- ³¹ *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права. СПб., 1876. Т. 1-2.
- ³² Современный анализ этих концепций см.: Цивилистические исследования: Ежегодник гражданского права. М.: Статут, 2006. Вып. 2.
- ³³ Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М.: РОССПЭН, 1999; Российские либералы. М.: РОССПЭН, 2001.
- ³⁴ Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России, 1991-1997. М.: ИЭПП, 1998.
- ³⁵ Административно-территориальное устройство России. История и современность. М.: Олма-Пресс, 2003.
- ³⁶ Изменение и консолидация рыночного законодательства в контексте российской судебной реформы. М.: ИППП, 2005.

- ³⁷ Принятие Земельного Кодекса: (мониторинг) // Совет Федерации и конституционные процессы в современной России: Бюллетень. 2001. № 1.
- ³⁸ *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М.: А.И.Мамонтов, 1870.
- ³⁹ *Кавелин К.Д.* Крестьянский вопрос: Исследование о значении у нас крестьянского дела, причинах его упадка и мерах к поднятию сельскохозяйственного производства и быта поселян. М.: Стасюлевич, 1882.
- ⁴⁰ *Skyner L.* Property as Rhetoric: Land Ownership and Private Law in Pre-Soviet and Post-Soviet Russia // *Europe-Asia Studies*, 2003. Vol. 55, N 6. P. 889-905.
- ⁴¹ Собственность на землю в России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2002.

**ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
ЦЕНТРАЛЬНО-НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ РОССИИ
НА СТРАНИЦАХ «ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ»
XIX – НАЧАЛА XX в.***

Внимание исследователей уже не раз привлекали материалы российской экономической печати XIX – начала XX в., посвященные различным проблемам аграрного развития Центрально-Нечерноземной России, и, прежде всего, сложному и противоречивому процессу хозяйственной и социокультурной модернизации региона¹. Вместе с тем, в научной литературе крайне редко становились объектом изучения сельскохозяйственные периодические издания как таковые, на страницах которых нашли подробное отражение многие важные вопросы, включая агротехнические, технологические и социальные аспекты проводимых в центрально-нечерноземных губерниях аграрных усовершенствований². Рассмотрим под указанным ракурсом одно из центральных общероссийских изданий подобного рода – «Земледельческую газету», содержание которой еще не становилось предметом источниковедческого либо историографического исследования.

«Земледельческая газета» (1834-1917) издавалась в Санкт-Петербурге. С 1834 г. она находилась в ведении Министерства финансов, с 1838 г. издавалась Министерством государственных имуществ, с 1896 г. известным книгоиздателем и просветителем А.Ф.Девриеном (без государственной субсидии), а с 1901 г. А.С.Сувориным. Начало ее издания в 1834 г. связано с инициативой членов Комитета для усовершенствования земледелия в России³. Главными задачами издания газеты первоначально являлись: расширение хозяйственного кругозора российских помещиков-землевладельцев; привлечение их к практической аграрной рационализации для повышения доходности имений; «взаимный обмен мыслей, опытов и наблюдений» ме-

* Написано при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-01-01054а).

жду учеными и сельскими хозяевами-практиками; пропаганда научных знаний и новейшего аграрного опыта. До 1860 г. издание выходило два раза в неделю (по вторникам и пятницам), а с 1860 г. – еженедельно.

Тираж «Земледельческой газеты» и число подписчиков сильно колебались: в 1851 г. около 4000 экз.; с 1834 по 1853 г. общее число подписчиков насчитывало от 3700 до 5700 человек (в основном, дворян центрально-нечерноземных губерний); в 1865 г. около 1600 экз. (300 «обязательных» и около 1300 «необязательных» подписчиков); в 1896 г. количество платных подписчиков сократилось до 2327 человек, в 1897 г. – до 1874 человек, а затем вновь возрастает.

Можно условно выделить четыре этапа функционирования газеты в соответствии как с общегосударственными условиями отечественной аграрной модернизации, так и с особенностями отражения на страницах этого издания аграрного опыта Центрально-Нечерноземной России, а также со спецификой редакторской политики.

Первый этап охватывает период с 1834 по 1861 г. Газета сразу же проявила себя в качестве влиятельного и авторитетного печатного издания для различных групп сельского населения Центрально-Нечерноземной России. Основными разделами являлись: «Правительственные постановления», «Сельское хозяйство», «Внутренние текущие известия», «Иностранные известия» и «Объявления». Материалы всегда отличались простым и понятным для различных категорий населения языком.

Постепенно возрастает интерес к газете со стороны мелких землевладельцев и крестьянства. С конца 1830-х гг. среди ее подписчиков все чаще встречаются крестьяне, число которых с каждым годом увеличивалось⁴. При этом крестьяне на практике использовали прочитанные ими хозяйственные рекомендации; с 1837 г. отмечены попытки крестьян улучшить собственное хозяйство под влиянием публикуемых в газете материалов⁵. На страницах этого издания, быстро ставшего настоящей аграрной энциклопедией, регулярно публиковались обширные хозяйственно-статистические описания губерний и местностей, очерки отдельных хозяйств, отчеты о научных исследованиях

различных отраслей сельского хозяйства Центрально-Нечерноземной России, цены на «сельскохозяйственные произведения», а также данные по урожайности, метеорологии, зоологии, о распространении орудий и машин.

В 30-х – первой половине 40-х гг. XIX в. газета активно пропагандировала плодосменное хозяйство, доказывая при этом «невыгодность» как для помещиков, так и для крестьян сохранения архаичных культурно-хозяйственных традиций, включая трехполье. Затем на передний план выходят вопросы вольнонаемного труда, уничтожения чересполосицы, размежевания земель, сбыта хлеба и др. Большое внимание уделялось культурам картофеля и льна, овцеводству, применению новейших орудий и машин. Вместе с тем недостаточно анализировалось и пропагандировалось рациональное молочное хозяйство.

В целом в эти годы издание успешно исполняло роль «посредницы между хозяевами» (термин самих читателей), активно пропагандируя в Центральном Нечерноземье новейший отечественный и зарубежный научно-хозяйственный опыт. С ним тесно сотрудничали авторитетные ученые (особенно активно с середины 1850-х гг.), рационализаторы, общественные деятели: гр. Н.С.Мордвинов, П.П.Заблоцкий, Н.Н.Муравьев, Ф.Х.Майер, М.Г.Павлов, Е.С.Карнович и др. С 1853 г. в газете публиковались биографии выдающихся российских и зарубежных рационализаторов и агрономов. Газета стремилась стать «полезной для крестьянства» путем публикации специально адресованных им статей и рассказов А.П.Заблоцкого-Десятковского, кн. В.Ф.Одоевского, других писателей и просветителей. Акцент целенаправленно делался на освещении аграрных проблем Центрально-Нечерноземной России.

В 1848 г. газету уже получали сотни читателей региона, в том числе 148 человек в Московской губ., 130 – в Нижегородской, 128 – в Тверской, 105 – в Ярославской, 102 – в Костромской и 101 человек – в Смоленской губерниях⁶. На первый взгляд, это весьма скромные показатели. Однако, не следует забывать о том, что ранее аграрных изданий подобного рода в центрально-нечерноземных губерниях не существовало вообще. При этом более важным был не количественный, а прежде

всего *качественный* аспект. Землевладельцы региона впервые получили возможность сравнить конкретные условия хозяйствования в отдельных уездах, понять механизмы внедрения аграрных новаций.

Во многом благодаря газете в дореформенном российском обществе утверждается мысль о «необходимости науки для успеха в земледелии»; медленно, но все же меняется традиционный «обломовский» помещичий хозяйственный менталитет. «Газета сия многих заставила читать и призадуматься о невыгодах стародавних форм беспечного хозяйства»⁷, – отмечал в 1836 г. помещик А.Ивановский. Постепенно улучшалось и крестьянское хозяйство, о чем свидетельствовали многочисленные примеры использования крестьянами рациональных методов земледелия, в том числе предложенного известным рационализатором Н.Н.Муравьевым нового способа уборки хлебов с помощью кос, вытеснившего во многих хозяйствах старый трудоемкий способ уборки серпами⁸. «Чтение газеты, – отмечала пресса, – привлекает даже крестьян следовать сделанным опытам»⁹.

Вместе с тем, следует учитывать, что в условиях крепостничества широкое распространение передового аграрного опыта было невозможно, что, однако, отнюдь не преуменьшает хозяйственных и просветительских начинаний этого периода, как правило, осуществлявшихся новаторами-подвижниками, к которым, бесспорно, относились и сотрудники газеты, а также лица, тесно сотрудничавшие с нею на протяжении многих лет¹⁰.

С 1856 г. подписчикам ежегодно бесплатно рассылалась «Вспомогательная для сельских хозяев книжка», включавшая статьи о рациональном ведении сельского хозяйства и справочные материалы. С 1853 г. «Земледельческая газета» уже издавалась «на коммерческом основании»; значительно сократились государственные ассигнования.

Большой вклад в успешную организацию работы газеты внесли ее первые редакторы С.М.Усов¹¹ (возглавлявший издание в 1834-1853 гг.) и А.П.Заблоцкий-Десятовский (руководивший газетой в 1853-1860 гг.).

Помимо активной пропаганды хозяйственных новаций и идей рационализма, в газете не раз отмечалась необходимость «разумного пользования силами природы» (предпосылка экологического сознания XX в.), а также «хозяйственной расчетливости и бережливости». С 1857 г. появляются статьи по общим аграрным проблемам: «об улучшении быта поселян», о распространении крестьянского образования, о народных суевериях и др. Заметно увеличивается количество научных статей; большое внимание уделяется анализу учения Ю.Либиха и его прикладным работам в области «земледельческой химии». Газета активно участвовала в работе по подготовке крестьянской реформы 1861 г., причем как орган не только аграрной, но и общественной мысли: освещался ход подготовки к освобождению крестьян, вопросы поземельной собственности, общинного хозяйства, свободы личности.

Как подчеркивал в 1853 г. А.П.Заблоцкий-Десятовский, приступая к руководству «Земледельческой газетой», она в течение 18 лет своего существования «была главным средством к взаимному между хозяевами обмену мыслей, опытов и наблюдений»¹². При этом была успешно достигнута главная цель этого уникального аграрного издания – «расширить круг сношения хозяев», стать для них центром информации, чтобы издание газеты «шло неуклонно по стезе *практической общеплезности* (выделено в источнике. – С.К.)»¹³. Характерен еще один важный момент: отнюдь не являясь противниками научного знания, сотрудники газеты выступали, прежде всего, за приоритет «хозяйственной практики» в нелегком деле улучшения аграрного строя Центральной России¹⁴.

Второй период функционирования газеты – с крестьянской реформы 1861 г. до образования Министерства земледелия и государственных имуществ во главе с А.С.Ермоловым в 1894 г.

Особый научный интерес вызывают опубликованные в эти годы на страницах «Земледельческой газеты» материалы, освещающие как объективные, так и субъективные трудности, возникающие на пути пореформенной аграрной модернизации в Центрально-Нечерноземной России. Прежде всего, отметим исключительно важный фактический материал о применении в

местных помещичьих хозяйствах вольнонаемного труда¹⁵. Именно в первые пореформенные годы как крестьяне, так и землевладельцы региона зачастую проявляли поразительную неуступчивость по отношению друг к другу, не желая идти на какие бы то ни было хозяйственные компромиссы. С одной стороны, крестьяне диктовали цены на вольнонаемный труд (нередко превышающие разумные) и при этом безжалостно разоряли помещичьи владения (нанося огромный экологический ущерб¹⁶), а с другой – их бывшие владельцы не желали уступать земли в аренду по приемлемой для обеих сторон цене. В результате, как правило, такие землевладельцы разорялись и оставались «не у дел»¹⁷. Подобный максимализм, олицетворявший одну из характерных особенностей национального менталитета, дорого обошелся сельскому хозяйству. Отечественная экономическая печать апеллировала к землевладельцам с весьма красноречивыми призывами: «Если вы желаете, чтоб земля приносила вам доход, – не назначайте дорогой цены на землю; сдавайте ее за что бы то ни было... Натура русского крестьянина упряма; сломить ее нельзя крутыми мерами, а нужно действовать исподволь, не торопясь. Сначала пустите землю за полцены, потом постепенно и понемногу, с каждым годом, надбавляйте... А если будете дорожиться, то земля ваша заростет негодными травами и залужает, а тогда крестьянин ее не возьмет и даром...»¹⁸

Именно такие, на первый взгляд, банальные советы, и были необходимы многим землевладельцам региона, которые оказались растерянными перед лицом неизвестной «рыночной стихии». Необходимо было «начать с малого», в частности, обратить особое внимание на «мелочи», из которых как раз и складывался конечный хозяйственный успех: тщательность обработки земель и другие¹⁹. Кроме того, именно в «Земледельческой газете» нашла подробное отражение ключевая для сельского хозяйства региона проблема применения разнообразных удобрений, в решение которой внес особенно ощутимый вклад А.Н.Энгельгардт²⁰ (также активно сотрудничавший с этим изданием²¹).

В пореформенную эпоху на страницах газеты аргументированно доказывалась возможность выхода помещичьих хозяйств из кризиса путем соединения практики и научных знаний. В число постоянных авторов (сотрудников) входят выдающиеся российские ученые-аграрники и рационализаторы: М.В.Неручев (с 1868 г.), И.А.Стебут (с 1877 г.), Д.А.Путята (с 1868 г.), академик Н.И.Железнов (с 1865 г.), кн. В.И.Васильчиков (с 1873 г.), В.И.Вешняков, С.С.Коссович и др. Общее количество сотрудников увеличивается с 62 (1865 г.) до 155 (1884 г.) человек. В 1860-1862 гг. при газете издавался «Сельский листок» (выходивший два раза в месяц), содержащий статьи по аграрным вопросам, справочный материал и «рассказы из быта поселян» (народный фольклор и пр.) и предназначенный, в основном, крестьянам. Важность подобного издания была очевидна: именно архаичные традиции сельской общины были одной из главных преград на пути модернизации сельского хозяйства Центрального Нечерноземья²².

В этот период обращает на себя внимание огромная организационная, научная и просветительская роль редактора «Земледельческой газеты» Ф.А.Баталина (1823-1895)²³, возглавлявшего ее с 1 мая 1865 г. по февраль 1895 г. Под его руководством происходит переориентация основной направленности издания. Главное внимание теперь уделяется ранее малоосвещаемым вопросам, которые в условиях пореформенной эпохи выдвигаются на передний план: обязательному страхованию скота против падежей, чумопрививанию, способам улучшения животноводства. Отметим также ценные материалы, касающиеся развития сельскохозяйственного образования в регионе²⁴, деятельности местных хозяйственных обществ²⁵, особенностей аграрной модернизации в помещичьих и крестьянских хозяйствах²⁶. На страницах газеты активно обсуждаются и пропагандируются достижения рационализаторов Центральной России: Д.А.Путяты, Н.С.Серова, И.А.Бабина и др.

Именно Ф.А.Баталин в качестве редактора «Земледельческой газеты», по отзывам современников, «поставил ее на известную высоту», дав тем самым «сильный толчок русской сельскохозяйственной печати». В ряде статей, опубликованных

на страницах газеты в 1860-х гг., он аргументированно доказывал возможность и эффективность использования вольнонаемного труда в сельском хозяйстве России. Кроме того, Ф.А.Баталин уделял большое внимание пропаганде новейшей сельскохозяйственной техники (как отечественной, так и зарубежной), передовой аграрной технологии. Как и известный помещик-рационализатор И.А.Бабин, он защищал необходимость улучшения российского скота путем селекции (скрещивания); внес большой вклад в развитие теории и практики отечественной зоотехнии XIX в. В течение многих лет он настойчиво и упорно пропагандировал предохранение скота от чумы, что имело большое значение для развития животноводства как страны в целом, так и Центрального Нечерноземья в частности. Именно Ф.А.Баталин стал главным инициатором введения силосования в отечественном сельском хозяйстве; поставил вопрос о необходимости сидерации. Благодаря его усилиям в России была также введена перевозка мяса в специальных вагонах.

В 1865-1895 гг. Ф.А.Баталин опубликовал на страницах «Земледельческой газеты» множество своих статей по различным экономическим вопросам (в основном аграрным). Это было не случайно: талантливый ученый и организатор, пользовавшийся огромным авторитетом и уважением российских ученых и землевладельцев-практиков, отличался энциклопедическими знаниями, «критическим умом» и феноменальной памятью²⁷. Он вошел в аграрную историю России и как талантливый педагог, воспитавший несколько поколений российских аграрников (ученых и практиков).

В 1913 г. в статье, опубликованной в издании, которым он управлял многие годы, отмечалось: «...ни одна отрасль сельского хозяйства не оставлялась без внимания “Земледельческой газетой”, руководимой Ф.А.Баталиным. ...Умение подметить ту или другую нужду сельского хозяйства, своевременно откликнуться на нее и указать верный путь к устранению этой нужды – вот в чем заключалась огромная заслуга Ф.А.Баталина перед русским сельским хозяйством»²⁸.

С середины 1870-х гг. увеличивается количество материалов, посвященных проблемам улучшения земледелия в регионе: разведения сельскохозяйственных растений, хранения продуктов, обеспечения хозяев кормовыми средствами. Газета внесла значительный вклад в распространение культуры кормовой кукурузы в отдельных губерниях Центрально-Нечерноземной России, а также во внедрение процесса силосования зеленых кормов в сельскохозяйственное производство (с 1876 по 1884 г. – 217 статей, заметок и корреспонденций по указанным проблемам). В 70-80-х гг. XIX в. с ней сотрудничают А.С.Ермолов²⁹ (будущий министр), П.А.Костычев³⁰, К.К.Вебер и другие видные российские ученые-аграрники, включая сотрудников Петровской земледельческой и лесной академии.

В газете нашли подробное освещение вопросы, связанные с мировым аграрным кризисом 1880-х гг. и его практическим последствиям для России. Здесь тоже ярко проявился организационный талант Ф.А.Баталина, который всегда прислушивался к мнению сельских хозяев различных губерний и местностей России, сделав «Земледельческую газету» рупором их хозяйственных нужд и настроений, что имело особенно важное значение в условиях мирового аграрного кризиса и поиска путей преодоления его негативных последствий отечественными землевладельцами и учеными. В целях более эффективного сотрудничества сельских хозяев и специалистов-аграрников он впервые в России открыл в газете в 1878 г. особый отдел «Вопросы и ответы», имевший большой успех и к концу XIX в. ставший неотъемлемым и важным элементом всех ведущих российских сельскохозяйственных изданий³¹. В результате читатели получали на свои вопросы по насущным хозяйственным проблемам квалифицированные ответы для «практических надобностей».

Третий этап деятельности «Земледельческой газеты» охватывает период с 1894 по 1906 г. На рубеже XIX-XX вв. большое внимание уделяется обзорам крестьянского хозяйства отдельных губерний и местностей Центрального Нечерноземья, развитию торгового молочного животноводства в регионе, обзорам иностранной сельскохозяйственной литературы. В газете

появляются новые разделы: «Действия правительства», «Общие вопросы сельскохозяйственной промышленности» (основное внимание – «грядущим реформам с сельскохозяйственной точки зрения»), «Полеводство», «Луговоеводство и травосеяние», «Машины, орудия и приборы». Акцентируется внимание на борьбу с болезнями животных и растений, на торговлю аграрной продукцией (особенно на «хлебную» и «лесную» виды торговли; последняя была особенно развита в Вологодской и Костромской губерниях), на участие в хозяйственных выставках. Важное внимание уделяется прикладным аспектам земской агрономической деятельности; делаются попытки объединения усилий российских ученых, землевладельцев, крестьян и общественных деятелей в решении проблем аграрной модернизации Центральной России. В газете также подробно освещались мероприятия учрежденного в 1894 г. Министерства земледелия и государственных имуществ во главе с А.С.Ермоловым, а также деятельность экономических и сельскохозяйственных обществ, действовавших в регионе (особенно Московского общества сельского хозяйства).

В 1906 г. издание газеты было приостановлено по решению Главного управления землеустройства Министерства земледелия и государственных имуществ.

Последний, четвертый этап функционирования газеты охватывает 1913-1917 гг. С 1913 г. издание «Земледельческой газеты» вновь возобновляется по решению Государственной думы. В первом же номере вновь вышедшего издания редакция отмечала: «Вступая ныне в новый период своего существования, возобновляемая “Земледельческая газета” остается верной программе прежних лет. Она ставит себе целью быть органом научных и практических деятелей на поприще сельского хозяйства и способствовать распространению агрономических знаний, путем широкого освещения вопросов сельскохозяйственной жизни»³².

Вместе с тем, новая редакция газеты учитывала и изменившиеся (в основном под влиянием буржуазного аграрного рынка) условия «русской хозяйственной жизни» и, прежде всего, «возникновение местных научных и опытных учреждений», а также «сильное развитие местной сельско-хозяйственной прес-

сы»³³. Поэтому в качестве центрального органа российской аграрной печати «Земледельческая газета» сделала основную ставку на разработку и освещение вопросов, имеющих как «общерусское значение», так и относящихся к сельскому хозяйству крупных экономических регионов России, включая и Центральное Нечерноземье. Главная «неотложная задача времени», подчеркивала редакция, это подъем техники и рациональная организация сельскохозяйственного производства³⁴.

Отметим, что при этом большое значение уделялось сбору и анализу ценнейшего фактического материала о развитии сельского хозяйства в регионе, с учетом того обстоятельства, что эти сведения, «разбросанные и неучтенные... затериваются на местах среди житейских будней», в то время, как собранные и систематизированные, «послужат живым свидетельством отзывчивости земледельческого населения (имелась в виду, прежде всего, способность к внедрению различных аграрных новаций. – С.К.), поддерживая бодрость тех, кто вкладывает в дело улучшения хозяйства свои силы и знания»³⁵. Наконец, редакция резюмировала, что все эти хозяйственно-просветительские задачи газета сможет выполнить «лишь при условии активного участия в ее работе деятелей на поприще сельского хозяйства, памятуя, что только тесная связь с обществом и жизнью, с ее нуждами и запросами, даст ей возможность принести посильную лепту на пользу родной страны»³⁶. Как мы видим, наряду с чисто экономическими и просветительскими задачами, члены редакции газеты руководствовались и высокими патриотическими чувствами, стремясь, в первую очередь, преодолеть аграрную отсталость России, тесно связанную с косно-бюрократическими и патерналистскими традициями отживающего самодержавного режима.

В годы столыпинских аграрных реформ газета активно пропагандирует новые хозяйственные и общественные начинания; акцент по-прежнему делается на внедрение новейшей земледельческой техники, внесение удобрений, переход к многополью, развитие торгового животноводства. Издание выступает в качестве важного элемента системы оказания эффективной агрономической помощи сельскому населению.

С началом Первой мировой войны возможности для реализации большинства хозяйственных и культурных начинаний резко сокращаются; газета шире освещает общегосударственные задачи, включая продовольственную помощь тылу и фронту, и даже публикует письма из действующей армии. В газете публикуются обзоры состояния аграрных отраслей западноевропейских стран в годы Первой мировой войны (включая интенсификацию германского сельского хозяйства)³⁷. В 1916 г. на страницах «Земледельческой газеты» впервые в России публикуются счетоводные записи сельских хозяев различных губерний страны с целью выяснения себестоимости производства сельскохозяйственных продуктов – ценный источник для изучения сельскохозяйственного быта России в период Первой мировой войны.

Пропагандировался газетой в эти годы и кооперативный аграрный опыт в регионе. Материалы свидетельствуют о том, что больших успехов добилось льноводство Центрального Нечерноземья, огромную роль в развитии которого сыграло Всероссийское центральное товарищество льноводов. К началу 1917 г. в это объединение льноводов входило 103 кооператива³⁸. Примечательно, что из 11 губерний, в которых действовали кооперативы товарищества, большинство (8 губерний) составляли центрально-нечерноземные: Тверская, Московская, Смоленская, Ярославская, Костромская, Вологодская, Владимирская и Нижегородская³⁹. С чем же были связаны столь значительные успехи? Как отмечали еще дореволюционные исследователи, в годы войны среди выделившихся из общины крестьян заметно усилился интерес к работе кооперативных организаций. Так, среди учрежденных в 1915 г. пяти сельскохозяйственных обществ Муромского у. Владимирской губ. именно крестьяне-единоличники (как правило, хуторяне) играли ведущую роль⁴⁰. Указанная тенденция была характерна и для крестьянских кооперативов других губерний региона.

Кроме того, историки, занимающиеся проблемами российской аграрной кооперации, могут найти в «Земледельческой газете» ценнейший материал, относящийся к такой важной для

региона отрасли хозяйства, как «артельное крестьянское маслоделие»⁴¹.

Внимательно изучался земский опыт аграрных мероприятий, проводимых в этот период в отдельных губерниях и уездах Центрального Нечерноземья⁴². Анализ этих материалов, в частности, показывает, что наиболее интенсивно ассигнования на экономические (в основном агрономические) мероприятия выделялись в Костромской губ., а наименее – в Ярославской губ.⁴³ В чем же были причины недостаточного внимания ярославских земцев к аграрным проблемам? В газете отмечалось, что главная причина сложившейся ситуации – это «переразвитость канцелярского и показного дела в ущерб непосредственной работе» в Ярославском губернском земстве⁴⁴.

Повышенное внимание уделялось вопросам развития животноводства⁴⁵; подчеркивался ценнейший научно-практический опыт выдающегося ученого-животновода М.И.Придорогина⁴⁶. Кроме того, акцент делался также на изучении деятельности местных участковых агрономов в годы войны⁴⁷. По-прежнему активно пропагандировался передовой аграрный опыт отдельных хозяйств⁴⁸. Наконец, необходимо отметить материалы, касающиеся использования в сельском хозяйстве региона труда военнопленных⁴⁹.

К 1917 г. на передний план выходят вопросы рациональной организации сельскохозяйственного труда в ослабленной войной России, облегчения снабжения населения инвентарем, условия сбыта с целью «поддержать падающую ныне производительность сельского хозяйства». Акцентируется внимание на утрате миллионов рабочих рук в российской деревне в результате войны и «оскудения» земледелия. Поэтому на передний план выдвинулась задача повышения производительности труда, по уровню которого Россия заметно отставала от стран Западной Европы.

Материалы газеты свидетельствуют о том, что в годы войны слабо использовались в сельском хозяйстве Центрального Нечерноземья возможности новейшей сельскохозяйственной техники, и, прежде всего, тракторов. С одной стороны, это объяснялось тяжелым материальным положением местного

крестьянства, а с другой, недоверием сельских жителей к «иностранным машинам»⁵⁰. В целом же, как не раз отмечали на страницах газеты специалисты-аграрники, в условиях острейшего дефицита рабочих рук положение центрально-нечерноземной деревни все более ухудшалось. Современники писали, что «пользуются дорогими заработками только те немногие счастливицы, которые избежали призыва, и которые укрепляют свое положение, а масса уже по одному тому не может иметь сбережений, что все, что нужно деревне, страшно дорого»⁵¹. В результате большинство крестьян жило, «ничего не приобретая»; сельскохозяйственный инвентарь быстро изнашивался, хозяйственные постройки ветшали, но главное – землепользование становилось все более «беспорядочным» (хаотичным), а качество обработки полей постоянно снижалось⁵².

Агрономическая помощь населению также постепенно уходила на задний план, а во многих уездах региона, по свидетельству современников, «совершенно замерла»⁵³. Значительная часть земского персонала была мобилизована, оставшиеся же сотрудники были вынуждены заниматься другими вопросами, прежде всего, продовольственными заготовками для армии. В результате сельское население не получало необходимой помощи и оказалось «предоставлено самому себе»⁵⁴. Отсюда – и большое количество ошибок в практических аграрных делах, в том числе «недопустимый посев» несортированными семенами, нерациональная культура травосеяния, слабое использование крестьянами машин на прокатных пунктах⁵⁵.

В «Земледельческой газете» за годы войны был также опубликован ряд важных материалов, касающихся постепенного изменения культурного быта крестьянства центрально-нечерноземных губерний. Они, в частности, свидетельствуют о том, что в этот период крестьяне гораздо острее по сравнению с другими проблемами воспринимали растущую дороговизну предметов массового потребления и почти полное отсутствие некоторых из них на внутреннем рынке⁵⁶.

Вместе с тем, наблюдались и позитивные моменты. В отдельных губерниях региона были организованы новые производства по изготовлению и ремонту сельскохозяйственной

техники⁵⁷. Успешно работали опытные станции, включая зоотехническую опытную станцию при Московском сельскохозяйственном институте⁵⁸. Продолжались опыты с минеральными удобрениями, начатые еще перед войной и имевшие большое хозяйственное значение⁵⁹. Отметим также, что даже в условиях войны в центрально-нечерноземных губерниях продолжалась просветительская работа, в том числе в формате различных сельскохозяйственных курсов, рассчитанных на крестьян⁶⁰.

К весне 1917 г. «идейное руководство» газеты (которая стала гордо именоваться журналом) перешло к коллегиальному редакционному комитету, в состав которого вошли ведущие российские ученые-аграрники: Б.Д.Бруцкус, В.Э.Брунст, А.П.Левицкий, К.А.Мацевич, Н.М.Тулайков, А.О.Фабрикант, А.В.Чаянов и А.Н.Челинцев. К этому времени редакция «Земледельческой газеты» имела собственных корреспондентов в Италии, Швейцарии, Дании, Аргентине и Северо-Американских Соединенных Штатах, а главное – разветвленную сеть сотрудников в большинстве губерний России. Газета пользовалась признанием среди многочисленных читателей⁶¹.

Само издание провозгласило себя «демократическим» и «беспартийно-прогрессивным»⁶². Основное внимание было обращено на вопросы аграрной политики и реорганизации сельского хозяйства России в целях «быстрого возрождения и развития производительных сил деревни» после окончания войны⁶³. Примечательно, что к тому времени среди специалистов-аграрников падает доверие к частным инициативам в области сельского хозяйства; главные надежды возлагались уже на государственные аграрные мероприятия и «вмешательство, граничащее с государственным социализмом»⁶⁴. Подобный подход четко прослеживается в публикациях газеты 1917 г. Так, подробно охарактеризовав отношение к Февральской революции 1917 г. русской деревни (в том числе по материалам Нижегородской и Владимирской губерний), один из авторов подчеркивал: «Вообще революция словно разбудила в деревенской России все ее живые силы и подняла в крестьянине стремление к организационной и хозяйственной самостоятель-

ности»⁶⁵. Большую роль в указанном процессе сыграли местные крестьянские кооперативы⁶⁶.

При этом отмечалась недопустимость насильственного решения аграрного вопроса, необходимость мирно-эволюционного подхода к этой ключевой для страны проблеме: «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем какого-либо захвата. Насилия и грабежи – самое дурное и самое опасное средство в области экономических отношений. ...Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого народным представительством (предстоящим Учредительным собранием. – С.К.)»⁶⁷.

Однако, на практике события начинали развиваться по худшему из возможных сценариев. В центрально-нечерноземных губерниях все ожесточеннее разворачивалась борьба за землю как между соседними крестьянскими селениями, так и внутри них самих⁶⁸. В результате «трудовое крестьянство» (которое зачастую идеализировалось представителями «левой» научной интеллигенции) стремительно распалось на отдельные «враждующие группы»⁶⁹. До «черного передела» 1918 г. и уничтожения уникального мира русской дворянской усадьбы мощным взрывом крестьянской анархии⁷⁰ оставалось всего несколько месяцев. В этих условиях на страницах «Земледельческой газеты» появляются материалы, авторы которых подвергали резкой критике «пропаганду аграрного максимализма» (наиболее последовательно проводимую большевиками), отмечая при этом, что именно большевики не только давали советы крестьянам, как «брать землю», но и полностью отрицали «государственно-рациональное построение аграрной реформы в целом»⁷¹.

В последних номерах газеты в ноябре 1917 г. рассматривался обычный круг вопросов: снабжение населения фосфорно-кислотными удобрениями, кредитная кооперация, заготовка хлеба и др. Вместе с тем, выдвигались и новые задачи, поставленные революцией (которая, как отмечалось в газете, «выдвинула великие возможности осуществления коренной перестройки земельных отношений»): передача земель в ведение земельных комитетов, «пропаганда аграрного максимализма»

партией социалистов-революционеров и Всероссийским Советом крестьянских депутатов, осуществление программы 3 Всероссийского съезда Лиги аграрных реформ⁷²; публиковались резолюции по аграрным вопросам, принятые различными политическими партиями.

В середине ноября 1917 г. в связи с революционными событиями и резкой маргинализацией общественной жизни издание газеты прекращается.

Таким образом, материалы «Земледельческой газеты» являются ценным источником не только для исследования целого ряда вопросов, касающихся теории и практики аграрной модернизации центрально-нечерноземных губерний России XIX – начала XX в., но и для изучения государственной аграрной политики, эволюции традиционного менталитета сельского населения региона, истории отечественного рационализма в целом.

¹ *Нохрина В.А.* Издательская деятельность Московского общества сельского хозяйства (1820 – 1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990; *Она же.* Первые отечественные журналы по овцеводству // Овцеводство. 1990. № 2. С. 37; *Мохначева М.П.* Социальные аспекты фермерства в российской деревне в освещении журнала «Экономический указатель» // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С. 172-182; *Козлов С.А.* Российская экономическая печать о развитии сельского хозяйства Подмосковья в 1861 – 1894 гг. // Проблемы истории Московского края: Тез. докл. 4-й регион. науч. конф., посвящ. 75-летию образования Моск. обл. (Москва, 25 февраля 2004 г.) / Отв. ред. В.Н.Захаров. М., 2004. С. 68-70; *Она же.* Аграрная рационализация Центрально-Нечерноземной России на страницах отечественной экономической печати 60-х гг. XIX в. // Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 г.: Памяти проф. А.А.Преображенского: Сб. ст. / Отв. ред. А.В.Семенова. М., 2007. С. 344-381; и др.

² См. также: *Козлов С.А.* Вопросы аграрной рационализации Центрально-Нечерноземной России на страницах журнала «Сельский хозяин» (конец XIX – начало XX в.) // Северо-Запад в аграрной истории России: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.Н.Никулина. Калининград, 2003. С. 123-135.

- ³ Подробнее о деятельности комитета см.: *Он же*. Комитет для усовершенствования земледелия в России // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Т. I. М., 2008. С. 1030-1031.
- ⁴ См.: Земледельческий опыт русского крестьянина // Земледельческая газета. 1837. 8 окт. (№ 81). С. 641-642. (Далее – ЗГ).
- ⁵ Участие крестьян в успехе «Земледельческой газеты» // Там же. 26 февр. (№ 17). С. 133-15.
- ⁶ К читателям «Земледельческой газеты» // Там же. 1848. 31 дек. (№ 105). С. 839.
- ⁷ *Ивановский А.* Способ очищения льняного семени // Там же. 1836. 3 янв. (№ 1). С. 7.
- ⁸ См.: *Журавлев В.* О причинах, препятствующих распространению хлебокошения в России // Там же. 1847. 21 янв. (№ 6). С. 41-45.
- ⁹ *Пономарев А.З.* Опыт устройства имения // Там же. 1844. 21 янв. (№ 6). С. 41.
- ¹⁰ См. также: Алфавитный указатель всех статей «Земледельч. газеты», с 1834 по 1844 г. СПб., 1844.
- ¹¹ См.: *Козлов С.А.* Усов Степан Михайлович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Т. II. М., 2008. – В печати.
- ¹² *Заблоцкий А.* От редакции // ЗГ. 1853. 1 янв. (№ 1). С. 1.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Там же.
- ¹⁵ *Н.Н.* Хозяйство вольнонаемным трудом // Там же. 1862. 17 марта (№ 11). С. 164-165; Вольнонаемный труд // Там же. 1865. 1 мая (№ 18). С. 273; и др.
- ¹⁶ См.: О мерах к охранению земельных угодий от потрав и других повреждений // Там же. 1862. 11 авг. (№ 32). С. С. 497-499.
- ¹⁷ См., напр.: *В – въ*. Влияние 123 ст. местного Великокороссийского Положения на сельское хозяйство // Там же. 1863. 9 марта (№ 10). С. 151-152.
- ¹⁸ Там же. С. 152.
- ¹⁹ См.: Там же. С. 307-309.
- ²⁰ См.: Применение костяного удобрения в России. Обстоятельства, препятствовавшие до сих пор распространению у нас удобрения костями. Способ обработки их смесью золы с известью, предложенный г. Энгельгардтом // Там же. 1865. 13 марта (№ 11). Хозяйственная летопись. С. 170-171; и др. См. также: *Бушек Ф.И.* Костяной порошок как удобрение // Там же. 1865. 20 нояб. (№ 47). С. 748; *Ермолов А.* Фосфориты под Москвой и в Московской губ. // Там же. 1870. 19 дек. (№ 51). С. 805-810. Как отмечалось в печати, метод «костяных удобрений», предложенный Энгельгард-

- том и Ильенковым, «может с успехом применить действительно всякий хозяин», о чем также свидетельствовали опыты, проведенные в 1868 г. в Земледельческом институте. – См.: *Лачинов П.* Письмо к редактору «Земледельческой газеты» (О разложении костей по способу гг. Ильенкова и Энгельгардта) // Там же. 1868. 13 янв. (№ 2). С. 25.
- ²¹ Проф. А.Н.Энгельгардт как сотрудник «Земледельческой газеты» // Там же. 1884. Прил. С. 6-7.
- ²² См. также: О влиянии праздничных и прогульных дней на сельское хозяйство и сельский быт // Там же. 1865. 13 февр. (№ 7). С. 106-107; Сельское хозяйство и сельские рабочие в России и за границей // Там же. 1866. 13 авг. (№ 33). С. 517-521.
- ²³ Подробнее см. о его деятельности: *Козлов С.А.* Баталин Федор Александрович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Т. I. М., 2008. С. 170-171.
- ²⁴ *Неручев М.В.* К вопросу о сельскохозяйственном образовании // ЗГ. 1867. 8 апр. (№ 14). С. 209-212; и др.
- ²⁵ Отчет Московского общества улучшения скотоводства в России // Там же. 1873. 10 марта (№ 10). С. 143-148; и др.
- ²⁶ *Неручев М.В.* Слабые стороны нашего хозяйства // Там же. 1868. 30 марта (№ 13). С. 200-202; и др.
- ²⁷ См. также: *А.Р.* Памяти Федора Александровича // Там же. 1895. № 31; *Кожин В.Н.* Из с. Исады на Оке реке: По поводу 75-летия «Земледельческой газеты» // Там же. 1916. № 27; *Котельников В.* «Земледельческая газета» восьмидесятих годов минувшего столетия // Там же; *Шафранов П.* «Земледельческая газета», ее предшественники и сверстники // Там же; *Шульц А.* К 75-летию «Земледельческой газеты» // Там же; *Гомилевский В.И.* «Земледельческая газета» и сельское хозяйство с 1884 по 1916 гг. // Там же. № 29.
- ²⁸ *З – ев Л.* Ф.А.Баталин // Там же. 1913. 5 января (№ 1). С. 4. См. также: *Богданов С.* «Земледельческая газета» Ф.А.Баталина // Там же. С. 4-6.
- ²⁹ А.С.Ермолов как сотрудник «Земледельческой газеты» // Там же. 1916. № 27. Прил. С. 26-27.
- ³⁰ См. также: *Козлов С.А.* Костычев Павел Андреевич // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Т. I. М., 2008. С. 1079-1080.
- ³¹ См.: *Протопопов П.В.* По поводу отдела «Вопросы и ответы» // ЗГ. 1882. 29 мая (№ 22). С. 423.
- ³² С.-Петербург, 12 октября 1913 г. // Там же. 1913. 12 окт. (№ 1). С. 2.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.

- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ См.: *Нильсен О.М.* Война и датское сельское хозяйство // Там же. 1915. 21 марта (№ 12). С. 338-340; *Еремеев Н.К.* Льноводство и обработка льна в Голландии // Там же. С. 328-332; *Катаев И.* Очерки сельско-хозяйственного образования в Финляндии // Там же. 13 июня (№ 24). С. 678-681; *Надеждин К.* Интенсификация германского сельского хозяйства во время войны // Там же. 1917. 7 янв. (№ 1). С. 21-22; *Красноперов И.* Сельско-хозяйственные проблемы во Франции и Италии в 1916 г. // Там же. С. 22-24; *Брунст В.* Военные меры помощи сельскому хозяйству за границей // Там же. 25 марта (№ 11-12). С. 217-219; и др.
- ³⁸ *Авалиани С.* Новейшие течения в сельскохозяйственной кооперации // Там же. 1917. 25 марта (№ 11-12). С. 215.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Сластников С.И.* Кооперативы среди хуторян Муромского уезда // Там же. 1916. 8 окт. (№ 41). С. 1092.
- ⁴¹ *Быстров М.Ф.* Артельное маслоделие в Вологодской губ. // Там же. 1915. 21 марта (№ 12). С. 343-345; Возникновение крестьянского артельного маслоделия в Весьегонском уезде, Тверской губ. // Там же. 1916. 1 окт. (№ 40). С. 1071-1072; и др.
- ⁴² *Ковальковский А.* Ассигнования Костромской и соседних губерний на экономические мероприятия // Там же. 1915. № 26 (27 июня). С. 735-738; 4 июля (№ 27). С. 766-768; 11 июля (№ 28). С. 792-794; и др.
- ⁴³ Там же. С. 793.
- ⁴⁴ Там же. С. 794.
- ⁴⁵ *Быстров М.* Вопросы животноводства на XII Ярославском агрономическом совещании // Там же. 25 июля (№ 30). С. 851-853; и др.
- ⁴⁶ *Хуртин И.* Агрономические вопросы в земских собраниях Нижегородской губ. // Там же. 7 ноября (№ 45). С. 1242-1243. См. также: *Козлов С.А.* Придорогин Михаил Иванович // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). Т. II. М., 2008. – В печати.
- ⁴⁷ *Фабрикант А.* Земская агрономическая деятельность в Московской губ. за 1914 г. // ЗГ. 1915. 4 апр. (№ 14). С. 395-398.
- ⁴⁸ См., напр., об известном хозяйстве М.К.Мамонтовой в Московской губ.: *Крюков Н.А.* Птицеводное хозяйство М.К.Мамонтовой // Там же. 27 июня (№ 26). С. 728-735.
- ⁴⁹ *Хуртин И.* О применении труда военнопленных в Нижегородской губ. // Там же. 1915. 18 апр. (№ 16). С. 453-454; Война и ведомство земледелия // Там же. 1917. 7 янв. (№ 1). С. 19; и др.
- ⁵⁰ Война и ведомство земледелия // Там же. 1917. 14 янв. (№ 2). С. 47.

- ⁵¹ *Костромитинов Г.* Деревня накануне Нового года // Там же. 21 янв. (№ 3). С. 68.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Война и агрономические мероприятия // Там же. 4 февр. (№ 5). С. 122.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Так, в одной из статей 1916 г. отмечалось, что владимирские крестьяне не могли достать «ни по какой цене» соли, пшеничной муки и сахара – «предметов, без которых невозможно или очень трудно жить». – *Д.Г.* Настроение владимирской деревни // Там же. 1916. 12 нояб. (№ 46). С. 1198. Подробнее см.: Там же. С. 1198-1199.
- ⁵⁷ Подробнее см.: Война и деятельность министерства земледелия // Там же. 2 янв. (№ 1). С. 18 и др.; О мероприятиях министерства земледелия, содействующих нормальному течению сельскохозяйственной жизни страны // Там же. С. 20-23.
- ⁵⁸ См.: *Иванов М.Ф.* Порода и корм // Там же. 1917. 21 янв. (№ 3). С. 62-64.
- ⁵⁹ *Федоровский В.А.* Испытание минеральных удобрений в Нижегородской губ. под рожь и клевер 1913-1914 гг. // Там же. 1915. 7 марта (№ 10). С. 260-263; 14 марта (№ 11). С. 290-292; и др.
- ⁶⁰ *Лебедев А.* Организация вечерних специальных курсов в Тверском у. // Там же. 1915. 14 февр. (№ 7). С. 192; и др.
- ⁶¹ См.: *В.Х.* Читатели о «Земледельческой газете» // Там же. 1916. 2 июля (№ 27). С. 753-757.
- ⁶² Редакция. К читателям нашего журнала // Там же. 1917. 18 марта (№ 9-10). С. 204.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ См.: *Христианович В.* Что нужно делать? // Там же. С. 192.
- ⁶⁵ *Ге-Тан.* Революция и деревня // Там же. 25 марта (№ 11-12). С. 216.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Временное правительство об аграрном вопросе // Там же. С. 237.
- ⁶⁸ *Першин П.* К вопросу о передаче земель в ведение земельных комитетов // Там же. № 42-44 (11 нояб.). С. 721- 722.
- ⁶⁹ Там же. С. 722.
- ⁷⁰ См. также: *Ге-Тан.* Аграрные программы крестьян // Там же. № 19-21.
- ⁷¹ См., напр.: *Першин П.* Указ. соч. С. 723.
- ⁷² См. также: Лига аграрных реформ // Там же. 1 июля (№ 25-26). С. 513-518. Подробнее о деятельности Лиги см.: *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.). М., 1995. С. 102-104.

**ПРОМЫСЛЫ КРЕСТЬЯН СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В пореформенные годы общее число письменных документов о хозяйстве и занятиях крестьян резко возросло, появились новые их виды. Важнейшей причиной возрастания количества и видового разнообразия источников стала потребность государства в точных и достоверных сведениях о различных сторонах функционирования крестьянского хозяйства для выработки экономической и социальной политики в сфере аграрных отношений. Кроме того, большую роль в деле формирования корпуса источников сыграли земства, подготовив и опубликовав многочисленные издания различной тематики и содержания. Разные условия формирования источников обусловили довольно существенные отличия в методах сбора информации, что, естественно, не могло не сказаться на их точности, достоверности и степени информационной ценности. Часть источников в разное время была опубликована, многие до сих пор хранятся в архивных фондах.

Территориальные границы статьи включают три губернии Российской империи: Петербургскую, Псковскую и Новгородскую. Со времен П.П.Семенова-Тянь-Шанского они традиционно относятся исследователями к северо-западному экономико-географическому району, входившему в нечерноземную полосу России¹.

Среди делопроизводственных материалов государственных учреждений, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, особого внимания заслуживают «всеподданнейшие» годовые отчеты губернаторов Петербургской, Псковской и Новгородской губерний. Они являются важнейшим систематическим единообразным источником по истории северо-западного региона Российской империи. Как известно, 19 июня 1870 г. Комитет министров принял положение, носившее на-

звание «Высочайше утвержденные формы или программы для составления губернаторских отчетов»². Положением был установлен новый формуляр отчета, взамен существовавшего с 1837 г. и в значительной степени формализованного инструкциями 1842 и 1853 гг. Своим циркуляром от 14 февраля 1871 г. Департамент общих дел МВД потребовал от губернаторов в текстовой части отчета в краткой и сжатой форме излагать только то, что достойно внимания императора³. Сведения о промыслах крестьян входили во вторую часть отчета губернатора – обзор, в котором давалась полная характеристика положения губернии⁴. В отличие от предшествующего формуляра сведения о промыслах сельского и городского населения выделялись в отдельную рубрику «в». Она помещалась в разделе «Естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность ее населения».

В губернаторских отчетах нередко характеризовались причины распространения как местных, так и отхожих промыслов. Новгородский губернатор Э.В.Лерхе отметил (отчет за 1876 г.), что недостаток местного хлеба крестьяне пополняли, как и прежде, купленным хлебом из других губерний, «приобретаемым на средства, получаемые от заработков и промыслов»⁵. По мнению губернатора А.Н.Мосолова (отчет за 1884 г.), отхожие промыслы в Новгородской губернии служат необходимым подспорьем к земледелию. Рубка, вывоз и сплав леса по каналам и реке Шексне, а также работа на фабриках и заводах Санкт-Петербурга давали возможность крестьянам уплачивать лежащие на них подати и повинности⁶. Губернатор граф О.Л.Медем отметил, что успешное поступление повинностей, возмещение расходов по хозяйству и питание новгородских крестьян в течение 7 месяцев целиком зависит от заработков, получаемых крестьянами на лесных промыслах, фабриках, заводах, на водных системах и вне губернии, главным образом в Петербурге (отчет за 1901 г.)⁷.

Петербургский губернатор граф С.А.Толь в отчете за 1895 г. также отметил, что земледелие не может быть единственным источником существования для крестьян из-за особенностей почвы и климата. Холодное лето и долгая зима, мало-

плодородная почва и недостаточное количество пастбищ, – все эти обстоятельства толкали крестьян на поиски дополнительных источников дохода, помимо сельского хозяйства. Отсюда – развитие отхожих промыслов. Ежегодно, преимущественно в зимнее время, «в Петербург стекается значительное количество крестьянского населения губернии для ломового и легкового извоза и найма в домашнюю прислугу или поденные и фабричные рабочие»⁸. Следовательно, скудость надельной земли, хронические неурожаи, стремление получить средства для уплаты многочисленных платежей – вот питательная почва для развития крестьянских промыслов в пореформенные годы.

В отдельных случаях в губернаторских отчетах отражена динамика развития промыслов и их география, зафиксирован переход крестьян от одного промысла к другому или названы причины упадка или, наоборот, развития какого-либо промысла. В 1859 г. новгородский губернатор В.И.Филиппович отметил важное значение для крестьян Череповецкого и Устюжского уездов железоделательного промысла, заключавшегося в изготовлении большого количества гвоздей, топоров, лопат и сковород. Изготовленная продукция реализовывалась на месте, в смежных уездах, вывозилась в другие губернии, а также в Санкт-Петербург и Москву⁹. Спустя двадцать лет в отчете за 1879 г. губернатор Э.В.Лерхе зафиксировал только «некоторое оживление гвоздарного промысла» в Череповецком, Устюжском и Белозерском уездах, вызванное хорошими ценами на гвозди в традиционных местах сбыта – Москве и Нижнем Новгороде, а также благодаря тому, что из-за границы поступили более дорогие фабричные гвозди¹⁰. Но уже в отчете за 1881 г., характеризуя крестьянские промыслы Новгородской губернии, Лерхе записал, что распространенный ранее промысел по изготовлению гвоздей в последнее время заметно уменьшился «вследствие конкуренции машинного гвоздя и дороговизны угля». Кроме того, им было подмечено во всех уездах сокращение лесных промыслов по вывозу и сплаву леса и постройке речных лодок «вследствие истощения лесов»¹¹. В отчете за 1879 г. Э.В.Лерхе отметил бурное развитие промысла, связанного с заготовкой сена. Этому способствовало строительство

железной дороги, соединившей Новгород со столицей. Заготовленный крестьянами фураж теперь легко поступал на рынок Петербурга. Если в 1873 г. крестьянами было вывезено в столицу для продажи 72 тыс. пудов сена, то в 1876 г. – свыше 682 тыс. пудов¹².

Вопросы, связанные с воздействием промыслов на крестьянское хозяйство северо-западной деревни, или совсем не отражены, или отражены весьма скупо. Губернаторы обычно сообщали, что местные промыслы «в экономическом отношении играли роль подсобную к сельскому хозяйству», поэтому крестьяне «охотно предпочитают фабричный труд» в Санкт-Петербурге¹³, «ремесла и промыслы, в особенности в деревнях Новгородской губернии, имеют в экономическом отношении лишь значение подспорья к земледелию»¹⁴, из-за упадка местных лесных промыслов «материальное благосостояние населения приходит мало по малу в сравнительно худшее состояние»¹⁵.

Изредка в отчетах попадаются сведения, характеризующие социальные взаимоотношения между уходившими на заработки крестьянами и остающимися в деревне односельчанами и членами семьи. Так, в отчете за 1898 г. петербургский губернатор граф С.А.Толь отметил резкое возрастание роли женщины в крестьянском хозяйстве и охарактеризовал это как результат развития отхожих промыслов. «В Петербургской губернии, – писал Толь, – женщина почти повсеместно ведет крестьянское хозяйство и платит подати, тогда как мужская часть населения, главным образом, поглощена отхожими промыслами»¹⁶. Подобная тенденция отражена и в отчетах новгородского и псковского губернаторов.

В отдельных отчетах содержится количественная характеристика отхожих промыслов, основанная на статистике выданных волостными правлениями паспортов и с некоторыми комментариями. Как известно, чтобы жить за пределами своей деревни, крестьяне должны были иметь паспорт. Паспорт выдавался на три месяца, полгода или год, и для его получения требовалось разрешение главы семьи или деревенского старосты. Паспортная система хоть и затрудняла отход крестьян из де-

ревни, но остановить этот процесс не могла. Цифровые показатели из отчетов новгородских губернаторов А.Н. Мосолова и графа О.Л. Медема дают следующую картину развития крестьянских отхожих промыслов в конце XIX – начале XX века. В 1888 г. волостными правлениями было выдано 83923 паспорта на отлучку крестьян с места жительства, в 1889 г. – 91518, в 1899 г. – 165971 («почти исключительно для приискания заработков вне губернии, которые главным образом население находит в Петербурге»), в 1900 г. – 161682 («население находит работу главным образом в Петербурге, отчасти на фабриках и заводах в Новгородской губернии»), в 1901 г. – 174587 и в 1902 г. – 182402 паспорта («из-за неурожая увеличилось число отходников») ¹⁷. Приведенные цифры свидетельствуют о постоянной тенденции к увеличению числа отходников и возрастанию роли отхожих промыслов в крестьянском хозяйстве. Однако эти материалы не дают возможности проследить выборку паспортов по временам года и продолжительности отлучки, определить соотношение отхода на заработки крестьян и крестьянок, выделить направления отхода.

О промысловых заработках крестьян-отходников губернаторские отчеты сообщают крайне скупо и в самой общей форме: «зарабатывают на уплату податей и оброка»; «многие, не найдя работы, особенно в Санкт-Петербурге, возвращаются домой пешком, без копейки» ¹⁸; «в Новолодожском уезде промысел заключается в конной тяге судов по каналам и рекам, валовой доход с которого достигает ежегодно 900000 рублей» ¹⁹; «уменьшение судоходства по Вышневолоцкой и Тихвинской водным системам со времени открытия Рыбинско-Бологовской железной дороги повлияло на уменьшение заработков населения 3-х уездов – Устюжского, Тихвинского и Боровичского» ²⁰.

Среди материалов, хранящихся в РГИА, несомненный интерес представляют документы Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ (ф. 395). Они представлены, преимущественно, записками земских управ о состоянии кустарных промыслов по отдельным уездам и волостям. В них со-

держатся цифровые и описательного характера сведения о ситуации в местных промыслах. Глубина и информативная ценность материалов фонда 395 неодинакова. Так, при характеристике корзиночного промысла в Великолукском уезде Псковской губернии сказано, что промысел приобрел «особое значение» из-за падения доходности земледелия, что заставляет крестьян искать «жизненные ресурсы в побочных промыслах и занятиях»²¹. Иное дело описание сапожного промысла в Череповецком уезде Новгородской губернии. Оно более насыщено. Изложена история развития промысла с 40-х – до середины 90-х годов XIX столетия. Названы волости, в которых промысел получил наибольшее развитие: Дементьевская, Шухободская, Нелазская и часть Воронинской. Изготовленную продукцию крестьяне реализовывали на местных ярмарках, а также вывозили в Ригу, Петербург и Олонец. Отмечены факторы, способствовавшие сокращению сапожного промысла, это – улучшение путей сообщения в результате строительства железных дорог и мощная конкуренция со стороны предпринимателей из Осташкова и Кимр. В 1895 г. сапожным промыслом занимались 4000 человек, ими было изготовлено 200000 пар обуви. В документе отмечено, что упадок сапожного промысла крайне негативно отразился на крестьянском хозяйстве и многие земледельцы вынуждены были искать работу на стороне, «оставляя свое домашнее хозяйство исключительно на женские руки»²². Здесь же перечислены промыслы, получившие развитие в Новоржевском уезде Псковской губернии: изготовление саней и дуг, колес, кадок, деревянной посуды, плетение лаптей, выделка кож и овчин. Указаны численность занятых в промысле крестьян и их заработок, а также места сбыта продукции. Выказаны предположения о перспективах промыслов – развитии или, наоборот, упадке²³.

При характеристике косыночного промысла в Кирилловском уезде Новгородской губернии отмечено широкое распространение промысла в Талицкой, Бураковской, Волокославинской и Ферапонтовской волостях, где изготовлением косынок

занималось свыше 7000 крестьянок. Указан размер среднего заработка мастерицы – 1,5-2 руб. в месяц. Отмечено, что промысел контролировали 15 крупных предпринимателей. Они закупали в Москве и Вологде шелк и раздавали его крестьянкам. На некоторых предпринимателей работали в своих домах до 600-800 крестьянок. Годовой оборот только предпринимателя Савина составлял около 40000 рублей. Всего же в 1902 г. в Кирилловском уезде было изготовлено косынок на 200000 рублей. В материале о гармонном промысле в Кирилловском уезде зафиксировано широкое разделение труда среди изготовителей гармоний, их зависимость от скупщиков и влияние на промысел конкуренции со стороны тульских мастеров²⁴.

Материалы отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики позволяют проследить динамику развития отдельных промыслов, их зависимость от капиталистического рынка, а также влияние промысловой деятельности на социальные процессы в среде крестьян северо-западных губерний.

Ряд фондов РГИА содержит отдельные материалы о крестьянских промыслах. В Земском отделе МВД (ф. 1291) отложились документы о числе выданных в 1875 г. паспортов на отлучку крестьян Петербургской губернии. В отличие от губернаторских отчетов эти документы содержат данные по уездам, причем взятые паспорта разделены на три группы: годовые, полугодовые и менее чем полугодовые²⁵.

В фонде 401 – XI кустарный отдел Министерства земледелия и государственных имуществ – имеются документы об участии крестьян-промысловиков Новгородской губернии во Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. В них перечислены основные промыслы по уездам, рынки сбыта готовой продукции, указаны методы заготовки исходного материала для изделий. Так, железо в виде прутьев, необходимое для изготовления гвоздей, крестьяне получали от купцов-расковщиков, покупавших его в Москве и на Нижегородской ярмарке. Лес, необходимый для занятий бондарным промыслом, крестьяне покупали в казенных дачах или у местных дворян-помещиков. Пеньку для изготовления веревок крестьяне закупали, как правило, на Нижегородской ярмарке. Гвозди

сбывались купцами-расковщиками в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове, Твери и Ярославле, косы вывозились в Вологодскую губернию и частично сбывались на месте, серпы продавались на ярмарках в Кириллове, Белозерске и Весъегонске²⁶.

Среди опубликованных источников наибольшего внимания заслуживают материалы переписей и временных комиссий и совещаний. Для характеристики динамики отходничества чрезвычайно важны данные однодневных переписей населения Санкт-Петербурга, проведенные 10 декабря 1869 г., 15 декабря 1881 г., 15 декабря 1890 г. и 15 декабря 1900 г. Они зафиксировали устойчивую тенденцию к увеличению числа крестьян Петербургской, Псковской и Новгородской губерний, направлявшихся в столицу империи на заработки (см. табл. 1)²⁷:

Таблица 1

Губерния	Число крестьян-отходников			
	1869 г.	1881 г.	1890 г.	1900 г.
Петербургская	27012	39675	51615	67454
Псковская	8168	16581	21067	48858
Новгородская	18254	34511	42713	62803

Весь пореформенный период крестьяне столичной губернии стабильно занимали первое место среди отходников трех северо-западных губерний и третье место среди крестьян других губерний, уступая только отходникам Тверской и Ярославской губерний. Исходный материал свидетельствует также, что в Петербург приходило примерно столько же крестьянок, сколько и крестьян. Серьезным изъяном материалов переписи является то, что в них не зафиксированы сферы приложения труда крестьян-отходников.

В материалах первой всеобщей переписи населения Российской империи, проведенной в 1897 г., приведена общая характеристика промыслов и перечислены «побочные занятия» крестьян. Так, в Новгородской губернии, согласно переписи, из «побочных занятий наибольшим распространением у мужчин

пользуются, почти повсеместно, разного рода лесные промыслы, сплав, возка леса и дров, рыболовство речное и озерное (преимущественно в Белозерском и Новгородском уездах), производство слесарное и кузнечное (Череповецкий уезд), производство обуви (там же); среди женщин – кустарное производство льняных и пеньковых изделий»²⁸.

Документальные материалы временных комиссий и совещаний имеют свою специфику в содержании информации, что обусловлено теми задачами, которые на них возлагались.

В очерке А.Острякова «Кустарная промышленность в Новгородской губернии», опубликованном в трудах Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, в качестве условия развития местных и отхожих промыслов в Тихвинском уезде назван природно-климатический фактор. Из-за малоплодородной почвы и тяжелого климата «земледелие составляет побочный источник дохода» для крестьян²⁹. Все необходимое для хозяйства, в том числе средства для уплаты податей, крестьяне зарабатывали на заготовке и сплаве леса. Лесной промысел, в свою очередь, стимулировал появление и развитие кузнечного (багры), кожевенного, скорняжного и сапожного промыслов (рукавицы, полушубки и сапоги). Обстоятельно охарактеризованы гончарный и бондарный промыслы крестьян Тихвинского уезда. Несомненный интерес представляет приведенный в очерке Острякова бюджет семьи крестьянина А.Трофимова из деревни Карпова Гора. Семья состояла из 6 человек: хозяин – 45 лет, его сын – 26 лет, невестка – 21 год, две дочери – 17 и 19 лет, внук – 2 года. Таким образом, вся семья, за исключением внука, состояла из работников. В хозяйстве имелись 2 лошади и 4 коровы. Годовой доход семьи от хлебопашества и коров составил 249 руб. 50 копеек, а расход – 560 руб. 60 копеек. Дефицит семейного бюджета в 311 руб. 10 копеек Тимофеев вынужден был покрывать за счет дохода от гончарного промысла³⁰.

Особое место в характеристике отхожих крестьянских промыслов занимают материалы Комиссии 1901 г. В них содержатся данные о количестве взятых крестьянами билетов и паспортных бланков с 1861 по 1900 г., составленные на основе

записей в волостных книгах о выдаче паспортов. Цифровой материал представлен по десятилетиям, что дает возможность проследить динамику развития отходничества крестьян на протяжении всего пореформенного периода (см. табл. 2)³¹:

Таблица 2

Губерния	Продано билетов и паспортных бланков, тыс.			
	1861-1870 гг.	1871-1880 гг.	1881-1890 гг.	1891-1900 гг.
Петербургская	411,2	849,7	1054,2	1663,7
Псковская	133,7	258,1	321,5	661,4
Новгородская	341,6	960,4	980,2	1446,4

В течение сорока лет шел стабильный процесс увеличения численности крестьян-отходников во всех северо-западных губерниях. Наиболее быстрыми были темпы роста числа отходников в Новгородской губернии. Несомненно, что крестьяне-отходники северо-западных губерний были активными участниками процесса «раскрестьянивания»³². За счет выходцев из деревни пополнялся рынок рабочей силы для промышленности.

Главное достоинство материалов Комиссии 1901 г. состоит в том, что общее количество взятых билетов и паспортных бланков распределено по срокам, на которые они брались. Эти данные дают возможность определить влияние отходничества на социальные процессы в северо-западной деревне, поскольку они характеризует степень отрыва крестьян-отходников от сельского хозяйства. Как правило, крестьяне, уходившие по годовым паспортам и на более длительные сроки, фактически не принимали уже никакого участия в сельскохозяйственных работах, нередко совершенно порывали с земледелием, постоянно жили и работали в городах. Связь их с деревней нередко состояла лишь в уплате податей и повинностей и взятии паспорта в волостном правлении на очередной срок. Такие документы брали, как правило, крестьяне, занявшиеся капиталистическим предпринимательством, или крестьяне, связавшие свою

судьбу с постоянной работой по найму. По существу происходило изменение социального статуса таких крестьян: одни пополняли ряды буржуазии, другие – наемных рабочих.

Крестьяне, уходившие на заработки по полугодовым паспортам и краткосрочным билетам, связь с собственным хозяйством сохраняли. Надельная земля и хозяйство на ней оставались для них жизненно необходимыми, последним резервом в случае неудачи в отхожем промысле. Вне хозяйства они находились только часть года – преимущественно зимой, а на время сельскохозяйственных работ, особенно в пору сенокоса, возвращались домой.

Краткосрочные билеты брали крестьяне тех местностей, где неземледельческих отход находился в стадии становления и не имел ярко выраженного промышленного характера. У таких крестьян отхожие промыслы всегда играли подсобную роль по отношению к сельскому хозяйству. К сожалению, материалы Комиссии 1901 г. представлены только погубернскими данными, а они не дают возможности проследить динамику крестьянского отхода по уездам.

Труды «Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» содержат только отдельные материалы о крестьянских промыслах, преимущественно оценочного характера. Так, Великолукским комитетом Псковской губернии было указано на слабое развитие промыслов в уезде и отмечены негативные последствия отхожих промыслов для крестьянского хозяйства. «Отход сельского населения на заработки в Санкт-Петербург приносит только вред уходящим и убыток остающимся, – было записано в журнале уездного комитета. – В большинстве случаев никаких скоплений заработанных средств из Петербурга не получается, а в деревнях не хватает рук для полевых работ и приходится уплачивать недоимки ушедшего»³³.

Среди источников по истории промыслов крестьян Северо-Запада России в пореформенные годы особое место занимает земская статистика. Ярким примером могут служить данные оценочно-статистического исследования крестьянских и помещичьих хозяйств Псковской губернии, проведенного земством

в конце XIX – начале XX столетия и опубликованных в 9 томах. В некоторых выпусках приведены поуездные цифровые показатели соотношения местных и отхожих промыслов крестьян. Так, в Новоржевском уезде местными промыслами были заняты 9,6% крестьян, а отхожими – 19,4%³⁴. Отмечено также, что крестьяне, уходившие на неземледельческие промыслы, шли исключительно за пределы губернии, в то время как занимавшиеся земледельческими промыслами редко покидали свой уезд (т.е. нанимались батраками к соседним помещикам или зажиточным крестьянам)³⁵. Состояние крестьянского хозяйства существенно влияло на развитие отхожих промыслов, поскольку отрыв крестьянина от земли чаще происходил в маломощных хозяйствах, чем в состоятельных. Занимались неземледельческими промыслами преимущественно крестьяне-бедняки³⁶. К сожалению, эти суждения не подтверждены конкретным цифровым материалом.

Большое значение для характеристики промысловой деятельности крестьян столичной губернии в конце XIX столетия имеют «Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии», опубликованные в 8 выпусках. В их основу легли материалы подворной переписи 1882-1883 гг., дополненные исследованиями, проведенными в 1885-1887 гг. «Материалы...» содержат как цифровые данные, характеризующие различные параметры крестьянских промыслов, так и краткие к ним комментарии. Земский статистик Н.Дроздов, готовивший выпуск по Лужскому уезду, отметил трудности в определении разницы между отхожими и местными промыслами. Согласно его данным, из 18305 крестьянских семей, проживавших в уезде, 17394 семьи (95%) в большей или меньшей степени промышляли либо на месте, либо на стороне. Из мужчин-работников уходили на заработки примерно 23%, а из крестьянок – около 12%. Издание содержит характеристику местных и отхожих промыслов, в нем зафиксировано также время ухода крестьян из деревни. В отхожие промыслы крестьяне стремились уйти на осень и зиму. Первостепенным из отхожих промыслов по числу занятых являлась работа в качестве услуги. Отходники трудились дворниками, кучерами, полоте-

рами, кухарками, горничными и нянями. Заработок женщины-отходницы составлял 60-75 руб. в год, а мужчины-отходники зарабатывали в год от 70 до 180 рублей. Местными промыслами было занято более 28000 крестьян. В основном они трудились на лесозаготовке и перевозке леса. Дроздов отметил значительную зависимость крестьян от лесопромышленников: «При работе лесопромышленники заставляют крестьян брать товар и припасы из лавок по высокой цене». Зафиксирована также полная зависимость крестьян, занимавшихся трепкой льна, от скупщиков³⁷. В материалах С.Южакова о промыслах крестьян Ямбургского уезда зафиксировано, что находящиеся в городах на заработках крестьяне не совсем еще порвали связь со своей деревней, сохраняя надел и платя подати³⁸. Практически все выпуски содержат сведения о существенном расслоении среди крестьян, занимавшихся промыслами, когда меньшинство становились предпринимателями, а большинство – наемными работниками. В Ямбургском уезде «занимается лесопромышленностью из местных крестьян разбогатевший Василий Яковлев (из селения Косколово)»; в Петергофском уезде из крестьян, промышленявших извозом в Воронинской волости, выделились 32 домохозяина, использовавших 245 лошадей, а «крестьянин С.Федотов из Бегуницкой волости имеет 40 лошадей и 20 закладок». При этом каждая лошадь за зиму давала выручку в 100 рублей³⁹. В Новоладожском уезде, как заметил В.Яковенко, в судовых промыслах встречаются «довольно крупные судовщики-предприниматели», кроме того, некоторые крестьяне для проводки судов высылали на промысел по несколько десятков лошадей⁴⁰. Ломовой извоз в Санкт-Петербургском уезде находился преимущественно в руках крупных предпринимателей, которые нанимали 10-15 крестьян извозчиками и получали до 5000 рублей дохода в год⁴¹. В Тосненской волости Царскосельского уезда были три крупных предпринимателя, занимавшихся легковым извозом. Один из них имел 30, второй – более 40 и третий – 80 лошадей. У каждого из предпринимателей имелись собственные кареты и троечные заклады. В качестве извозчиков у них трудились местные крестьяне.

Общая годовая выручка предпринимателей составляла около 90000 рублей⁴².

«Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии» свидетельствуют о преобладании тех промыслов, становление и развитие которых находилось в прямой зависимости от природно-климатических условий, степени развития путей сообщения, расположения крестьянских поселений относительно крупных городов, возможностей местного рынка рабочей силы и хозяйственной конъюнктуры. Поэтому в Царскосельском уезде наиболее развит был извоз, которым в той или иной степени занималось 41,5% крестьянских семей из общего количества, промышлявших сторонними заработками⁴³; в Санкт-Петербургском уезде среди промыслов доминировали извоз и прочие конные заработки, работа на фабриках и заводах, сдача жилых помещений под дачи в летнее время⁴⁴. Неземледельческая деятельность крестьянского населения в Новолadoжском уезде, как свидетельствовал В.Яковенко, была сосредоточена на судовом, лесном и рыбном промыслах. Так, в приозерных волостях: Кабонской, Шахновской, Доможировской и Изсадской местное крестьянское население $\frac{3}{4}$ всех доходов извлекало из рыбного промысла⁴⁵. В Петергофском уезде на первом месте стоял извозный промысел, которым была занята пятая часть крестьянских дворов. Второе место по значению занимали работы в столице. Крестьяне-отходники работали на лесных биржах, складах строительных материалов, кучерами и лакеями⁴⁶. В Ямбургском уезде промыслы по степени их значения для местного крестьянского населения распределялись следующим образом: судовые (сплав по рекам Луге и Нарове, погрузка и выгрузка с кораблей), лесные (заготовка и вывозка леса) и извоз⁴⁷.

Анализ земских источников дает возможность судить как о сильных, так и слабых их сторонах. Несомненно, что наличие единых программ по сбору сведений о промысловых занятиях крестьян, позволяет производить сопоставление данных по уездам и губерниям. В земских обследованиях неплохо разработан материал об отхожих крестьянских промыслах, поскольку при их характеристике использовались не только сведения,

представленные корреспондентами, но и официальная статистика волостных правлений о количестве выданных паспортов и видов (по годам). Это дает возможность проследить динамику крестьянского отхода и распределение отходников по временам года. Для установления степени отрыва крестьян от земли большое значение имеет распределение документов по времени, на которое они были взяты (краткосрочные или долгосрочные)⁴⁸. В то же время земские обследования не содержат, как правило, характеристику крестьянских хозяйств, выделявших отхожих промышленников. Поэтому судить о положении крестьянского двора можно лишь на основании заключений общего, во многом описательного характера, в которых причина отхода земледельцев на заработки характеризовалась словами: уходят «из-за малоземелья», «из-за разорения», невозможности «уплатить подати из доходов от хозяйства». Кроме того, уходивших на заработки крестьян земская статистика не подразделяла, как правило, на социальные группы.

Земские данные о крестьянских промыслах не всегда полны, поскольку по отдельным волостям не были получены исходные сведения. Особенно слабо представлен материал по местным неземледельческим занятиям крестьян. Преимущественно это описания отдельных промыслов по волостям либо уездам.

Тем не менее, рассмотренные выше источники, взятые в совокупности и подвергнутые критическому анализу, дают возможность для достаточно полной и объективной характеристики местных и отхожих промыслов крестьян Петербургской, Псковской и Новгородской губерний в пореформенный период.

¹ См.: *Дробижев В.З., Ковальченко И.Д., Муравьев А.В.* Историческая география СССР. М., 1973. С. 183. В некоторых источниках к трем северо-западным губерниям присоединялась Олонецкая губерния; в этом случае речь шла о т. н. Приозерном регионе.

² См.: Полное собрание законов Российской империи. II собр. Т. XLV. 1-е отд. № 48502.

³ Сборник циркуляров и распоряжений МВД с 1858 по 1896 год. М., 1896. С. 18.

⁴ Проблема информативности губернаторских отчетов и достоверности, содержащихся в них сведений, не раз становилась объектом

- внимания исследователей. См.: *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. С. 161-186; *Дятлова Н.П.* Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения. Л., 1964; *Минаков А.С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX – начала XX веков // Отечественная история. 2005. № 3. С. 170-175.
- ⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 69 (1877 г.). Д. 165. Л. 2.
 - ⁶ Там же. Научно-справочная библиотека. Отчеты губернаторов. Д. 58. Л. 3.
 - ⁷ Там же. Л. 69.
 - ⁸ Там же. Д. 68. Л. 122.
 - ⁹ Там же. Ф. 1281. Оп. 6 (1860 г.). Д. 53. Л. 63-65.
 - ¹⁰ Там же. Ф. 1284. Оп. 70 (1880 г.). Д. 136. Л. 53.
 - ¹¹ Там же. Оп. 70 (1882 г.). Д. 181. Л. 60-62.
 - ¹² Там же. Оп. 69 (1877 г.). Д. 165. Л. 27.
 - ¹³ Там же. Оп. 223 (1889 г.). Д. 187. Л. 36.
 - ¹⁴ Там же. Научно-справочная библиотека. Отчеты губернаторов. Д. 58. Л. 60.
 - ¹⁵ Там же. Л. 21.
 - ¹⁶ Там же. Д. 68. Л. 158.
 - ¹⁷ Там же. Ф. 1284. Оп. 223 (1889 г.). Д. 187. Л. 36; Оп. 223 (1890 г.). Д. 229. Л. 75; Научно-справочная библиотека. Отчеты губернаторов Д. 58. Л. 60, 64, 69, 77.
 - ¹⁸ Там же. Научно-справочная библиотека. Отчеты губернаторов. Д. 58. Л. 74.
 - ¹⁹ Там же. Д. 68. Л. 122-123.
 - ²⁰ Там же. Ф. 1284. Оп. 69 (1877 г.). Д. 165. Л. 28.
 - ²¹ Там же. Ф. 395. Оп. 1. Д. 1107. Л. 8.
 - ²² Там же. Д. 306. Л. 1-2.
 - ²³ Там же. Л. 288-295.
 - ²⁴ Там же. Д. 1331. Л. 8-12.
 - ²⁵ Там же. Ф. 1291. Оп. 37 (1875 г.). Д. 319. Л. 3-17.
 - ²⁶ Там же. Ф. 401. Оп. 1. Д. 47. Л. 2-3, 10-11, 16.
 - ²⁷ Составлено по: Санкт-Петербург по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. 118; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 года. Т. I, ч. 1. СПб., 1883. С. 245; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. Ч. 1: Население, вып. 1. СПб., 1891. С. 84; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Вып. 1. СПб., 1903. С. 168-171.

- ²⁸ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 26: Новгородская губерния, тетрадь 2. СПб., 1903. С. XIII.
- ²⁹ *Остряков А.* Кустарная промышленность в Новгородской губернии // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. 8. СПб., 1882. С. 1372.
- ³⁰ Там же. С. 1413-1415.
- ³¹ Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 222-223.
- ³² См.: *Будаев Д.И.* Неземледельческий отход крестьян Смоленской губернии во второй половине XIX века // Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи: Материалы юбилейной науч. конф. Смоленск, 1967. С. 163-165.
- ³³ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 33: Псковская губерния. СПб., 1903. С. 111.
- ³⁴ Псковская губерния: Свод данных оценочно-статистического исследования. Т. 2: Новоржевский уезд, вып. 2: Крестьянское хозяйство. Псков, 1912. С. 11.
- ³⁵ Там же. Т. 1: Опочецкий уезд, вып. 1: Территория, население, землевладение. Псков, 1901. С. 128.
- ³⁶ Там же. Т. 2: Новоржевский уезд, вып. 2: Крестьянское хозяйство. С. 13-15; Там же. Т. 6: Островский уезд, вып. 1: Территория, население, землевладение. Псков, 1911. С. 63-64.
- ³⁷ См.: Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 6: Крестьянское хозяйство в Лужском уезде, ч. 2: Очерк крестьянского хозяйства. СПб., 1891. С. 165-192.
- ³⁸ См.: Там же. Вып. 3: Крестьянское хозяйство в Ямбургском уезде. СПб., 1885. С. 198.
- ³⁹ См.: Там же. С. 217; Там же. Вып. 1: Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. СПб., 1882. С. 161.
- ⁴⁰ Там же. Вып. 8: Крестьянское хозяйство в Новолодожском уезде, ч. 2: Очерк крестьянского хозяйства. СПб., 1896. С. 217.
- ⁴¹ Там же. Вып. 5: Крестьянское хозяйство в Санкт-Петербургском уезде, ч. 2: Очерк крестьянского хозяйства. СПб., 1887. С. 293.
- ⁴² Там же. Вып. 7: Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде. СПб., 1892. С. 249.
- ⁴³ Там же. С. 224.
- ⁴⁴ Там же. Вып. 5: Крестьянское хозяйство в Санкт-Петербургском уезде, ч. 2: Очерк крестьянского хозяйства. С. 226-227.

- ⁴⁵ Там же. Вып. 8: Крестьянское хозяйство в Новолдожском уезде, ч. 2: Очерк крестьянского хозяйства. С. 212, 215; См. также: Статистический сборник по Санкт-Петербургской губернии. 1896 год. Вып. 1. СПб., 1897. С. 187.
- ⁴⁶ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 1: Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. СПб., 1882. С. 161-162.
- ⁴⁷ Там же. Вып. 3: Крестьянское хозяйство в Ямбургском уезде. С. 214, 217, 235.
- ⁴⁸ Недостатки паспортной статистики обстоятельно проанализированы известным историком-аграрником П.Г.Рындзюнским. См.: *Рындзюнский П.Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века. М., 1983. С. 105-106.

**УЕЗДНЫЕ ПО КРЕСТЬЯНСКИМ ДЕЛАМ
ПРИСУТСТВИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ
РОССИИ: ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ**

Отмена крепостного права – одно из важнейших событий в истории России XIX в., повлекшее за собой коренные изменения во всех сферах жизни российского общества. Для реализации основных положений реформы 19 февраля 1861 г. на местах была создана система учреждений по крестьянским делам. Новые должностные лица должны были разъяснить крестьянам смысл грядущих преобразований, провести размежевание помещичьих и крестьянских земель и организовать крестьянское самоуправление. По замыслу законодателей, учреждения по крестьянским делам должны были действовать временно, однако они просуществовали более полувека, вплоть до падения Российской империи. За время своего существования органы управления крестьянством неоднократно реформировались, но оставалась неизменной их основная функция – управление и контроль над сельским населением.

В отечественной исторической науке деятельность учреждений по крестьянским делам рассмотрена крайне неравномерно. Наиболее полно изучен институт мировых посредников, особенно первые годы его существования. Институт земских участковых начальников, его состав и правовое положение, также не раз становились предметом обсуждения в исторической науке. В то же время период между 1874 г., когда были упразднены мировые посредники, и 1889 г., когда было издано Положение о земских участковых начальниках, в значительной степени выпал из поля зрения отечественных историков. Деятельность уездных по крестьянским делам присутствий и их непрременных членов, функционирующих с 1874 по 1889 г., до сих пор остается практически не изученной. Одной из основных причин подобного положения вещей является

ограниченность источниковой базы. В результате, чтобы составить достаточно полную картину деятельности учреждений по крестьянским делам этого периода, историкам приходится привлекать все имеющиеся в наличие виды источников, собирая информацию буквально по крупицам.

Значительную часть сведений по данной проблеме содержат опубликованные источники. К ним, в первую очередь, следует отнести законодательные акты, позволяющие охарактеризовать правовое положение уездных по крестьянским делам присутствий и их непременных членов. Наибольший интерес в этом отношении представляет «Положение об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам» 1874 г.¹

«Положение» 1874 г. регулировало деятельность вновь создававшихся учреждений по крестьянским делам, их организацию, состав и компетенцию. Данный источник интересен, прежде всего, тем, что позволяет выяснить намерения власти по отношению к учреждаемому институту, определить его характер, сильные и слабые стороны, то место, которое данное учреждение занимало в системе местных органов власти.

Если провести сравнительный анализ между «Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениям» 1861 г. и «Положением» 1874 г., то можно сделать вывод о значительном изменении правительственной политики по отношению к учреждениям по крестьянским делам. Цель этой политики заключалась в том, чтобы сделать институт чиновников по крестьянским делам более управляемым и зависимым, менее обременительным для казны и местных бюджетов, а также более дееспособным.

«Положение» 1874 г. сохранило систему особых учреждений по крестьянским делам, ее сословный характер, но существенным образом изменило правовое положение, состав, а также права и обязанности. Произошло перераспределение административных, судебных и полицейских функций мировых посредников между местными учреждениями и должностными лицами. На смену единоличной власти мировых посредников пришли коллегиальные учреждения – уездные по

крестьянским делам присутствия. Кроме неперемного члена в состав крестьянского присутствия были введены исправник, председатель уездной земской управы, один из почетных мировых судей по приглашению министра юстиции, а также уездный предводитель дворянства в качестве председателя.

Новое «Положение» в значительной степени санкционировало прямое вмешательство администрации в дела крестьянского самоуправления посредством составления так называемых «инструкций для руководства» волостным и сельским обществам. Несмотря на то, что по замыслу законодателей, данные инструкции носили рекомендательный характер, на практике они приобретали силу закона. Этот процесс был неизбежен, учитывая ту степень зависимости, в которой находилось общественное самоуправление крестьян от присутствий по крестьянским делам, обладавших правом наложения дисциплинарных взысканий на крестьянских должностных лиц, вплоть до предания суду и удаления от должности.

По закону порядок действий новых учреждений должен был определяться правилами для мировых посредников, которые были слишком кратки и неясны, в силу масштабности преобразований 60-х годов. В результате каждое крестьянское присутствие вырабатывало свой порядок действий, нередко противоречащий букве закона.

Непосредственным преемником мирового посредника стал неперемный член уездного по крестьянским делам присутствия. Численность их была резко сокращена, до одного – двух чиновников на уезд. Неперемный член крестьянского присутствия сохранил свою основную функцию – поземельное устройство крестьян, но лишился прежней самостоятельности. Утверждение «неперемного члена» в должности министром внутренних дел (мировые посредники утверждались в должности Сенатом) превратило его в рядового служащего министерства. Кроме того, он лишился большей части прежних дисциплинарных полномочий по отношению к крестьянству, попав в полную зависимость от действий уездного по крестьянским делам присутствия.

Изучение «Положения» 1874 г., особенно в сравнении с Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях 1861 г., дает достаточно полное представление об основных принципах функционирования новых учреждений по крестьянским делам, их составе, целях и задачах, а также характеризует отношение власти к институту в целом. Анализ данного документа позволяет утверждать, что реформа 1874 г. способствовала постепенному превращению учреждений по крестьянским делам из посреднического учреждения в административный орган надзора и контроля над крестьянским общественным самоуправлением.

Важным источником, освещающим деятельность учреждений по крестьянским делам, действовавших по «Положению» 1874 г., является официальный трехтомный труд «Материалы по преобразованию местного управления в губерниях, доставленные губернаторами, земством и присутствиями по крестьянским делам»². В данном издании опубликованы предложения местных органов управления и самоуправления о внесении изменений в «Положение» 1874 г. Появление этих предложений было связано с решением правительства прояснить ситуацию в связи с участвовавшими серьезными нареканиями в адрес местных органов власти, и в том числе уездных по крестьянским делам присутствий.

19 марта 1880 г. Главный комитет об устройстве сельского состояния поручил министру внутренних дел передать возникшие в разных губерниях вопросы об изменении ряда статей Положения 27 июня 1874 г. на обсуждение губернских по крестьянским делам присутствий и местных земств. Циркуляром от 22 декабря 1880 г. Министерство внутренних дел потребовало от губернаторов организовать сбор мнений губернских и уездных крестьянских присутствий, а также губернских и уездных земских собраний по данному вопросу³. Правительственный циркуляр вызвал заметное оживление в земской среде. Были созданы специальные комиссии для подготовки докладов по предложенным вопросам. В среднем в 22 губерниях в обсуждении приняли участие 43,7% земских гласных (603 из 1377), в

том числе в губерниях: Новгородской – 32 из 58, Псковской – 27 из 42, Петербургской – 33 из 62. В Санкт-Петербургской губернии комиссию возглавил барон П.Л.Корф, прослуживший в течение трех лет в должности мирового посредника и в качестве уездного предводителя дворянства возглавлявший Гдовское крестьянское присутствие⁴.

Помимо комиссий собственные доклады подготовили многие земские управы и уездные по крестьянским делам присутствия. Эти доклады, а также постановления уездных и губернских земских собраний, собранные в трехтомный сборник «Материалов», представляют огромный интерес для исследователей. Они позволяют изучить взаимоотношения между учреждениями по крестьянским делам и остальными местными органами управления и самоуправления, в первую очередь земствами и губернаторами. Кроме того, в докладах и постановлениях содержится информация, характеризующая деятельность уездных по крестьянским делам присутствий и их непререкаемых членов, а также их взаимоотношения с крестьянским населением, причем данная информация отличается высокой степенью достоверности, поскольку все документы носят официальный характер. Хотя следует допустить, что земства намеренно «сгущали краски», характеризуя ситуацию на местах, будучи кровно заинтересованы в уничтожении крестьянских учреждений (при уездных по крестьянским делам присутствиях), обладавших гораздо большими полномочиями. Большинство земских уездных и губернских собраний северо-западных губерний высказались за ликвидацию учреждений по крестьянским делам, как неэффективных и даже вредных, подвергнув резкой критике их деятельность. Более того, они выступили против сохранения административной опеки над крестьянством и создание всесословной волости.

Особый интерес для историков представляют доклады самих уездных по крестьянским делам присутствий. Их анализ позволяет выявить взгляды деятелей крестьянских учреждений и, в первую очередь, непререкаемых членов, которые в большинстве случаев сами составляли эти доклады. Применительно к северо-западным губерниям наибольший интерес пред-

ставляют помещенные в сборник доклады Санкт-Петербургского, Царскосельского и Демянского по крестьянским делам присутствий, соответственно Санкт-Петербургской и Новгородской губерний. Присутствия высказались за упразднение учреждений по крестьянским делам как неэффективных, хотя указали, что причины такого положения дел заключаются не в самих учреждениях, а в неправильной организации крестьянства, его обособленности, закрепленной «Положением» 1861 года, в крестьянской общине с ее безграничным самоуправлением и круговой порукой.

Доклады комиссий и постановления земских органов содержат также большое количество статистических данных, характеризующих деятельность крестьянских присутствий (количество и виды дел) и положение крестьянства в том или ином уезде (наличие земли, количество временно-обязанных крестьян в уездах, материальное положение населения).

Особый интерес для понимания взглядов чиновников по крестьянским делам представляет записка неперменного члена Санкт-Петербургского губернского по крестьянским делам присутствия А.И.Бландова, помещенная в сборнике. Бландов признал необходимость упразднения крестьянских учреждений, как бесполезных и неэффективных в силу отсутствия полномочий, малочисленности и неудачного принципа комплектования, и предложил разделить их обязанности между судебными и земскими органами.

Интересен для исследователей «Свод местных ходатайств и представлений об изменениях в Положении 27 июня 1874 года»⁵. Показательно, что семь из девяти предложений по улучшению деятельности учреждений по крестьянским делам, представленных губернаторами и собранных в этом «Своде», касались статуса и полномочий неперменных членов крестьянских присутствий. В большинстве своем предлагалось вернуть неперменным членам часть полномочий и обязанностей мировых посредников.

Циркуляр Министерства внутренних дел от 22 декабря 1880 г. вызвал широкий общественный резонанс и многочис-

ленные отклики в прессе. Следует отметить, что периодическая печать этого времени является незаменимым источником по истории института чиновников по крестьянским делам. Все ведущие газеты и журналы, в большей или меньшей степени, освещали данную проблему, вызывавшую стойкий общественный интерес. Публикации того времени содержат богатый и разноплановый материал, прежде всего, это письма с мест от помещиков, крестьян и самих чиновников по крестьянским делам, воспоминания современников и участников событий, статистические сведения, статьи, характеризующие крестьянские учреждения в целом, а также их региональные особенности.

Подавляющее большинство публикаций таких газет, как «Новости и биржевая газета», «Страна», «Минута», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Порядок» за 1881-1882 гг., содержат крайне негативную оценку деятельности уездных крестьянских присутствий, а также их непременных членов. Их обвиняли в ухудшении положения крестьянства и тех злоупотреблениях, в которых погрязло крестьянское общественное самоуправление. Большинство газетных статей носят публицистический характер и представляют собой описание недостатков крестьянского управления и самоуправления, с указанием возможных мер по их исправлению. Кроме того, в газетах публиковались официальные отчеты о заседаниях губернских и уездных земских собраний, посвященные вопросу о реформировании крестьянских учреждений.

Ценный материал содержит газета «Земство», издававшаяся с 1880 г. под редакцией Ю.В.Скалона⁶.

Особое внимание газеты, скоро занявшей одно из самых видных мест в либеральной печати того времени, было обращено на вопрос о преобразовании местного управления и самоуправления. Здесь опубликованы постановления Череповецкого и Устюжского уездных земских собраний Новгородской губернии, а также всех уездных земских собраний Санкт-Петербургской губернии по поводу необходимых изменений в системе управления крестьянством. Исследование материалов, помещенных на страницах этого издания, позволяет выяснить

отношение земских деятелей к учреждениям по крестьянским делам, а также оценку результатов их деятельности с точки зрения местных жителей.

Вопрос о предполагаемых изменениях в устройстве местных по крестьянским делам учреждений нашел отклик и в провинциальной прессе. В «Псковском городском листке» за 1881 г. опубликован отчет о заседании Псковского губернского земского собрания по данному вопросу. Аналогичный материал содержит «Новгородский листок». Кроме того, редактор «Новгородского листка» Я.Елишевич, издававший свою газету в весьма либеральном ключе, поместил ряд критических статей о деятельности уездных крестьянских присутствий Новгородской губернии⁷.

Нужно отметить, что, анализ провинциальной прессы позволяет составить представление о взаимоотношениях между различными органами власти в рамках уезда, так как зачастую конфликты между членами присутствия выливались на страницы газет. Новгородский листок за 1882 г. содержит своеобразную публичную переписку между должностными лицами Валдайского уезда, содержащую множество обвинений и разоблачений, а также интересных для историка подробностей деятельности местного крестьянского присутствия.

В это же время в ряде русских журналов появляются публицистические статьи, посвященные присутствиям по крестьянским делам. Особый интерес представляет статья Н.П.Колупанова «Уездные крестьянские присутствия» в журнале «Русская мысль». Автор перечисляет основные недостатки и причины неудовлетворительной деятельности «несчастных учреждений, которые кроме вреда делу ничего не приносят», а также предлагает свой проект нового устройства крестьянского управления⁸.

Подавляющее большинство газетных и журнальных публикаций того времени проводило мысль о необходимости коренного изменения в системе местных по крестьянским делам учреждений, вплоть до их полного упразднения, как неэффективных и даже вредных. Это относится как к либеральным изда-

ниям, так и к изданиям охранительного толка. Подобное единоедушие, весьма редкое для прессы второй половины XIX в., позволяет судить об ошибочности реформы 27 июня 1874 г., спровоцировавшей дальнейшее ухудшение положения крестьянства.

Нужно отметить, что материалы по данной проблеме, опубликованные в прессе, заинтересовали Министерство внутренних дел. Правительственной комиссией, занимавшейся составлением проекта об устройстве местного управления, был составлен специальный «Указатель статей печати, относящихся к преобразованию местного управления»⁹. Таким образом, можно с большой долей уверенности утверждать, что материалы, содержащиеся в периодической печати, были учтены правительством при разработке нового положения об учреждениях по крестьянским делам.

Сведения о личном составе непреходящих членов крестьянских присутствий и о составе самих присутствий северо-западных губерний, к сожалению, носят фрагментарный характер. Большинство формулярных (послужных) списков не сохранилось, они были уничтожены Архивной комиссией в 1917 г. В связи с этим основным источником здесь служат Памятные книжки губерний, которые стали издаваться с середины XIX в. С 1861 г. в них начинают публиковаться списки чиновников, служащих по крестьянским делам, с указанием чина, других занимаемых должностей, в ряде случаев наград, что позволяет проследить соотношение гражданских и военных чинов в составе чиновников по крестьянским делам, преемственность кадров в крестьянских учреждениях, продолжительность нахождения чиновников на службе¹⁰.

Анализ данных, содержащихся в Памятных книжках Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской губерний, свидетельствует о том, что преемственность кадров в учреждениях по крестьянским делам действительно имела место. По данным на 1875 г., из 27 назначенных в северо-западные губернии непреходящих членов уездных по крестьянским делам присутствий 15 в разное время выполняли обязанности мировых посредников и были непосредственно знакомы со спецификой

деятельности учреждений по крестьянским делам. Многие бывшие мировые посредники вошли в состав присутствий по крестьянским делам по должности, будучи уездными предводителями дворянства, председателями уездных земских управ, почетными мировыми судьями. Кроме того, анализ сведений, содержащихся в Памятных книжках, позволяет утверждать, что в среде непременных членов крестьянских присутствий было чрезвычайно развито совместительство. Чиновники по крестьянским делам часто выполняли дополнительные обязанности. Они являлись присяжными заседателями, почетными мировыми судьями, гласными в уездном и губернском земских собраниях, заседали в различных комиссиях и комитетах. Так, из восьми непременных членов Псковской губернии, занимавших эту должность в 1883 г., пятеро являлись почетными мировыми судьями.

В целом личный состав непременных членов крестьянских присутствий, обладая значительным опытом, оказался гораздо более подготовленным к выполнению своих обязанностей, чем первые мировые посредники. Однако незначительное денежное содержание, необходимость контролировать сельское население целого уезда, отсутствие реальной власти в значительной степени снижали его потенциал.

Таким образом, исследователям доступен весьма значительный массив опубликованных источников, однако они, в большинстве своем, дают лишь общую характеристику уездным по крестьянским делам присутствиям, почти не затрагивая конкретную их деятельность и региональные особенности. Этот недостаток восполняется за счет архивных материалов.

Источники по исследуемой проблеме, хранящиеся в архивах, не столь многочисленны. Основная часть их сосредоточена в фондах Российского государственного исторического архива (далее – РГИА) и Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб.). Что касается региональных архивов, в частности Государственного архива Псковской области, то там практически не сохранились материалы по исследуемой проблеме.

Основной массив документов об учреждениях по крестьянским делам хранится в фонде № 1291 РГИА – фонд Земского отдела Министерства внутренних дел, специально созданном для контроля над деятельностью чиновников по крестьянским делам. Это различные материалы по крестьянскому делу, поступавшие в Министерство внутренних дел от частных лиц, губернаторов, губернских и уездных по крестьянским делам присутствий. В большинстве своем они освещают историю взаимоотношений между крестьянскими присутствиями и вышестоящими учреждениями, губернскими по крестьянским делам присутствиями и губернаторами. Это, прежде всего, циркулярная переписка по самым различным вопросам, разнообразны отчеты, ведомости. Кроме того, в фонде хранятся дела о назначении на должности непреременных членов крестьянских присутствий по различным губерниям, в том числе Новгородской, Псковской и Санкт-Петербургской. Эти дела позволяют уточнить данные по личному составу чиновников.

Переписка между Министерством внутренних дел и губернаторами, касающаяся деятельности учреждений по крестьянским делам, действовавших по Положению 1874 г. содержится также в фонде 1282 – канцелярия Министра внутренних дел. Большая часть переписки посвящена обсуждению на местах известного циркуляра Министерства внутренних дел от 22 декабря 1880 г. и той реакции, которая последовала вслед за этим.

Аналогичная информация содержится в фонде Особой комиссии для составления проектов местного управления (ф. 1317). Это представления губернаторов в министерство внутренних дел, отзывы присутствий по крестьянским делам и земских учреждений об изменениях в устройстве местных по крестьянским делам учреждений.

Важным источником, характеризующим деятельность присутствий по крестьянским делам, являются всеподданнейшие отчеты губернаторов, хранящиеся в ф. 1284 – Департамента общих дел министерства внутренних дел. Среди них наиболее интересен отчет Новгородского губернатора Э.В.Лерхе за 1884 г., в котором резкой критике подвергаются непосредст-

венно неперемные члены крестьянских присутствий, их деятельность, как в рамках самих присутствий, так и непосредственно по отношению к крестьянству. Губернатор отметил, что проведенная им ревизия выявила удручающую картину. По результатам проверки Новгородское губернское по крестьянским делам присутствие обратилось в Сенат с просьбой привлечь к судебной ответственности Череповецкое крестьянское присутствие в полном составе за абсолютное бездействие и прямое пренебрежение своими обязанностями¹¹.

В научно-справочной библиотеке РГИА хранятся доклады особых комиссий, созданных в губерниях, а также предложения губернских и уездных земских собраний по вопросу о преобразовании местных по крестьянским делам учреждений, составленные в 1881-1882 гг.. Помимо перечисления всех характерных для присутствий по крестьянским делам недостатков, причиной которых, по мнению местных общественных деятелей, являлась непродуманность и ошибочность самой реформы 1874 г., предлагаются меры по их исправлению. Особое место среди этих документов занимает записка члена Государственного Совета сенатора М.Е.Ковалевского, содержащая материалы, касающиеся положения и деятельности крестьянских учреждений Казанской и Уфимской губерний¹².

В 1881-1882 гг. в связи с обсуждением реформы местного управления в ряде губерний были проведены сенаторские ревизии. Материалы этих ревизий – незаменимый источник по истории крестьянских учреждений. К сожалению, эти ревизии не коснулись северо-западных губерний, однако они дают достаточно полное представление о том, как функционировали крестьянские присутствия в различных уездах и в целом по стране. Сенаторские ревизии выявили совершенно неудовлетворительное состояние учреждений по крестьянским делам: многочисленные нарушения, допускавшиеся при производстве дел, злоупотребления должностных лиц, бездеятельность неперемных членов крестьянских присутствий.

Фонды ЦГИА (СПб.) содержат ценную информацию о личном составе и практической деятельности уездных по крестьянским делам присутствий Санкт-Петербургской губернии.

Наибольший интерес для исследователей представляет фонд Петербургского губернского по крестьянским делам присутствия (ф. 190). В нем хранятся документы с 1861 по 1891 г., характеризующие деятельность учреждений по крестьянским делам, действовавших по «Положениям» 1861 и 1874 гг. Это дела по личному составу непременных членов крестьянских присутствий Санкт-Петербургской губернии (сведения о службе, об утверждении в должностях, формулярные списки), а также разнообразная делопроизводственная документация (межведомственная и внутриведомственная переписка; организационно-распорядительная документация; отчеты должностных лиц и органов власти; просительные документы, а именно жалобы и ходатайства частных лиц, письма и обращения).

Важные сведения, дающие представление о непосредственной деятельности, как непременных членов, так и присутствий по крестьянским делам, содержат ежегодные отчеты о ходе крестьянского дела, которые составлялись крестьянскими присутствиями. Эти данные впоследствии использовались для составления губернаторских отчетов. Отчеты содержат обширный статистический материал. Сведения о количестве заседаний, решенных и нерешенных дел, сведения о деятельности волостных судов и органов крестьянского самоуправления, о количестве проведенных ревизий, привлеченных к ответственности должностных лиц крестьянского самоуправления.

Кроме отчетов уездных по крестьянским делам присутствий, имеются отчеты самих непременных членов. В них, помимо аналогичной статистической информации (количество сельских обществ, число душ крестьян, в том числе временнообязанных, количество земли, жалоб и проведенных ревизий, количество и виды рассмотренных дел), содержатся сведения о ситуации в уезде, благосостоянии сельских обществ, трудностях, с которыми чиновникам по крестьянским делам приходилось сталкиваться при осуществлении своей деятельности.

В этом же фонде содержатся жалобы землевладельцев на деятельность непременных членов крестьянских присутствий, письма и обращения самих деятелей учреждений по крестьянским делам.

Небольшие по объему фонды Лужского (ф. 2227), Новоладожского (ф. 488), Петербургского (ф. 977) и Петергофского (ф. 766) уездных по крестьянским делам присутствий представлены циркулярной межведомственной и внутриведомственной перепиской крестьянских присутствий и неперменных членов с вышестоящими и нижестоящими учреждениями (губернским присутствием по крестьянским делам, волостными и сельскими должностными лицами). Здесь также находятся отчеты о делопроизводстве присутствий и инструкции, составленные для сельских обществ.

Подводя итог, следует отметить, что в совокупности опубликованные и архивные источники дают возможность составить достаточно полную картину деятельности уездных по крестьянским делам присутствий, определить их первоначальный состав, цели и задачи, воссоздать деятельность этих учреждений в рамках северо-западных губерний, изучить их взаимоотношения с другими органами местного управления и самоуправления, а также с центральными органами власти. Несомненно, данные материалы следует воспринимать критически. Несмотря на то, что большинство их относится к делопроизводственным документам и носит официальный характер, сведения, изложенные в представленных документах, вполне могли быть искажены чиновниками в своих интересах. Практически не сохранились материалы личного происхождения – мемуары, дневники, письма деятелей учреждений по крестьянским делам, действующих по Положению 1874 г. Несмотря на эти особенности, имеющийся массив источников предоставляет возможность подробно изучить деятельность уездных по крестьянским делам присутствий, оценить ту роль, которую они сыграли в деле управления крестьянством, проследить развитие взаимоотношений с различными органами власти, и определить место, которое они занимали в системе местного управления России.

¹ Положение об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам // ПСЗРИ. II собр. 1874. Т. XLIX, отд. 1. № 53678.

- ² Материалы по преобразованию местного управления в губерниях, доставленные губернаторами, земством и присутствиями по крестьянским делам. СПб., 1883-1884. Ч. 1-3.
- ³ Сборник узаконений и распоряжений правительства и циркуляров МВД по предметам, касающимся крестьянского управления, обнародованных с 1 января 1876 по 1 июля 1883 гг. Великий Устюг, 1883.
- ⁴ *Скалон В.Ю.* Земские взгляды на реформу местного управления. М., 1884. С. 15.
- ⁵ Свод местных ходатайств и представлений об изменениях в Положении 27 июня 1874 г. СПб., 1885.
- ⁶ Земство. 1881. № 15, 17, 38, 52.
- ⁷ Псковский городской листок. 1881. 19 дек.; Новгородский листок. 1881. № 12, 19, 20.
- ⁸ Русская мысль. 1880. Кн. 12.
- ⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1317. Оп. 1. Д. 94.
- ¹⁰ Псковские губернские ведомости. 1875. 25 янв. Памятные книжки Псковской губернии за 1877 – 1889 гг.; Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии за 1875, 1877, 1882, 1884 гг.; Памятные книжки Новгородской губернии за 1876, 1878, 1879, 1880 – 1883 гг.
- ¹¹ Всеподданнейший отчет Новгородского губернатора за 1884 г. // Российский государственный исторический архив. Научно-справочная библиотека. Материалы об уездном управлении и уездных учреждениях. Печатная записка № 58. Л. 6 об.-7.
- ¹² Записка члена Государственного Совета сенатора Ковалевского, заключающая материалы, касающиеся положения и деятельности крестьянских учреждений, обнаруженные при ревизии губерний Казанской и Уфимской // Там же. Печатная записка № 175. Л. 10-11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Устинова Ирина Александровна – канд. ист. наук

Лисейцев Дмитрий Владимирович – старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН, канд. ист. наук

Ракитина Марина Георгиевна – старший научный сотрудник ФГУК ГИКМЗ «Московский Кремль», соискатель ученой степени канд. ист. наук

Чернышев Владимир Яковлевич – преподаватель истории, краевед (г. Муром Владимирской обл.), канд. ист. наук

Корецкий Вадим Иванович – старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, доктор ист. наук

Белюсов Максим Рудольфович – ассистент кафедры Отечественной истории до XX в. ист. факультета Казанского государственного университета, канд. ист. наук

Алимова Лилия Баторгалиевна – зав. кафедрой общегуманитарных дисциплин филиала ГОУ ВПО Самарского государственного университета путей сообщения, доцент, канд. ист. наук, докторант Центра отечественной культуры Института российской истории РАН

Ефремова Елена Николаевна – директор Государственного архива Тверской обл., аспирант Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН

Иванов Виталий Анатольевич – доцент кафедры отечественной истории Калужского государственного педагогического университета им. К.Э.Циолковского, канд. ист. наук

Медушевский Андрей Николаевич – ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН, доктор филос. наук

Козлов Сергей Алексеевич – ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН, доктор ист. наук

Никулин Валерий Николаевич – доцент кафедры истории России исторического факультета Российского государственного

ного университета им. Иммануила Канта (г. Калининград),
доктор ист. наук

Жданович Людмила Николаевна – доцент кафедры специальных исторических дисциплин и региональной истории исторического факультета Российского государственного университета им. Иммануила Канта (г. Калининград), канд. ист. наук

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>И.А.Устинова.</i> Управление церковными владениями в Московском уезде в конце 1620-х – начале 1630-х гг. (по книгам Патриарших приказов)	7
<i>Д.В.Лисейцев.</i> Нарративные источники второй половины XVI – начала XVII в. о приказной системе Московского государства	18
<i>М.Г.Ракитина.</i> Обряды рождения и крещения царских детей в России XVI–XVII вв.	46
<i>В.Я.Чернышев.</i> Опись царских грамот XVII в., входящих в состав копияной книги муромской земской приказной избы (публикация источника)	71
<i>В.И.Корецкий.</i> Становление крепостничества и системы государственного феодализма на юге России в конце XVI – начале XVII в. (историография и источники)	85
<i>М.Р.Белусов.</i> О боярских списках столбцовой формы периода царствования Алексея Михайловича как историческом источнике	98
<i>Л.Б.Алимова.</i> Формы финансовой отчетности казенных художественных мануфактур в XVIII–XIX вв.	118
<i>Е.Н.Ефремова.</i> Материалы переписной книги 1709 г. и 1-й ревизии как источник по формированию тверского купечества в начале XVIII в.	135
<i>В.А.Иванов.</i> Источники о штатах присутственных мест Московской губернии середины XIX в.	169
<i>А.Н.Медушевский.</i> Аграрные реформы в России: проекты и реализация	193
<i>С.А.Козлов.</i> Вопросы аграрной модернизации Центрально-Нечерноземной России на страницах «Земледельческой газеты» XIX – начала XX в.	231
<i>В.Н.Никулин.</i> Промыслы крестьян Северо-Запада России во второй половине XIX – начале XX в.: источниковедческий аспект	252
<i>Л.Н.Жданович.</i> Уездные по крестьянским делам присутствия северо-западных губерний России: источники изучения	270
Сведения об авторах	285

Редактор
О.А.Пруцкова

Корректор
Л.С.Новоселова-Чурсина

Компьютерная верстка
Н.В.Васильева

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 16.12.08.	Формат 60x84/16.	Заказ
Тираж 300 экз.	18,00 п.л.	16,81 уч-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.